

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 3 (42) 2013

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.05.13

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 8,3 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 402.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Апоkhина М. А.** The Translation of Verbs of Manner in the Novel
“Jane Eyre” by Charlotte Brontë to Russian and German7
- Устинова Т. В.** Модификации лексического значения слова
в «языковой поэзии» А. Драгомощенко и Л. Хеджинян12

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Афанасьева В. В.** О типовой речевой форме «описание»22
- Возбранная Т. В.** К вопросу о современных тенденциях в области
словообразования28
- Гамар М. В.** Некоторые семантические изменения
терминологической лексики33
- Лапшина Н. В.** Анализ функционирования прецедентных
феноменов в художественном фильме38
- Лосева Н. С.** Рекламные тексты глюттонического дискурса:
опыт классификации44
- Пятаева Н. В.** Взаимодействие слова и грамматики в гнездовом
диахроническом словаре нового типа48
- Синцов В. Ю.** Образные антропоцентрические номинации
как средства выражения национально-культурного компонента
значения54
- Стрёмовская А. Л.** Переговоры и другие формы социальной
интеракции: сравнительный анализ59

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Малетина О. А.** Особенности формирования речевого имиджа
политика68

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

- Борисова А. В.** Особенности лексико-семантической корреляции
единиц поля *воздуха / powietrze* в русском и польском языках ...72
- Мельниченко К. А.** Английский как мировой язык81
- Миронова Т. Ю.** О семантике языковых средств в англоязычном
авторском тексте86
- Радчук О. А.** Гендерный аспект в переводе94
- Хотеева Н. В.** Компоненты поля субъектности в современном
немецком языке97

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Баканова Ю. В. Развитие коммуникативной компетентности при обучении студентов общению	102
Дьякова Т. В. Преподаватель как медиатор в американском и русском педагогическом дискурсе	108
Линева Е. А., Росийская А. И. Коллажирование как методический прием формирования межкультурной компетенции у детей младшего школьного возраста	111
Рудась Н. К. Формирование профессионального достоинства будущего учителя иностранного языка	116
Сахарова А. В., Семёнова Д. С. Повышение мотивации к обучению на уроках иностранного языка в начальных классах	120
АННОТАЦИИ	124
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	130

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Anokhina M. A.** The Translation of Verbs of Manner in the Novel
“Jane Eyre” by Charlotte Brontë to Russian and German7
- Ustinova T. V.** Modification of lexical meaning of a word
in “Language poems” A. Dragomoschenko and L. Khedginyan12

LANGUAGE STUDIES

- Aphanasjeva V. V.** Typical voice form “description”22
- Vozbrannaya T. V.** To the question about the modern trends
in word-formation28
- Gamar M. V.** Some semantic changes of terminological lexis33
- Lapshina N. V.** The analysis of the functioning of precedent phenomena
in a feature film38
- Loseva N. S.** Advertising texts of glyuttonic discourse: the experience
of classification44
- Pyataeva N. V.** The interaction of words and grammar in a breeding
diachronic dictionary of a new type48
- Sincov B. Yu.** Shaped antropocentric nomination as a means
of expression of national-cultural component values54
- Stremovskaya A. L.** Negotiation and other forms of social interaction:
comparative analysis59

LANGUAGE OF POLYTICS

- Maletina O. A.** Peculiarities of formation of speech image policy68

LINGUISTICS AND TRANSLATION

- Borisova A. V.** Peculiarities of lexical-semantic correlation of field units
air / powietrze in the Russian and Polish languages72
- Melnichenko K. A.** English as a global language81
- Myronova T. Y.** Linguistic forms in creative writing text: semantic
elements in completeness86
- Radchuk O. A.** Gender aspect in translation94
- Khoteeva N. V.** The components of the sphere of the personification
in the modern German language97

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Bakanova Yu. V. Development of communicative competence in teaching students to communicate	102
Djakova T. V. Teacher as a mediator in the American and Russian pedagogical discourse	108
Lineva E. A., Rossiiskaya A. I. Collage as a methodical way of forming cross-cultural competence of pupils in primary school	111
Rudas N. K. Formation of the professional dignity of the future teacher of foreign language	116
Sakharova A. V., Semenova D. S. Increasing the motivation to learning foreign language in primary school	120
ABSTRACTS	124
INFORMATION ABOUT AUTHORS	130

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК

THE TRANSLATION OF VERBS OF MANNER IN THE NOVEL "JANE EYRE" BY CHARLOTTE BRONTË TO RUSSIAN AND GERMAN

M. A. Anokhina

The article describes semantic peculiarities of verbs of manner in Russian, English and German. The ability of the verbs to incorporate Manner to their core meaning is high in these languages. Complex semantics of these highly contentful verbs poses problems for translators. In this work I study how translators of the novel "Jane Eyre" by Charlotte Brontë handle translation into Russian and German of verbs that express both the fact of action and its manner. I track whether there is any possible gain or loss of information during the translation process.

Keywords: verbs of manner, to incorporate, components, translation, the novel "Jane Eyre" by Charlotte Brontë.

The ability of manner verbs to incorporate manner to their core meaning is high in English, German and Russian. Though the languages belong to different groups, English and German are Germanic languages, and Russian is a Slavic language, they have at least one thing in common. According to Talmy [1985], languages can be classified into two types, satellite-framed languages (S-languages) and verb-framed languages (V-languages). Slobin added another type - Equipollently-framed languages (E-languages). English, German and Russian are Satellite-framed. Manner is encoded as a main verb; path must be a satellite. The fact that Russian and German verbs integrate morphemes encoding both path and manner seems to place Russian and German into the category of E-languages. However, Slobin's [2006] description of E-framed languages suggests that in this linguistic class both path and manner have roughly morphosyntactic status. In Russian and German, on the other hand, prefixes do not exist without a motion verb. Languages follow different packaging strategies.

Adverbial expression of Manner is an important domain for speakers of English, German and Russian. The languages have developed large lexicons with many distinctions of manner. S-languages allow for an economical expression of manner of action in the main verb of a clause. For example, verbs describing specific types of walking in English, German and Russian: rush – eilen – toropit'sia; wander – wandern – brodit'; stroll – schlendern – prokhazhivat'sia; march – marschieren – marshirovat'; hobble – humpeln – kovylit'; mince (along) – trippeln – semenit'; walk – spazieren – progulivat'sya; race – nachjagen – gnat'sia; rush – rennen – mchat'sia, etc.

S-language users seem to perceive manner and directed motion as a single conceptual event, making it difficult to have a mental image of one without the other.

Besides Manner, there are many components that are encoded in a verb. These are Goal (forge, slump), Instrument (brush, hammer), Body Part (shrug), Container (bag, pocket), Attitude (amble, saunter, stroll), Sound source (roll, crunch, squeak), etc, e.g., (1) *the verb to sneak means to go somewhere secretly and quietly in order to avoid being seen or heard* (LDCE). The verb 'sneak' encodes Place, Manner, and Goal.

I analysed the conflation patterns of verbs of manner in English, German and Russian in order to investigate possible changes (gain or loss) in the informational load during the translation process. To this purpose, I extracted the manner verbs from the novel "Jane Eyre" and its respective translations. These verbs have been studied and classified using English-English, German-German and Russian-Russian dictionaries.

Translators face with the delicate task of finding suitable means of adverbial expression. It is necessary to go from the mental image produced by reading the source language to an appropriate rendering of that mental image in the target language. Translators have to accommodate the characteristics of the source language to the demands of the target language while keeping as accurate as possible the content of the original text.

Translations can be considered more or less faithful to the original, in most cases the translator only translates half of the information or chooses to incorporate a totally different type of manner information. He/she has to decide whether to simply omit a detail of manner or to preserve it in an adverbial clause, thereby giving it more or less narrative weight than in the original.

Literal translation of S-language text into S-language text is supposed to be equal in the amount of information load conveyed. But it happens that texts in target language become dry and non-dynamic, or quite op-

posite – overly dramatic. It might happen when unexpected attention to Manner is paid. In case of good translation a target text keeps all the semantic distinctions of the source text.

In general, there are three modes of translations. For about 50% of the translated English manner verbs the translators found direct counterparts in German and Russian. For about 40%, the translators found suitable combinations of verbs with adverbs or verbs with noun constructions, and about 10% just avoided translating such verbs altogether.

Some consider only the first mode to be accurate as the sense of the situation and/or the style of the author of the original passage is perfectly kept.

Let's compare the following translation strategies. The first mode is the English adverbial verb finds a direct counterpart in Russian and German. In this case the translation fully conveys the action in the original.

(2) English: *A small breakfast-room adjoined the drawing-room, I slipped in there.*

German: *An das Wohnzimmer grenzte ein kleines Frühstückszimmer, in das ich hineinschlüpfte* ('An das Vontsimma grenzte ain klaines Fryustyukstsamma, in das ih hinainshlyupfte').

Russian: *К гостиной примыкала малая столовая для завтраков, и я ускользнула туда* ('K gostinoy primykala malaya stolovaya dlya zavtrakov, i ya uskol'znula tuda').

Within this mode there can be the translation with adverbial verb of the same lexico-semantic group, but not equivalent semantics.

(3) English: *'Boh! Madam Mope!' cried the voice of John Reed; then he paused: he found the room apparently empty.*

German: «Oho, Madam Trübsal!», *ertönte* John Reeds Stimme ('«Oho, Madam Tryubsal», *ertyonte* Dzhon Ridz Shtimme')

Russian: – *Ба! Госпожа Нюня! – раздался* голос Джона Рида и тотчас умолк, так как комната оказалась пустой (-*Ба! Gospozha Nyunya! – razdalsya* golos Dzhona Rida I totchas umolk, tak kak komnata okazalas' pustoy').

Sometimes a translator makes changes in the translation, adding emotional content of the original to get any result.

(4) English: *I don't very well know what I did with my hands, but he called me 'Rat! rat!' and bellowed out aloud.*

German: *Was ich mit meinen Händen tat, kann ich nicht mehr sagen, aber er schrie fortwährend* «Ratte! Ratte!», und *brüllte* aus Leibeskräften (*Vas ih mit mainen Hendentat, kan ih niht mie zagen, aba er shri* fortverend «Ratte! Ratte!», und *bruylte* aus Lyaibeskreften').

Russian: *He znaю, что делали мои руки, только он **охнул**: «Крыса! Крыса!» и **завопил** во всю мочь (Ne znayu, chto delali moi ruki, tol'ko on **ohnul**: «Krysa! Krysa!» I **zavopil** vo vsyu moch').*

The second mode of translation is a translator may find a suitable verb and adverb, or a verb and noun construction in Russian and German. Manner is totally dropped in some of the translations, but in most cases, Manner is maintained through the use of constructions.

It is frequently the case that one manner verb in English has to be translated using two different elements, a verb to express the action and a different element to include information about manner. This mode of translation keeps nearly all manner information. But the English verb loses its economical expression of manner.

1. A translator finds non-manner verb and additional means that convey the adverbial meaning. Adequate translations require the translator to add an expressive description of Manner which was implicit in the original text.

(5) English: *They had got me by this time into the apartment indicated by Mrs Reed, and **had thrust** me upon a stool...*

Russian: *К этому времени они уже водворили меня в комнату, указанную миссис Рид, и **насильно усадили** на что-то мягкое. Я было вскочила как ужаленная, но они вновь схватили меня и удержали на месте (K etomu vremeni oni uzhe vodvorili menya v komnatu, ukazannuyu missis Rid, i **nasil'no usadili** na chto-tomyagkoe').*

The translation of the verb 'thrust' is done with the use of additional means – an adverb.

2. The adverbial verb is substituted for non-adverbial verb, losing information.

There are some translation strategies when attention to adverbial component is diminished. It leads to contents reduction, e.g.

(6) English: *At intervals, while turning over the leaves in my book, I **studied** the aspect of that winter afternoon.*

German: *In kurzen Momenten, wenn ich die Seiten meines Buches umblätterte, **fiel** mein **Blick auf** den Winternachmittag (In kurzen Momenten, ven ih di Saiten maines Buhes umblettertete, **fil** main **Blik auf** den Vinternahmittag).*

In the following example, the translator has replaced a verb of manner with a non-manner verb and noun, with no indication to Manner.

The third mode is a translator may avoid translating such verbs. The translator omits any manner information.

(7) English: *All looked colder and darker in that visionary hollow than in reality: and the strange little figure there **gazing** at me, with a white face and arms specking the gloom, and glittering eyes of fear moving where all else was still, had the effect of a real spirit.*

Russian: *Все в этой воображаемой нише выглядело более холодным, более темным, чем в натуре. И **смотрящая** на меня оттуда одинокая фигурка, чьи побелевшие лицо и руки выделялись в сумраке, а блестящие от страха глаза были единственным, что двигалось среди общей неподвижности, более всего походила на привидение (Vsyо v etoy voobrazhaemoy nishе vyglydelо bole holodnym, bole tyomnym, chem. v nature. I **smotrevshaya** na menya ottuda odinokaya figurka, ch'i pobelevshie litso i ruki vydelyalis' v sumrake, a blestyaschie ot straha glaza byli edinstvennym, chto dvigalos' sredi obschey nepodvizhnosti, bole vsego pohodila na privedenie).*

The verb 'gaze' loses the component "Manner" in the Russian translation. As a result, the episode becomes less intensive and emotional.

Although almost half of the translations found equivalent counterparts in Russian, a high percentage lost information by either creating alternate constructions or omitting that aspect of the translation. However the translations still made sense.

In future studies it would be interesting to see how the translation of manner verbs has been handled in the direction of Russian / German to English.

Bibliography

1. Slobin, D. What makes manner of motion salient? Explorations in linguistic typology, discourse, and cognition. *Space in languages: Linguistic systems and cognitive categories*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 59–81.

2. Talmy, L. *Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms* // Shopen T. *Language typology and lexical description* : Vol. 3. *Grammatical categories and the lexicon*. Cambridge : Cambridge University Press, 1985. P. 36–149.

The Books for Reference

1. *Brontë, C. Jane Eyre*. London : Penguin Books, 2006. 578 p.

2. *Brontë, C. Jane Eyre*. Köln: Anaconda, 2008. 640 s.

3. *Бронте, Ш. Джейн Эйр*. М. : АСТ : Астрель, 2010. 444 с.

4. *LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. The Complete Guide to Written and Spoken English*. 3d ed. London : Longman Group Ltd, 1995. 1668 p.

УДК

**МОДИФИКАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА
В «ЯЗЫКОВОЙ ПОЭЗИИ» А. ДРАГОМОЩЕНКО
И Л. ХЕДЖИНЯН**

Т. В. Устинова

В статье анализируются некоторые особенности передачи значения в «языковой поэзии» Аркадия Драгомощенко и Лин Хеджиян. Особое внимание уделяется таким способам семантических модификаций, как синкретическое представление значения поэтического слова и нестандартная комбинация семантических признаков в сочетаниях слов.

Ключевые слова: «языковая поэзия», семантические модификации, лексический синкретизм, лексико-семантическая сочетаемость.

Русский поэт Аркадий Драгомощенко (1946–2012 гг.) переводил многих современных американских поэтов – Роберта Крили (Robert Creeley), Майкла Палмера (Michael Palmer), Барретта Уоттена (Barrett Watten), Лин Хеджиян (Lyn Hejinian) и др. Ему близок лингвоцентризм представителей «Языковой школы поэзии» (*the L=A=N=G=U=A=G=E School of Poetry*), со многими из которых он был лично знаком. «Языковым поэтам», в свою очередь, понятно «пристальное, неукоснительное внимание» А. Драгомощенко к «словам...–речи, раскрытой собственному мерцающему исчезновению» [3. С. 212]. Его книги «Описание» и «Ксения» были изданы в США в переводе «языкового» поэта Лин Хеджиян.

Схожесть мировоззрения Лин Хеджиян и Аркадия Драгомощенко основана на общности творческих мотивов и целевых установок. Общая характерная черта этих двух авторов – тесная взаимосвязь творческой практики с метаязыковой и метапоэтической рефлексией. Метапоэтические и метаязыковые контексты общепhilosophического, литературно-критического, авторефлексивного типа представлены у Л. Хеджиян и А. Драгомощенко эксплицировано в виде статей и эссе (см., например, [2; 12]). В этих эссе авторы размышляют о проблеме соотношения языка и мышления, о наличии особой языковой реальности, об устройстве языка-кода, определяющего по-

этический текст, о взаимозависимости поэтического содержания и поэтической формы.

Как и в критической прозе, в стихах А. Драгомощенко и Л. Хеджинян явно проявляется та же сознательная установка на метаописание первичного языка-объекта и текста-объекта, что придает их поэзии особое качество «лингвистичности». Зачастую именно метаязыковая интерпретация, метаязыковые суждения и оценки фактов языка и речи являются концептуальными и операциональными детерминантами поэтического идиостиля этих авторов. В широком смысле под «лингвистичностью» творчества Л. Хеджинян и А. Драгомощенко мы понимаем обширное проявление в нем метаязыковой и метапоэтической рефлексии, выступающей в сложной совокупности выполняемых функций – онтологической, гносеологической, эстетической и коммуникативной. «Лингвистичность» в узком смысле термина можно трактовать как авторскую пресуппозицию, влияющую на поэтическую форму и определяющую структуру текста. Автор исходит из метаязыковой предпосылки о том, что в процессе письма он находится в ситуации рефлексии над языком, содержащим «широчайший массив многочисленных логик, принимающих разнообразные формы грамматических связей, звукосочетаний, метафор, метонимий и т.д.» [12. С. 3], и такая предпосылка о смыслопорождающей силе «движений языка» [там же] обуславливает способ поэтического высказывания.

Таким образом, для А. Драгомощенко и Л. Хеджинян «поэтический язык является языком исследования» [8]. В качестве объекта исследования выступает сложное устройство и взаимодействие плана содержания и плана выражения в системе языка и речевой деятельности. Одно из направлений исследования – проблема семантической производности и контекстного «приращения смыслов». В эссе *Memory Gardens*, рассуждая о стихах Чарльза Олсона, А. Драгомощенко отмечает, «...поэтический текст образуется как пространство, престоупающее “границы” вовлеченного в действие языка в ходе отклонения и катастрофического “столкновения” единиц смысла (от “фоны”, “семя” до полного собрания сочинений различных авторов в горизонте литературы вообще), и именно процесс распада устоявшихся значений вследствие изменения траекторий этих, уже всегда вчитываемых смыслов, является источником олсоновской энергии» [3]. Придерживаясь постулата о том, что «смысл не в вещах, а в отношениях между ними» [там же], Драгомощенко делает

акцент на смысловом потенциале внутрисловных семантических модификаций и трансформирования междусловных формальных и семантических связей. Для Лин Хеджинян словообразовательные ресурсы лексической сочетаемости, «контакты слова с соседями по предложению» [9. С. 83], также находятся в фокусе внимания.

Словосочетание представляется этим поэтам динамическим процессом, обеспечивающим потенциальную множественность поэтического словообразования. В терминах лингвистики, окказиональные лексические сочетания в текстах А. Драгомощенко и Л. Хеджинян в свернутом виде содержат несколько оснований потенциального переосмысления категориальных признаков единиц, входящих в их состав. Глубокое, всестороннее исследование проблемы синкретического способа выражения в поэзии представлено в работах Л. В. Зубовой [4; 5]. По Л. В. Зубовой, «комплексное значение слова с приращениями смысла в поэтической речи в отличие от частного и конкретного значения этого слова в обиходной речи неизбежно вызывает языковой сдвиг, демонстрирующий грамматическую и семантическую изменчивость слова и в то же время его грамматическую и семантическую целостность в совокупности частных проявлений и модификаций» [4. С. 108].

Возможно, терминология «языковая поэзия» (*language poetry*), которым пользовалась группа американских поэтов для определения своего творческого метода, отражает это стремление продемонстрировать одновременно и смысловую целостность, и смысловую изменчивость слова. Л. В. Зубова следующим образом описывает такой статус поэтического слова: «слово в художественном тексте оказывается словом во всей совокупности его языковых значений, предельная конкретизация оборачивается предельным абстрагированием – обобщением, поскольку полнота явления представлена суммой конкретных реализаций. Следовательно, в поэтическом контексте (в речи) оказывается возможным то, что возможно не в речи, а в языке, т.е. поэтическая речь благодаря множественности контекстуальных связей оказывается организованной моделью языка с характерными для него системными отношениями» [4. С. 61].

В стихотворении А. Драгомощенко «За шесть часов до пробуждения, если не спать», посвященном Лин Хеджинян, комплексное значение слов, которые выступают как опорные смысловые точки («собрать» и «материя»), реализовано посредством их включения в зевгматические конструкции:

ты, находящиеся в разных местах или рассыпанные, разбросанные». Таким образом, глагол «собрать», вернее отрицательная форма этого глагола («не собрать»), выступает как объемное понятие, переосмысление и одновременная актуализация смысловых компонентов которого становится возможным благодаря сложным контекстным взаимосвязям. Вероятно, авторская интенция состояла в создании атмосферы недеяния как способа преодоления препятствия в духе восточной философии (39-я гексаграмма, Тибет). В таком случае синкретическое представление всего комплекса значений глагола «не собрать» выступает как знак отрицания действия как такового, перехода в состояние созерцательности, взглядывания внутрь себя.

В таком контексте особую значимость приобретает другое семантическое наложение зевгматического типа фраза «вознося в себе сложную и довольно складчатую материю несуществования». В этой фразе для ядерной лексемы «материя» актуализируются разные значения в зависимости от вариантов семантического соотнесения с другими компонентами словосочетания. Вероятно, словосочетание «складчатая материя» актуализирует значение «ткань, материал»; «сложная материя» – «предмет обсуждения, внимания»; «материя несуществования» – «объективная реальность, существующая вне и независимо от человеческого сознания». Причем, в последнем случае в сочетании «материя несуществования» происходит оксюморонное отождествление смысловых противоположностей, и «объективная реальность вне человеческого сознания» в интерпретации поэта становится внутренней субъективной реальностью человека в состоянии пассивной созерцательности.

Стихотворение Л. Хеджиян из книги *Slowly* [11] посвящено той же теме исследования индивидуальной субъективности, что и «За шесть часов до пробуждения, если не спать» А. Драгомощенко. В тексте американского автора присутствует тот же мотив описания субъективной реальности человека и природы объективации ее внутреннего содержания. Значение ключевого многозначного существительного *object* представлено синкретически путем его последовательного включения в микроконтексты, реализующие несколько вариантов смыслового распознавания:

Subjectivity even if not of the curling sky is my
duration

All day subjectivity is an endurance awaiting objects
for a minute digressing

And it hopes for objects eager and un baffled in spaces
somewhere near eye level to greet it with comprehension
during its waking hours
Everyone knows that in the dream called “Will My Spirit
Live On When I’m Dead” as in the dream called “Will I
Be Fired” and the dream called “Do You Only Pretend To
Love Me” there are no objects
In the dream called “One Who Is Poor Passes By Inch By
Inch” there is no object
Subjectivity at night must last hours with nothing to
judge but itself
The walls of the hemispheres face and this produces life
to closed admiring eyes [11].

Так, в словосочетании *objects for a minute digressing* актуализируется значение *anything that may be apprehended intellectually* (здесь и далее дефиниции английских лексем даются по [13]) – «то, на что направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта». В следующем предложении *And it hopes for objects...* происходит выдвигание значения *a person or matter to which thought or action is directed* – «лицо или явление, на которые направлена чье-либо внимание, деятельность и т.п.» Далее в контекстах *in the dream... there is no object* существительное *object*, вероятно, используется одновременно в двух значениях: в значении *a person or thing with reference to the impression made on the mind or feeling or emotion elicited in an observer* («исполнитель, носитель признака») и в значении *a goal, purpose* («цель, смысл»). В макроконтексте всего произведения значение *object* предельно расширяется, противопоставляясь концепту *subjectivity* и обретая смысл *an actual phenomenon; (external) reality* – «объективная реальность». Такое акцентирование многозначности слова *object* является в данном случае не просто важным текстообразующим фактором, но выступает как своеобразный код поэтического смыслопорождения.

Таким образом, А. Драгомощенко и Л. Хеджинян тонко владеют приемом создания интенсифицирующего поэтического контекста. Конструируя условия невозможности однозначного синтагматически обусловленного выбора значения полисеманта, эти авторы добиваются не только синкретического представления значения слова «в его тотальности», но и обозначают потенциальность развития этого значения.

Другая общая черта поэзии А. Драгомощенко и Л. Хеджинян заключается в способности добиваться новизны поэтического слова, эксплуатируя потенциал неузуальной лексико-семантической сочетаемости на синтагматическом уровне и на уровне суперструктурных парадигматических корреляций. В этом случае стремление акцентировать тотальность слова «во всей совокупности его значений» отходит на второй план, уступая место намерению актуализировать окказиональные оттенки значения и новые смыслы, возникающие в процессе контекстного взаимодействия слов. Чаще всего, они достигают этого за счет семантических сдвигов в процессе вторичной номинации, но эксплуатация фоносемантических ассоциаций (например, по подобию и смежности) не является для этих авторов единственным источником смысловых новообразований. В терминах функциональной стилистики, в стихотворениях А. Драгомощенко и Л. Хеджинян наблюдается конвергенция стилистических приемов, обеспечивающая оригинальное смысловое развертывание текста путем разноуровневых (лексико-семантических, синтаксических, фонетических и др.) трансформаций его составляющих. С точки зрения когнитивного подхода к изучению языковых явлений, в процессе неузуального сочетания слов в интенсифицирующем контексте, допускающем различные варианты перегруппировки смысловых отрезков, происходит поликатегоризация и перекаатегоризация значений составляющих этот контекст элементов. Результатом такого смещения («концептуальной интеграции» в терминах Ж. Фоконье и М. Тёрнера [10]) становится новая смысловая единица (новое ментальное пространство – «бленд»), вобравшая в себя компоненты значений ее составляющих, но не равная простому сложению этих значений. А. Драгомощенко и Л. Хеджинян как раз заинтересованы в демонстрации собственных, новых характеристик такого «бленда». Эти «языковые» поэты акцентируют явление сверхсуммативности смыслов, зачастую не предоставляя читателю ясной семантической программы, указывающей на то, какие именно смысловые компоненты взаимодействующих понятий подверглись выдвигению, а какие – редукции.

Таким образом, для окказиональных сочетаний слов в текстах Л. Хеджинян и А. Драгомощенко характерна экспликация негиппликационных признаков (по М. В. Никитину [6. С. 80–105]). Так, например, в цитированном выше стихотворении А. Драгомощенко фраза «киоск прокисший, как небо» представляет собой каскад се-

мантических сдвигов. Вероятно, сначала представлен «экспликант сочетания с линейным переподчинением или контракцией» признака (в терминах М. В. Никитина [6. С. 85]): «киоск → то, что продается в киоске (вероятно, продукты питания) = то, что может прокиснуть или прокисло». В данном случае имеет место метонимическое смещение по смежности по типу «вместилище → вмещаемое». Далее переподчинение принимает другое направление: «прокисший» («испортившийся в результате брожения») гиперсемантизируется, компонент значения «испортившийся» в сочетании с существительным «небо» подвергается выдвигению и переосмысливается по подобию, как «ставший ненастным, пасмурным».

У Л. Хеджинян очевидно использование того же принципа контракции признаков сочетаемых слов. В процитированном выше стихотворении обозначения *Subjectivity* <...> *is my duration* и *subjectivity is an endurance* строятся как «переименование на импликационной основе» [6. С. 38], и «целое» (*subjectivity – internal reality; pertaining to or characteristic of an individual*) определяется через его «частные характеристики» (*duration – continuance in time* и *endurance – the ability to continue or last, especially despite adverse conditions*). В процессе такой концептуализации происходит индивидуально-авторское переосмысление понятия *subjectivity*, выдвигаются признаки динамичности человеческой идентичности, постепенного становления и развития личности во времени, а также преодоления трудностей, «неблагоприятных условий» на пути обретения самого себя.

М. В. Никитин, отмечая, что «нестандартность семантической комбинаторики, своеобразие и широта лексической сочетаемости составляет одну из отличительных особенностей поэтического языка» [6. С. 95], подчеркивает, что поэзия «непрерывно развивается в этом направлении» [там же] и происходит «постоянное расширение «допусков» сочетаемости» [6. С. 96]. По мнению исследователя, таким образом поэт выполняет важную познавательную-языковую функцию: «Указывая новые необычные связи десигнатов, а через них – вещей и признаков, до того считавшихся несовместимыми, разрозненными, он помогает интегрировать их в общей системе связей, отраженных в сознании, и вместе с тем эксплицирует более развитую систему этих связей» [6. С. 96].

А. Драгомощенко и Л. Хеджинян в своих «языковых стихах» демонстрируют разные варианты того, как добиться преобразования семантической структуры слова, возможности чего заложены

в самой системе естественного языка. В стихах этих авторов тонко и восхитительно проявляется умение смещать фокус внимания в процессе языковой концептуализации за счет синкретического представления значения поэтического слова и нестандартной комбинации семантических признаков в сочетаниях слов.

Список литературы

1. Драгомощенко, А. На берегах исключенной реки. М. : ОГИ, 2005. 80 с.
2. Драгомощенко, А. Фосфор. СПб. : Северо-Запад, 1994. 286 с.
3. Драгомощенко, А. Memory Gardens. Новый Берег. 2005. №10. // [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2005/10/dra21-pr.html>
4. Зубова, Л. В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1989. 264 с.
5. Зубова, Л. В. Язык поэзии Марины Цветаевой (Фонетика, словообразование, фразеология). СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. 232 с.
6. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М. : Высш. шк., 1983. 127 с.
7. Словарь русского языка (Малый Академический словарь): в 4-х т. [Электронный ресурс]. URL: mas-dict.narod.ru
8. Хеджинян, Л. Композиция клетки [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj41/hejiniian.html>

Spisok literatury

1. Dragomoshhenko, A. Na beregah iskljuchennoj reki. M. : OGI, 2005. 80 s.
2. Dragomoshhenko, A. Fosfor. SPb. : Severo-Zapad, 1994. 286 s.
3. Dragomoshhenko, A. Memory Gardens. Novyj Bereg. 2005. №10. // [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2005/10/dra21-pr.html>
4. Zubova, L. V. Pojezija Mariny Cvetaevoj: Lingvisticheskiy aspekt. L. : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1989. 264 s.
5. Zubova, L. V. Jazyk poezii Mariny Cvetaevoj (Fonetika, slovoobrazovanie, frazeologija). SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. 232 s.
6. Nikitin, M. V. Leksicheskoe znachenie slova (struktura i kombinatorika). M. : Vyssh. shk., 1983. 127 s.
7. Slovar' russkogo jazyka (Malyj Akademicheskij slovar'): v 4-h t. [Jelektronnyj resurs]. URL: mas-dict.narod.ru
8. Hedzhinjan, L. Kompozicija kletki [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.vavilon.ru/metatext/mj41/hejiniian.html>

9. Хеджинян, Л. Отрицание закрытости // *Философский журнал*. 2011. № 1. С. 78–85.
10. Fauconnier, G. Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive linguistics: basic readings*. GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
11. Hejinian, L. From Slowly [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.buffalo.edu/authors/hejinian/slowly.html>
12. Hejinian, L. *The Language of Inquiry*. Berkeley, 2000. 439 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary Online [Электронный ресурс]. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com>
9. Hedzhinjan, L. Otricanie zakrytosti // *Filosofskij zhurnal*. 2011. № 1. S. 78–85.
10. Fauconnier, G. Mental spaces: conceptual integration networks / G. Fauconnier, M. Turner // *Cognitive linguistics: basic readings*. GmbH & Co. KG, 2006. P. 303–371.
11. Hejinian, L. From Slowly [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://epc.buffalo.edu/authors/hejinian/slowly.html>
12. Hejinian, L. *The Language of Inquiry*. Berkeley, 2000. 439 p.
13. Oxford Advanced Learner's Dictionary Online [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com>

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК

О ТИПОВОЙ РЕЧЕВОЙ ФОРМЕ «ОПИСАНИЕ»

В. В. Афанасьева

Статья выполнена в рамках лингвостилистики текста, и посвящена такому аспекту членения текста как типовые речевые формы, конкретно – описание. Рассматривая английскую и американскую художественную литературу, мы провели стилистический анализ текстов, принадлежащих «описанию». Были выделены характерные черты этой речевой формы с точки зрения морфологии, синтаксиса и лексического уровня языка. Поставлен вопрос о соотношении авторского стиля и типового характера речевых форм при их реализации.

Ключевые слова: типовые речевые формы, композиционно-речевые формы, описание, стилистический анализ, англоязычный художественный текст.

Традиционная типология композиционно-речевых форм рассматривает такие первичные КРФ как «описание», «повествование» (сообщение) и «рассуждение». Считается, что эти формы – типовые, то есть это схемы повторяющихся формальных черт. Сущность речевой формы определяется структурным содержанием – строем мысли. И хотя типовые формы имеют различные модификации, мы можем говорить об абстрактной инвариантной сущности каждой формы, которая организует предметно-тематическое содержание произведения. Так, «описание» сводится к выражению факта сосуществования предметов и их признаков в одно и то же время. Оно служит для подробной передачи состояния действительности, большей частью для изображения природы, местности, помещения, внешности, а так же «характеристик», изображающих качества человека [1. С. 64, 65].

Типовые формы в «чистом» виде редки, но для определения языковых тенденций в реализации формы, безусловно, необходимо отталкиваться от максимально репрезентативного материала.

Рассмотрим художественные тексты, являющиеся классическими «описаниями», принадлежащие разным английским и американским авторам и разным жанрам. Под текстами мы имеем в виду фрагменты произведений, вычленяемые по графическому принципу, то есть абзац или последовательность абзацев. Нас интересуют языковые закономерности, которые оцениваются с точки зрения лингво-стилистического анализа. Так, на морфологическом уровне анализу подлежат видо-временные формы, на лексическом – особенности словаря и лексические стилистические приемы, на синтаксическом – реализация экспрессивного потенциала стилистического уровня языка.

Начнем с классика английской литературы Дж. К. Джерома. Рассмотрим последовательность абзацев, открывающих одну из глав романа:

It was a glorious morning, late spring or early summer, as you care to take it, when the dainty sheen of grass and leaf is blushing to a deeper green; and the year seems like a fair young maid, trembling with strange, wakening pulses on the brink of womanhood.

The quaint back streets of Kingston, where they came down to the water's edge, looked quite picturesque in the flashing sunlight, the glinting river with its drifting barges, the wooded towpath; the trim-kept villas on the other side, Harris, in a red and orange blazer, grunting away at the sculls, the distant glimpses of the grey old palace of the Tudors, all made a sunny picture, so bright but calm, so full of life, and yet so peaceful, that, early in the day though it was, I felt myself being dreamily lulled off into a musing fit. (J. K. Jerome «Three Men in a Boat»)

Два абзаца, принадлежащие «описанию», представляют собой всего два предложения, что сразу сигнализирует о преобладании развернутых предложений в описании. Эта сложность синтаксической структуры создается разнородным перечислением (начало второго абзаца) и служит основой синтаксического приема замедления (*suspense*). Здесь же при конвергенции стилистических приемов мы наблюдаем анафору в повторе интенсификатора *so* (*so bright but calm, so full of life, and yet so peaceful*). Перечисление восхитительных видов, залитых солнцем, поддерживается и фонетическими средствами: ассонансом гласного, например, в сочетании *glinting river with its drifting barges*. И, конечно, на лексическом уровне необходимо отметить метафоричность в описании природы, свойственную роману в целом, и данному фрагменту в частности. ... *the year seems like*

a fair young maid, trembling with strange, wakening pulses on the brink of womanhood – яркое художественное сравнение.

Эпитеты изначально считаются неотъемлемой частью описания (*glorious morning; dainty sheen of grass; picturesque; flashing sunlight; the glinting river; trim-kept villas; sunny picture; bright calm; full of life; peaceful*). Что касается выбора лексики, мы видим слова нейтрального и литературного пластов.

Морфологически, описание выдержано в прошедшем времени, с использованием только одной формы – простого прошедшего.

Обратимся к такой же разновидности описания – описания местности – на примере короткого рассказа:

The roads broke up into lanes, the lanes sank into woods and cottages were few. The oak woods were naked and as green as canker. They stood like old men, and below them were sweet plantations of larch where the clockwork pheasants went off like toys in the rainy afternoons. At night you heard a farm dog bark like a pistol and the oceanic sound of the trees, and sometimes, over an hour and a half's walk away, the whistle of a train. But that was all. (V. S. Pritchett «The Sailor»)

Синтаксически на первый план выходит не длина предложений, а преобладание лексико-синтаксического приема художественного сравнения и параллельные конструкции. В первом предложении мы наблюдаем полный параллелизм и повтор-подхват, а со второго начинается образное описание при помощи сравнений (*They stood like old men; as green as canker; pheasants went off like toys*) и стилистической инверсии (*below them were sweet plantations of larch*). Образность создается и при помощи эпитетов (*oceanic sound*). Присутствие перечисления в сочетании с полисиндетоном завершает описание, и это завершение подчеркивается автором предложением *But that was all*, которое возможно рассмотреть как парцеллированное из-за союза в начале.

Классики американской литературы – Т. Драйзер и Дж. Д. Селинджер – каждый имеет свой стиль в отношении характерных черт описания. Рассмотрим описание внешности человека у Селинджера:

Clay found the overhead-light switch, flicked it on, then stepped across the puny, servant's size room and sat down on the edge of the bed, facing his host. His brick-red hair, just combed, was dripping with the amount of water he required for satisfactory grooming. A comb with a fountain pen clip protruded, familiarly, from the right-hand pocket of his olive-drab shirt. Over the left-hand pocket he was wearing the Combat Infantrymen's

Badge (which, technically, he was not authorized to wear), the European Theatre ribbon, with five bronze battle stars in it (instead of a lone silver one, which was the equivalent of five bronze ones), and the pre-Pearl Harbor service ribbon (J. D. Salinger «For Esme – with Love and Squalor»).

Автор очень часто прибегает к вставным конструкциям с использованием скобок для передачи добавочной информации (*the Combat Infantrymen's Badge (which, technically, he was not authorized to wear), the European Theatre ribbon, with five bronze battle stars in it (instead of a lone silver one, which was the equivalent of five bronze ones)*). В данном абзаце мы наблюдаем перечисление, большое внимание к деталям – это особенности стиля американского писателя.

Морфологически абзац выдержан в простом прошедшем и прошедшем длительном.

Описание внутренних качеств человека рассмотрим у Драйзера:

In addition to all this, she was, he saw, an aristocrat. In her quiet and self-confident way, she commanded respect and attention from all who came in contact with her. They could not evade it. And Cowperwood, recognizing this superior phase of her as the one thing he always, if almost subconsciously, admired and desired in a woman, was deeply gratified as well as impressed. She was young, beautiful, wise, poised – a lady. He had sensed it even in the photograph of the twelve-year-old girl in Louisville eight years before (T. Dreiser «The Stoic»).

Синтаксически нельзя сказать, что данный пример описания отличается от общих особенностей синтаксиса романа. Предложения средней длины, со свойственным Драйзеру порядком слов. Интересен пример нарастания в рамках одного предложения, созданного за счет перечисления (*She was young, beautiful, wise, poised – a lady*). Автором использованы простое прошедшее и прошедшее перфектное. Лексика, характеризующая эмоции превалирует в отрывке: *admired and desired; deeply gratified as well as impressed; respect and attention*.

Описание персонажей, сочетающее внешние и внутренние характеристики находим у современного американского писателя Дж. Чивера:

The Trenchers live in a comfortable and unpretentious private house in our neighborhood. The house is old-fashioned; its living rooms are large, its halls are gloomy, and the Trenchers don't seem to generate enough human warmth to animate the place, so that you sometimes take away from them, at the end of an evening an impression of many empty rooms. Mrs. Trencher is noticeably attached to her possessions – her

clothes, her jewels, and the ornaments she's bought for the house – and to Fraulein, the old dachshund. She feeds Fraulein scraps from the table, furtively, as if she has been forbidden to do this, and after dinner Fraulein lies beside her on the sofa. With the play of green light from a television set on her drawn features and her thin hands stroking Fraulein, Mrs. Trencher looked to me one evening like a good-hearted and miserable soul. (J. Cheever «The Season of Divorce»).

В отрывке наблюдается параллелизм (*its living rooms are large, its halls are gloomy*), вставные конструкции с перечислением (*– her clothes, her jewels, and the ornaments she's bought for the house – and to Fraulein, the old dachshund*) В последнем предложении предположим построение, основанное на приеме замедления. Традиционно, на лексическом уровне большое количество эпитетов: *a comfortable and unpretentious; is old-fashioned; gloomy; noticeably attached; good-hearted and miserable*. Метафоричность наблюдается при описании «холодной» атмосферы дома и хозяев, у которых нет человеческого тепла, чтобы его «согреть». Предложения в данном фрагменте описания немного длиннее и выделяются на фоне повествования с элементами описания, на котором строится рассказ.

Последним примером хотелось бы взять фрагмент описания современного американского писателя Дж. Апдайка:

It was a window enchanted by the rarity with which I looked from it. Its panes were strewn with drops that as if by amoebic decision would abruptly merge and break and jerkily run downwards, and the window screen, like a sampler half-stitched, or a crossword puzzle invisibly solved, was inlaid erratically with minute, translucent tesserae of rain (Updike «Of the Farm»).

Роман в целом завораживает необычным сочетанием будничности, временами даже отталкивающих подробностей быта, и необыкновенной метафоричности – скорее описанием впечатлений рассказчика о жизни, чем самой жизни.

В данном коротком фрагменте «описания» мы видим использование развернутой метафоры и художественного сравнения. Как часто бывает при внимании автора к описанию дождя, мы имеем дело и с фонетическими приемами – аллитерацией согласных в финале, создающих непрямо звукоподражание дождю (*erratically with minute, translucent tesserae of rain*). Из чисто синтаксических приемов используется многосоюзие. Морфологически отрывок выдержан в простом прошедшем.

Подводя итог анализу, можно констатировать преобладание таких языковых средств в «описании» как простое прошедшее время (на уровне морфологии), присутствие лексики возвышенного стиля и широкое использование метафоры и художественного сравнения на лексическом уровне. Синтаксическими особенностями можно назвать усложнение структуры предложения за счет различных способов, частотность параллельных конструкций, перечислений и приема нарастания.

Отдельным вопросом остается влияние авторского стиля при реализации типовой речевой формы «описания». Индивидуальный стиль писателя – основное понятие стилистики, и при рассмотрении характерных черт типовых форм в художественном тексте влияние авторского стиля нельзя недооценивать. Его черты неизбежно доминируют в любой КРФ, поэтому в нашем анализе непременно учитывается писатель.

Список литературы

1. Брандес, М. П. Стилистика немецкого языка. М. : Высш. шк., 1983. 271 с.

Spisok literatury

1. Brandes, M. P. Stilstika nemeczkogo jazyka. M. : Vyssh. shk., 1983. 271 s.

УДК

**К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ
В ОБЛАСТИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

Т. В. Возбранная

В статье рассматриваются современные тенденции в области словообразования, связанные с процессами аббревиации, заимствования, экспрессивизации, языковой экономии.

Ключевые слова: деривация, заимствование, аббревиация, интернационализмы, новообразование, языковая экономия.

Развитие языка направлено на его совершенствование и обогащение функциональных возможностей. В сфере лексики и словообразования это развитие всегда протекало активнее по сравнению с другими сферами языковой системы. Сегодня характер этих изменений особенно интенсивен. Именно слово является фиксатором всех тех преобразований, которые можно наблюдать на современном этапе развития общества.

Словообразование, последовательно используя морфемный инвентарь языка, реализуя деривационный потенциал, служит источником новых наименований, необходимых обществу, тем самым отражая динамику общественных процессов. Изменения, происходящие в языке, связаны, как правило, с развитием и усовершенствованием известных и появлением новых сфер его применения. В современном мире появляется большое количество предметов и понятий, требующих номинации, осуществляемой в процессе сознательной словотворческой деятельности человека.

Современные деривационные процессы являются отражением действия ряда экстралингвистических факторов, проявление которых определенным образом характеризует современную социолингвистическую ситуацию и позволяет говорить об изменениях в области словообразования, обусловленных коммуникативными задачами. Возрастание объема и скорости прохождения информационного потока по каналам коммуникативной связи, создающей предпосылки для возникновения языковой экономии, возрастание экспрессивности общения, ослабление кодификационных запретов и средств

речевого контроля отражаются в деривационных процессах русского языка и способствуют активизации процессов аббревиации, увеличению числа словообразовательных моделей и типов, вовлечению в деривационные процессы иноязычной лексики, оценочной лексики и появлению экспрессивности у ряда новообразований.

Динамизм современного русского словообразования сегодня связан с активным проникновением и регулярным использованием моделей, ранее находившихся на периферии языка. Так, отмечается широкое распространение субстантивных образований, построенных по модели с суффиксом *-ух* (*чернуха, развлекуха*), высокая продуктивность наименований лица по модели с суффиксом *-ант* (*митингант, дискутант*).

Современное словообразование характеризуется широким распространением производных, созданных на базе заимствований по причине активизации их использования в современной речи, ему свойственно употребление различных типов сложений, а также постоянное увеличение числа условных знаков – сокращенных слов. Последнее, относимое лингвистами к периоду нового аббревиатурного «взрыва», заслуживает, на наш взгляд, особого внимания.

Необходимость употребления разного рода сокращений, которые все активнее входят в современное языковое пространство и занимают там определенное место, связана с тенденцией к абсолютной экономии и мобильности все увеличивающегося потока информации, когда становятся неприемлемыми сложные и труднопроизносимые наименования. Рассматривая закон экономии как один из способов конденсации языковых средств, лингвисты определяют суть экономии в конденсировании средств выражения и обобщенном восприятии смысловой стороны новых языковых единиц, что способствует повышению эффективности коммуникативной функции языка [3. С. 5].

Возрастающая активность сокращенных единиц языка требует должного внимания и не может оставаться вне поля зрения лингвистов, а потому рассмотрение разного рода проблем компрессивного словообразования, осуществление многоаспектного подхода к рассматриваемому лингвистическому явлению является закономерной тенденцией современных лингвистических исследований.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают лексические единицы, представляющие собой компрессивные новообразования, структурная организация которых осложнена наличием иноязычного компонента. Актуальным рассмотрением подобного рода единиц

является, во-первых, в силу усиливающейся тенденции к употреблению сокращений разного рода, во-вторых, по причине активизации процесса заимствования лексических единиц, получившего сегодня широкое распространение.

Проявление же контаминации действия двух тенденций в процессе словопроизводства определенной лексической единицы порождает особый конструктивный тип, общей основой построения которого является принцип сокращенности и наличие иноязычного компонента (*НК-СИТИ, МС-Пасифик, КДМ-МАРКЕТ, МузZone, MaCar, АйКью-сервис, OTS-щитов, SMS-Хакер, VJ-блок, VIP-такси, CD-мания, IP-консультации, IT-специалисты, офитек, ЮРЭКС, СИБКАР, СимСитиТранс, RAIL-Инфо, РЕГИОН-ТРАНС-РЕЙЛ, АмурИнфоСофт, АЛТАЙ-СИББЕСТ, Алт-Аудит-Компани, АВТО-САН, ДВ-PROфи и др.*).

Характеризуя современное состояние языка, ученые говорят о так называемых лингвистических бумах: неогенном, буме заимствования и буме аббревиации. Особым подтверждением сложившейся языковой ситуации являются сложносокращенные слова с иноязычным компонентом, образование и функционирование которых обнаруживает теснейшую связь не только с вопросами заимствования и словообразования, но и с областью неологии, поскольку подобного рода лексические единицы являются источником пополнения и обновления словарного состава русского языка.

В современной речи наблюдается увеличение использования производных, ставших результатом действия тенденций к экономии языковых средств и усилий, варьированию и экспрессивности, пополняются типы и модели сложносокращенных единиц с иноязычным компонентом, который, в свою очередь, постоянно обновляется и способствует тем самым реализации словообразовательного потенциала.

Активное использование заимствованных единиц обусловило образование и широкое распространение производных, созданных на их базе. Производящей базой для новых дериватов служат и иноязычные аббревиатуры (*пиаровский, пиарщик, PROвцы, виповский, ВИПовцы и др.*). В составе сложносокращенных слов высокую степень продуктивности проявляют заимствованные компоненты и элементы интернационального характера (*бизнес-, хит-, шоу-, поп-, рок-, видео- и др.*).

В связи с этим сложносокращенные слова с иноязычным компонентом представляют собой группу лексических единиц, особая

выразительность которых обусловлена спецификой способа словообразования, а также своеобразием элементов, входящих в состав подобного рода слов, что создает ощущение новизны, свежести и очевидной выразительности и позволяет определять их как особого рода новообразования (*Инфо-микс, Технософт, АЛТУРС, Влад-Трэк, Химпэк, Мосшуз, Комстар, АЛТВЭЙ, ИНСЭЙЛ, Глобал-трейд, СимСитиТранс, СейлзТрактКомпани и др.*). При этом иноязычный компонент может быть оформлен средствами как русской, так и латинской графики, может характеризоваться пре-/постпозитивным использованием в структуре производного, а также отличаться разным типом сокращения (инициальный тип, слоговое сокращение, сокращение произвольного типа).

Многообразие и разнообразие сложносокращенных новообразований с иноязычным компонентом позволяет выделить большое количество словообразовательных моделей и говорить о структурной неоднородности подобного класса лексических единиц, обусловленной наличием иноязычного компонента, отличающегося графическим представлением, пре-/постпозицией и характером сокращения, а также особенностью способа словообразования и словообразовательного форманта.

Активность использования таких словообразовательных моделей обусловлена потребностью современного русского языка в компрессатах, отражающих усиление тенденции к языковой экономии, а также в заимствованных иноязычных лексических единицах, расширяющих словообразовательные возможности языка. Особая выразительность подобных новообразований предопределяется их природой, которая предполагает наличие новизны данных лексических единиц, нарушающей непрерывность речи, создающей напряженность в восприятии, актуализирующей не только лексику, но и текст в целом [2. С. 18].

Представляется возможным выделить такие лингвистические причины использования лексических единиц подобного типа, как высокая языковая экономия, лаконичность, привлекательность выражения, сохранение высокого темпа речи.

Таким образом, образование и функционирование разных типов сложносокращенных единиц с иноязычным компонентом свидетельствует об усилении тенденции к взаимодействию одинаково значимых и актуальных на современном этапе развития языка процессов, в результате активизации которых происходит пополнение

лексического состава современного русского языка достаточно интересными языковыми единицами, являющимися сегодня новообразованиями.

В целом, для современного словообразования характерны активизация определенных словообразовательных моделей, широкое использование аббревиации и усечений, ему свойственны динамика, вариативность использования словообразовательных средств, свобода и альтернативность в их применении. Процессы, протекающие в современном словообразовании, требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Земская, Е.А. Словообразование как деятельность // РАН, Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1992. 221 с.
2. Нефляшева, И. А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (на материале 1991–1997 годов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1998. 22 с.
3. Шадыко, С. Аббревиатуры в русском языке (в сопоставлении с польским) : автореф. дис. ... док. филол. наук / С. Шадыко. – М., 2000. – 45 с.
4. Рацибурская, Л. В. Современные тенденции в словообразовании русского и чешского языков / Л. В. Рацибурская, А. А. Тимофеева // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2011. №6 (2). С. 574–578.

Spisok literatury

1. Zemskaja, E.A. Slovoobrazovanie kak dejatel'nost' // RAN, In-t rus. jaz. M. : Nauka, 1992. 221 s.
2. Nefljasjeva, I. A. Novoobrazovanija v gazetno-publicisticheskom stile: sistemno-funkcional'nyj analiz (na materiale 1991–1997 godov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Majkop, 1998. 22 s.
3. Shadyko, S. Abbreviatyury v russkom jazyke (v sopostavlenii s pol'skim) : avtoref. dis. ... dok. filol. nauk / S. Shadyko. – M., 2000. – 45 s.
4. Raciburskaja, L. V. Sovremennye tendencii v slovoobrazovanii russkogo i cheshskogo jazykov / L. V. Raciburskaja, A. A. Timofeeva // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. 2011. №6 (2). S. 574–578.

УДК

**НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ**

М. В. Гамар

В статье представлены некоторые семантические изменения терминологической. Проанализировано соотношение компонентов понятийного ядра термина. Выявлены случаи употребления терминов в их прямом значении, осложненном эмоционально-экспрессивными элементами. Также была предпринята попытка проследить сдвиги в терминологической лексике при её образно-переносном осмыслении. Проведён анализ структурно-семантических преобразований терминов при их перенесении в официально-деловой стиль.

Ключевые слова: термин, терминология, семантические преобразования, семантическая структура, лексические единицы.

Процесс активного перемещения терминологической лексики в сферу общелитературного и образного применения, начавшийся в 30–40-х годах XIX века, продолжает развиваться. Этот процесс обусловлен как лингвистическими, так и экстралингвистическими, социальными факторами, в частности бурным развитием всех отраслей наук. Как отмечает В. В. Виноградов, «тут ярко и наглядно обнаруживается связь развития языка, его лексической системы с историей материальной и духовной культуры народа» [2. С. 6]. Мы постараемся проникнуть в семантическую структуру слов-терминов, проследить сдвиги в ней при образно-переносном осмыслении специальной лексики. Обратимся к некоторым теоретическим предпосылкам общей семантической теории слова.

«Под лексическим значением слова, – пишет В. В. Виноградов, – обычно понимают его предметно вещественное содержание, оформленное по законам грамматики данного языка и являющееся элементом общей семантической системы словаря этого языка» [3. С. 10]. Продолжая разработку теоретических проблем, семасиологи отмечают, что значение слова не тождественно понятию, что следует говорить не о тождестве значения и понятия, а об отношении слова к понятию. Понятийное содержание в слове является главным,

но не только оно определяет значение слова. В настоящее время все большее распространение и признание получает такая точка зрения, согласно которой в состав значения слова входит и экспрессивно-эмоциональный, и стилистический элементы, хотя они не играют такой существенной роли в семантике слова, как логико-предметное содержание. «Неотъемлемой частью смысловой структуры слова, – констатирует Р. С. Гинзбург, – является его эмоционально-экспрессивная и стилистическая окраска, объективно существующая в слове и закрепленная за данным словом в данном языке» [4. С. 90]. Все эти элементы в целом образуют семантическую структуру слова, которая представляет собой иерархию компонентов, неоднородных в качественном отношении. Центром структуры является понятийное содержание слова, его «концептуальное» ядро (терминология С. Д. Кацнельсона), которое «обволакивается дополнительными смысловыми “оттенками” экспрессивного и стилистического свойства» [10. С. 15]. О наличии в семантической структуре слова эмоционально-оценочных и стилистических элементов и об их вторичности, периферийности по отношению к понятийному содержанию говорят многие ученые в своих работах. Все это – понятийное ядро и семантическая оболочка, содержащая эмоционально-экспрессивный и стилистический элементы, – составляет лингвистический аспект значения слова. Но, как показывают данные семасиологических исследований, значение может быть связано и с внелингвистическим аспектом: оно часто сопровождается ассоциациями, обусловленными восприятием этого слова в сознании носителей языка. Ассоциации (или ассоциативные признаки слова) могут носить самый различный характер, они связаны с психологическим осмыслением слова. Внелингвистические смысловые ассоциации играют существенную роль при семантическом преобразовании слова в речи. Как разновидность таких ассоциативных признаков С. Д. Кацнельсон выделяет чувственно-наглядный компонент [10. С. 15].

Однако необходимо заметить, что не все лексические единицы обладают рассмотренной выше семантической структурой. Термины, как особый пласт лексики, противопоставленный общелитературному словарному составу, в силу своей семантической и функциональной специфики имеют иную структуру значения. Большинство ученых, исследующих семантику термина в языке науки, считают, что термин может и должен содержать лишь один компонент – понятийный, который в свою очередь содержит ряд семантических

признаков (сем, дифференциальных признаков). Так, например, Т. Л. Канделаки выделяет в терминах два основных дифференциальных признака: родовой и видовой [6. С. 90–113]. Эмоционально-экспрессивный и стилистический элементы не имеют и не должны иметь места в семантической структуре научных терминов. «Термин – слово или словосочетание, выражающее какое-либо одно научное понятие и в силу этого имеющее точные семантические границы, определяемые природой данного понятия... Можно признать вполне правильным известное положение, что терминам не нужна экспрессивность, эмоциональный тон», – отмечает С. М. Бурдин [1. С. 58]. Что же касается семантических ассоциаций, то можно предполагать, что ряд терминов обладает ассоциативными признаками, которые не находят реализации при прямом, научном их употреблении, но играют значительную роль при образно-переносном осмыслении терминов. Некоторые наблюдения над преобразованием терминов в официально-деловом стиле речи позволяют предполагать, что именно те термины оказываются способными к перенесению в иную функционально-стилистическую сферу, которые обладают потенциальной эмоциональной заряженностью, заключенной в ассоциативных признаках.

Опираясь на вышеприведенные теоретические предпосылки, обратимся к анализу структурно-семантических преобразований терминов при их перенесении в иную языковую среду – официально-деловой стиль.

Исследование терминов с точки зрения изменения их смыслового объема позволяет наметить ряд групп, объединяющих лексемы с более или менее однотипным способом преобразования их структуры.

К первой такой группе можно отнести слова-термины, которые расширяют свой смысловой объем в результате перестройки и качественного преобразования понятийного содержания слова. Для примера рассмотрим термин **la sanction**, употребленный в следующем контексте: «De plus en plus souvent, l’O.N.U. prend des initiatives, même, dans des conflits de caractère interne et les décisions prises ne constituent donc pas toujours à proprement parler des **sanctions**» [7. С. 190]. Словарь **Le Robert Micro** фиксирует многозначность этого слова, включающего в себя три лексико-семантических варианта терминологического характера, объединенных между собой одним общим признаком, проявляющимся во внутренней форме слова («**sanction**» – *mesure législatif*) [8. С. 1203]. Исходя из этого, семантическую структуру слова **санкция** можно представить в виде двух основных

признаков: родового – «элемент **правовой нормы**» и видового – «элемент **правовой нормы, в котором устанавливаются неблагоприятные последствия несоблюдения требований, предусмотренных этой нормой**». При вовлечении термина **санкция** в другой круг сочетаемости: *Le gouvernement a pris des sanctions à l'encontre des manifestants*, в слове сохраняются его родовой и видовой признаки; при этом к ряду перечисленных компонентов прибавляется новый: «**непосредственно мера воздействия, применяемая к правонарушителю и влекущая для него неблагоприятные последствия**». В результате этого, слово расширяет свое лексическое содержание и проявляет тенденцию к развитию нового терминологического значения.

Ко второй группе можно отнести такие термины, которые используются в тексте в своем прямом значении, осложненном эмоционально-экспрессивными элементами. Чаще эмоционально-экспрессивные оттенки в семантической структуре термина подготавливаются микроконтекстом. В таком случае в терминологических сочетаниях, которым на уровне языка не свойственна какая бы то ни было экспрессивность, проявляются положительные или отрицательные эмоционально-экспрессивные оттенки. Термин при этом сохраняет свое прямое значение. Рассмотрим пример.

«Les principes de souveraineté (puissance suprême et inconditionnée, sous réserve, précisément, du respect des engagements internationaux et des règles du droit international) et **d'égalité absolue** [абсолютное равенство, абсолютное равноправие] et l'absence de véritable pouvoir législatif et réglementaire rendent difficile la création de règles générales» [9. С. 2].

Терминологическое выражение **l'égalité absolue** в приведенном контексте обозначает не только «равенство и равноправие», но и имеет ярко выраженное оценочное значение, вносимое в слово как контекстом, так и добавлением специального прилагательного. В данном примере сам контекст указывает на появляющуюся в термине коннотацию. Такие явления в официально-деловом стиле не так уж и часты.

Итак, некоторые наблюдения над употреблением терминологической лексики в официально-деловом стиле речи позволяют предполагать, что:

1) употребление научных терминов в функционально иной сфере литературного языка связано с определенными семантическими сдвигами в их смысловой структуре: а) количественно и качественно меняется соотношение компонентов понятийного ядра термина; б)

встречаются случаи употребления терминов в их прямом значении, осложненном эмоционально-экспрессивными элементами; в) наблюдается переосмысление прямого, терминологического значения слова, употребление слова-термина в образно-переносном плане;

2) в развитии и преобразовании структуры смыслового объема термина большую роль играет необычная для термина в научной речи сочетаемость, изменение условий функционально-стилистического употребления термина.

Список литературы

1. Бурдин, С. М. О терминологической лексике // Филологические науки. 1958. № 4. С. 58.
2. Виноградов, В.В. Вступительное слово // Вопр. терминологии: материалы Всесоюзн. терминологич. совещания. М. : 1961. С. 6.
3. Виноградов, В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопр. языкозн. 1953. № 5. С. 10.
4. Гинзбург, Р.С. Смысловая структура слова // Иностранные языки в школе. 1957. № 5. С. 90.
5. Кацнельсон, С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. : Едиториал УРСС, 2011. 110 с.
6. Канделаки, Т. А. Дифференциальные семантические признаки терминов процессов техники // Исследования по русской терминологии. М. : Наука, 1971. С. 90–113.
7. Dubouis, L. Droit public / L. Dubouis, G.Peiser. Paris : Mémentos Dalloz, 1999. 285 p.
8. Robert, P. Dictionnaire de la langue française. Paris : Dicorobert Inc., 2004. 1507 p.
9. Ruzié, D. Droit international public. Paris : Mémentos Dalloz, 2000. 321 p.

Spisok literatury

1. Burdin, S. M. O terminologicheskoj leksike // Filologicheskie nauki. 1958. № 4. S. 58.
2. Vinogradov, V.V. Vstupitel'noe slovo // Vopr. terminologii: materialy Vsesojuzn. terminologich. soveshhanija. M. : 1961. S. 6.
3. Vinogradov, V. V. Osnovnye tipy leksicheskikh znachenij slova // Vopr. jazykozn. 1953. № 5. S. 10.
4. Ginzburg, R.S. Smyslovaja struktura slova // Inostrannye jazyki v shkole. 1957. № 5. S. 90.
5. Kacnel'son, S. D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznamenije. M. : Editorial URSS, 2011. 110 s.
6. Kandelaki, T. A. Differencial'nye semanticheskie priznaki terminov processov tehnik // Issledovanija po russkoj terminologii. M. : Nauka, 1971. S. 90–113.
7. Dubouis, L. Droit public / L. Dubouis, G.Peiser. Paris : Mémentos Dalloz, 1999. 285 p.
8. Robert, P. Dictionnaire de la langue française. Paris : Dicorobert Inc., 2004. 1507 p.
9. Ruzié, D. Droit international public. Paris : Mémentos Dalloz, 2000. 321 p.

УДК

**АНАЛИЗ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ФИЛЬМЕ**

Н. В. Лапшина

В статье рассматриваются основные источники прецедентных феноменов, оказывающих влияние на восприятие реципиентом художественного фильма.

Ключевые слова: прецедентный феномен, кинодискурс, инвариант, лингвокультурное сообщество, произведение.

Основными компонентами когнитивной базы каждого лингвокультурного сообщества являются прецедентные феномены, которые составляют его национально-культурную специфику [2. С. 126]. Прецедентные феномены (прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное высказывание, прецедентное имя) хорошо известны всем представителям национального лингвокультурного сообщества, актуальны в когнитивном плане, являются культурными знаками-символами образов, качеств и ситуаций, обращение к ним постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национального лингвокультурного сообщества. Основной сферой-источником прецедентных феноменов в кинодискурсе является литература: строчки из известных литературных произведений, названия экранизированных произведений, имена литературных персонажей и авторов произведений. Примером может послужить название фильма *Fireflies in the Garden (2008)*, представляющее собой строчку из стихотворения американского поэта Роберта Фроста. Данный прецедентный феномен актуализирует прецедентный текст стихотворения, инвариант восприятия которого способствует более глубокому пониманию концепции кинопроизведения [3. С. 146]. Интересным представляется тот факт, что большинство прецедентных феноменов, входящих в сферу «Литература», имеют англоязычное происхождение (названия произведений, имена героев, цитаты из англоязычных произведений, имена англоязычных писателей).

Важной составляющей сферы «Литература» являются прецедентные феномены, источником которых служат комиксы, имена главных героев которых в большинстве случаев выносятся в название кинофильмов: *Prince Valiant (1954)*; *X-Men (2000)*; *Hellboy (2004)*; *Iron Man (2008)*.

Характерной чертой американского кинопроизводства является создание огромного количества ремейков, сиквелов, а также всевозможных пародий и переделок известных фильмов, обеспечивших в свое время хорошие прокатные сборы. Присутствие наименования уже просмотренной киноленты или имени популярного киногероя в названии новой версии фильма обеспечивает интерес со стороны зрителя, который надеется увидеть, по крайней мере, не менее захватывающую версию известной ему истории. Примером служит *Freddy Versus Jason (2003)* – Фредди Крюгер и Джейсон Вурхис – герои известной американской ленты «Кошмар на улице Вязов» и серии фильмов «Пятница 13-е».

Следует отметить, что источниками прецедентных текстов для современных кинофильмов служат фильмы, которые можно назвать «культовыми». Например, *Высытаться за полчаса, как Штирлиц, я не научусь никогда* (телесериал «Саша и Маша»).

Классические зарубежные картины используются в качестве прецедентных текстов значительно реже: «Бони и Клайд», «Эммануэль», серия фильмов о Рембо и нек. др. Например: *Сейчас или никогда. Как Бони и Клайд* (телесериал «Кто в доме хозяин?»). Отсылки к этим прецедентным текстам не очень много, но создают сравнения с их упоминанием явные знатоки классического кино.

Современные зарубежные картины фигурируют в сравнениях гораздо чаще, чем отечественные. Это серия фильмов о Джеймсе Бонде, «Красотка», «Девять с половиной недель», «Стюарт Литтл», «Спайдермен», «Бэтмен» и под. Например: *Да только эти сукины дети шифруются почище Джеймса Бонда* (П. Корнев. Скользкий). В сопоставлении с прецедентными текстами предыдущей группы эти тексты функционируют в образной сфере сравнения более активно, демонстрируя, что доля зарубежной продукции на отечественном кинорынке по-прежнему велика, фильмы эти хорошо знакомы носителям языка и любимы. Многие сюжеты и герои зарубежных фильмов уже становятся классическими, используются для обрисовки типовых ситуаций. Например: *...На общем невыразительном фоне они смотрелись, как Шварценеггер в детском саду* (О. Мар-

кеев. Чёрная луна) – ситуация нелепости, контраста, неуместности чего-либо изображается с помощью отсылки к известному фильму «Детсадовский полицейский», при этом герой фильма называется не киноименем, а (что тоже характерно) именем игравшего его актёра.

Есть и более общие, неконкретные отсылки: фильм ужасов, голливудский кинофильм/боевик, индийское кино, гангстерский фильм, вестерн и т. п.: *То, что врач увидел в холле, больше походило на голливудский боевик* (телепередача «Их разыскивает милиция»). Их можно считать апелляцией к целой группе типовых прецедентных текстов одного киножанра, очень распространённого в культурной среде и поэтому не требующего конкретизации, точного указания названия фильма.

Кинематограф как источник культурных знаков во многом подпитывается за счет художественной литературы, которая поставляет ему сюжеты. В ситуации, когда в основе сценария фильма, из которого извлекаются культурные знаки, лежит литературное произведение, знакомое носителям русской культуры, «этимологию» культурного знака затемняет пересечение культурных сфер [1. С. 31]. С одной стороны, сложно понять, что выступает в качестве прецедентного текста (книга или фильм) в сравнении: *Так что мы сейчас с вами как три мушкетёра: Атос, Портос и Полтос* (телесериал «Счастливы вместе»). С другой стороны, с учётом уровня начитанности современного носителя языка, можно с большой уверенностью сказать, что скорее всё же фильм. В примере, приведённом выше, это косвенно подтверждается и ошибкой в именах литературных героев, допущенной героиней.

Аналогичный пример. Р. Л. Стивенсон «Странная история доктор Джекилла и мистера Хайда»: *Мы с женой, как доктор Джекил и мистер Хайд: когда один выпьет – другой звереет!* (г. «Моя весёлая семейка») – отсылка не к недавно вышедшему художественному фильму, а к неактивно читаемому литературному произведению здесь сомнительна, особенно с учётом малограмотности носителя языка, проявившейся в постановке лишней запятой и написании имени одного из героев.

Иногда книга и фильм появляются в нашем культурном обиходе практически одновременно, и тогда понять, какой именно источник стал базой для создания многочисленных сравнений, основанных на данном сюжете, невозможно [2. С. 46]. Так произошло с циклом фильмов и книг о Гарри Поттере, а также с фильмами на основе ро-

манов «Хоббит» и «Властелин колец» Дж. Р. Толкиена (хотя романы Толкиена и датируются серединой XX века, мода на чтение этих книг распространилась только с созданием цикла фильмов). Пример: *Русские, как хоббиты, очень любят ходить в гости* (телесериал «Даша Васильева»).

В любом случае, несмотря на допущенные кинематографистами и использующими образы носителями языка незначительные деформации исходного текста, всё же можно говорить о том, что литературное произведение вводится в сравнение, хотя и опосредованно, через использование фрагмента фильма. Тем не менее, данные примеры отнесены нами к случаям использования культурных знаков кинематографического, а не литературного происхождения.

Еще одним широким источником прецедентности в кино является сфера политики. В данной группе прецедентных имен можно выделить следующие подгруппы:

– имена выдающихся исторических лиц (политические деятели, короли и т.д.): *Hitler: The Rise of Evil (2003)* – фильм о жизни и политической деятельности Адольфа Гитлера.

– названия известных географических объектов и социальных учреждений: *Valley of the Kings (1954)* – Долина Царей – долина в Египте, где за период примерно в 500 лет с 16 по XI век до н. э. были построены гробницы для захоронения фараонов.

– названия средств передвижения (кораблей, самолетов и т.д.): *U-571 (2000)* – название немецкой подводной лодки времен Второй мировой войны.

Шоу-бизнес также является сферой прецедентности: *Elvis Has Left the Building (2004)* – фраза продюсера Хораса Ли Логана, обратившегося к толпе, пытавшейся прорваться из зала к служебному входу после окончания концерта Элвиса Пресли, стала одной из самых знаменитых фраз шоу-бизнеса; *The Audrey Hepburn Story (2000)* – история одной из самых обожаемых актрис Голливуда Одри Хепберн.

Прецедентные имена со сферой-источником «музыка» представляют собой имена известных музыкантов: *Ray (2004)* – история жизни великого американского музыканта Рэя Чарльза; *Imagine Me & You (2005)* – строчка из песни «Harry Together», принесшей известность калифорнийской группе середины 60-х годов; *Walk the Line (2005)* – фильм повествует о жизни знаменитого американского музыканта Джонни Кэша, название фильма – наименование одной из его композиций.

Сфера религии и мифологии представлена, в первую очередь, прецедентными феноменами, источником которых служит Библия: *The Ten Commandments* (1956); *The Ten Commandments* (2007); *Judas* (2004); *The Passion of the Christ* (2004).

Помимо библейских, в данную группу входят также прецедентные феномены, источником которых служат разнообразные явления религиозного происхождения: *George and the Dragon* (2004) – в основу фильма положено сказание об убийстве копьём змея (дракона) святым Георгием (известным в России как Георгий Победоносец).

Выделение сферы-источника «игры» в качестве самостоятельной единицы настоящей классификации обусловлено фактом участвовавших за последнее десятилетие экранизаций популярных видеоигр.

Название фильма в таких случаях либо дублирует наименование самой игры (*BloodRayne* (2005); *Alone in the Dark* (2005); *Timequest* (2000); *Doom* (2005)), либо имеет в своем составе имя главного персонажа видеоигры (*Lara Croft: Tomb Raider* (2001); *Lara Croft Tomb Raider: The Cradle of Life* (2003)).

Помимо видеоигр источником прецедентности американских художественных фильмов могут выступать и любые другие явления, имеющие статус «игры»: *Hide and Seek* (2005); *Dungeons & Dragons: Wrath of the Dragon God* (2005) – *Dungeons & Dragons* («Подземелья и драконы», или «Донжоны (Башни) и Драконы») – настольная ролевая игра в стиле фэнтези (по времени издания первая ролевая игра в мире).

Спортивную тематику также можно выделить в качестве источника прецедентности. Например, *Ali* (2001) – фильм об американском боксере Мухаммеде Али; *Coach Carter* (2005) – фильм основан на реальных событиях из жизни американского баскетбольного тренера Кена Картера; и *Game 6* (2005) – *Game 6* – так именуют в США финал Мировой Серии по бейсболу; *Match Point* (2005) – матч-пойнт – ситуация в теннисе, когда один из игроков при выигрыше очка становится победителем матча.

Список литературы

1. Гришаева, Л. И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность

Spisok literatury

1. Grishaeva, L. I. Precedentnye fenomeny kak kul'turnye skrepy (k tipologii precedentnyh fenomenov) // Fenomen precedentnosti i preemstvennost'

- культур / под общ. ред. Л. И. Гришаевой, М. К. Поповой, В. Т. Титова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2004. 156 с.
2. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 206 с.
3. Ямпольский, М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф. М. : РИК «Культура», 1993. 464 с.
- kul'tur / pod obshh. red. L. I. Grishaevoj, M. K. Popovoj, V. T. Titova. Voronezh: Voronezh. gos. un-t, 2004. 156 s.
2. Maslova, V. A. Lingvokulturologija: ucheb. posobie. M. : Akademija, 2001. 206 s.
3. Jampol'skij, M. B. Pamjat' Tiresija. Intertekstual'nost' i kinematograf. M. : RIK «Kul'tura», 1993. 464 s.

УДК

**РЕКЛАМНЫЕ ТЕКСТЫ ГЛЮТТОНИЧЕСКОГО ДИСКУРСА:
ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ**

Н. С. Лосева

В данной статье классифицированы рекламные тексты глоттонического дискурса. Рассмотрены примеры использования элементов глоттонической коммуникации в ресторанном дискурсе для целенаправленного привлечения внимания потребителей досуговых заведений поликультурного города. Исследованы и проанализированы тексты меню, кулинарных рецептов и гастрономические разделы путеводителей, которые отражают глоттоническую информацию, составляющую один из важнейших элементов национальной идентификации и самоидентификации полиязычных народов.

Ключевые слова: дискурс, глоттония, глоттонический дискурс, рекламный дискурс, рекламный текст, поликультурность.

Глоттонический дискурс, как и дискурс вообще, является сложным коммуникативным явлением, обладающим дифференциальными особенностями, которые одни ученые связывают с продуктом речевого действия с присущей ему смысловой однородностью, актуальностью (уместностью), привязанностью к определенному контексту, жанровой и идеологической принадлежностью (Т. А. ван Дейк, В. Кинч, В. З. Демьянков, А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, W. Chafe, W. Labov и др.), а другие (О. В. Александрова, Е. С. Кубрякова, В. В. Красных и др.) отождествляют с вербализованной деятельностью с присущей ей соотносительностью с целым слоем культуры, социальной общности и даже с конкретным историческим периодом [1. С. 320].

Исследования глоттонического дискурса с семиотических позиций ведется в режиме дискурсивных практик, с помощью которых структурируются инварианты научного мышления с целью найти ответ на вопрос о том, как бытийствует язык.

Рекламный дискурс как часть коммуникации основан на экспрессивности для большего прагматического воздействия на реципиента [2. С. 83].

Эмоциональность рекламного текста создается разными пластами лексики. Экспрессивность в рекламном дискурсе реализуется путем использования экспрессивных средств языка (на примере рекламы продуктов питания):

1. Использование экспрессивных возможностей поэтической речи (рифма): *сникерсни не тормози* (реклама шоколада).

2. В рекламном тексте немаловажную роль играют тропы, подчеркивающие характерное свойство, качество товаров и услуг: *уникальная европейская кухня; мороженое сахарный рожок*.

3. Бессоюзные конструкции: Кафе «Нурдаулет» – *Лучшая кухня!; Быстро. Дешево. Вкусно.* (Развлекательный комплекс «София»).

4. Использование собственных имен в названии изготавливаемой продукции: *Пельмени от Есимбаева; садчиковские сыры; колбаса от Розумовича*.

5. Использование прецедентных единиц: *«Еда вовремя – залог здоровья»*.

Язык непрерывно совершенствуется, гибко реагируя на изменения исторической эпохи и культурных традиций. И сегодня, когда явственно проявляется интерес к истории своего народа, его обычаям, в том числе и религиозным, объясним и уместен интерес к национальной кухне как части культурного наследия, знакомство с которыми становится своеобразным познанием мира. На развитие национальной кухни влияют быт, местные обычаи, весь образ жизни, культовые запреты и религиозные традиции [3. С. 154].

Костанай считается одним из поликультурных городов на территории Казахстана, где взаимодействуют несколько религий и множество народностей. Показателем массовости и поликультурности для языковой жизни Костаная служит СМИ, в которых особое место отводится рекламному тексту.

Самой многочисленной, в наших исследованиях оказалась реклама основных продуктов питания, которая в свою очередь также делится на подпункты: *хлеб и хлебобулочные изделия; мясо-молочные изделия; морепродукты; фрукты и овощи; кондитерские изделия*.

Специфической характеристикой таких рекламных текстов является тематическая сгруппированность: по ключевому слову: а) виду продукта – сырой, варенный, копченый, б) виду блюда – торты, пироги, пельмени, салаты; в) социальной событийности – рождественское, пасхальное, праздники жертвоприношения и т. д. Вокруг того или иного типа продуктов или темы расположено «гнездо» рекла-

мы. Например, во время празднования религиозных праздников часто можно наблюдать рекламные тексты следующего содержания: *Куплю лошадь на согым; Продается конина частями на согым; Согым частями и т. д.*

У казахов, как издревле кочевого народа, важное значение имело мясо и блюда, приготовленные из него. С мясной пищей связано множество традиций и ритуалов. Одной из таких традиций является *согым*.

Из анализа функционирования этого слова в рекламных текстах, его семантика расширяется. *Согым* употребляется в значении мясо, преимущественно мясо лошади (*Согым частями*).

Согым – убой скота на зиму [4. С. 163].

Согым - это признак благополучия дома и счастье для всех членов семьи от приема гостей в честь свежезарезанного жеребца, кобылы, коровы или верблюда [5. С. 5].

Все рекламные тексты содержат в себе мотивы, отражающие нужды и потребности человека. Основной потребностью человека является утоление голода или жажды, поэтому реклама продуктов питания и напитков стала одной из самых распространенных, включая в себя слова, пришедшие из культуры других народов.

Одним из ярчайших примеров является рекламируемое блюдо *шашлык*, которое стало одним из фирменных блюд многих заведений города Костаная, несмотря на то, что пришло из культуры других народов. Примерами функционирования слова *шашлык* является рекламные тексты досуговых заведений города: кафе «Шеш-беш», кафе «Магистраль», ресторан «Три медведя», развлекательный комплекс «София» и т. д. Например, рекламный буклет ресторана «Три медведя» – *«Три медведя» – в ассортименте: пицца, шашлык, роллы, салаты, напитки*.

Таким образом, наши исследования *глуттонии* характеризуют не столько знакомство потребителей с кулинарными традициями других стран, передачи национальных особенностей и колорита, сколько формирование у населения новых представлений о ценностях жизни.

Список литературы

1. Головницкая, Н. П. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного глуттоничес-

Spisok literatury

1. Golovnickaja, N. P. Lingvokul'turnye harakteristiki nemeckojazychnogo gljuttoniches-

- кого дискурса // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. науч. ст. по материалам междунар. конф., посвященной 15-летию Волгоградской академии государственной службы. Волгоград : ВАГС : «Мир», 2007. С. 315–322.
2. Макарова, О. В. Высказывание о вкусах в рекламных текстах // Вестн. КазНУ. Сер. филологическая. 2005. №5 (87). С.80–84.
3. Синицына, Э. Х. Формирование потребительского поведения на продукты питания (на материалах Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Алматы, 2002. 31 с.
4. Казахско-русский словарь. Алматы. Аруна, 2002. 415 с.
5. Ахметова, Ш. К. Пища казахов Западной Сибири: традиции и новации : автореф. дис. ... культуrol. наук. Алматы, 2005. 27 с.
- kogo diskursa // Menjajushhajasja komunikacija v menjajushhemsja mire: sb. nauch. st. po materialam mezhdunar. konf., posvjashhennoj 15-letiju Volgogradskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby. Volgograd : VAGS : «Mir», 2007. S. 315–322.
2. Makarova, O. V. Vyskazyvanie o vkusah v reklamnyh tekstah // Vestn. KazNU. Ser. filologicheskaja. 2005. №5 (87). S.80–84.
3. Sinicyna, Je. H. Formirovanie potrebitel'skogo povedenija na produkty pitaniya (na materialah Respubliki Kazahstan) : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Almaty, 2002. 31 s.
4. Kazahsko-russkij slovar'. Almaty. Aruna, 2002. 415 s.
5. Ahmetova, Sh. K. Pishha kazahov Zapadnoj Sibiri: tradicii i novacii : avtoref. dis. ... kul'turol. nauk. Almaty, 2005. 27 s.

УДК

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СЛОВА И ГРАММАТИКИ
В ГНЕЗДОВОМ ДИАХРОНИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ
НОВОГО ТИПА**

Н. В. Пятаева

В статье рассматривается история составления и издания в России гнездовых словообразовательных словарей русского языка, совмещающих семантические и грамматические характеристики слова, а также предлагаются принципы построения гнездового словаря нового типа – диахронического словаря этимологического гнезда.

Ключевые слова: гнездовой словарь, словообразовательный словарь, семантика, грамматика, диахронический словарь этимологического гнезда.

Вторую половину XX – начало XXI вв. можно назвать эпохой энциклопедий и словарей – «золотым веком» лексикографии. Обзор новейших лексикографических исследований позволяет сделать следующее заключение: если традиционная лексикография ориентировалась на описание отдельного слова как самостоятельного объекта исследования, то теперь **на первый план выходит исследование классов слов**, объединённых по одному или нескольким признакам.

Самым значительным шагом в словарной систематизации лексики была концепция, разработанная в 60–70-е годы XX в. И. А. Мельчуком, А. К. Жолковским и Ю. Д. Апресяном и фрагментарно осуществлённая в венском издании «Толково-комбинаторного словаря русского языка» [6]. Аппарат так называемых лексических функций позволил авторам словаря выявить во множестве слов регулярные семантические элементы, организующие их значения и связи. Смело перешагивая через традиционные границы «уровней», авторы неожиданно, но убедительно объединяют в «лексических функциях» явления и словообразования, и лексико-семантических отношений, и фразеологических связей, и синтаксических функций, и субъективно-оценочных характеристик. Вместе с тем, возможно предположить **иную ориентацию лексикографических интересов**,

ведь слово живёт не только в сообществе лексем. Нельзя не признать, что взаимодействие лексики и грамматики в словарной практике осуществляется в односторонней грамматической поддержке лексикологических задач. Реализация взаимодействия слова и грамматики и, более того, синхронного и диахронического аспектов функционирования слова, с нашей точки зрения, может быть осуществлена в *гнездовом диахроническом словаре*.

Гнездовой словарь действительно воплощает связь между словарём и грамматикой: в любом словаре, даже и в словаре типа толково-комбинаторного, грамматика пополняется в результате описания отдельных лексических единиц, то есть после их описания, между тем, гнездовой словарь есть как бы одновременно и словарь, и грамматика – он сообщает нечто о морфемном строении и образовании частных лексем, но при этом характеризует и целые их классы.

Первым гнездовым словарём русского языка можно считать «Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный» (1789–1794 гг.), в 6-ти частях которого было собрано более 43 000 слов. Словарь отчасти можно считать этимологическим: слова располагались в нём в виде гнёзд, восходящих к общему корню, что позволяло определить происхождение слова. Кроме того, словарь включал множество новых слов, включённых в научный оборот М. В. Ломоносовым. На основе этого словаря был создан второй «Словарь Академии Российской» (1806–1822 гг.), в отличие от первого (гнездового), «по азбучному порядку расположенный» и включавший более 51 000 слов. Опыт и материалы этих словарей использовали составители всех последующих толковых словарей XIX в. Знаменательным событием не только для лексикографии, но и для всей русской культуры было издание в 1866 г. «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [3], необыкновенная ценность которого состояла прежде всего в том, что в нём нашёл наиболее полное отражение русский язык середины XIX в.: всего в словаре описано около 200 тысяч слов (в этом он не имеет себе равных и сегодня), расположенных в соответствии с алфавитно-гнездовым принципом.

В 1938 г. в Ленинградском отделении Института языкознания АН СССР складывается коллектив для составления нового академического словаря, первый том которого увидел свет в 1948 г., последний, 17-ый, вышел в 1965 г. Первоначально словарь был задуман как гнездовой – слова объединялись в одно гнездо на основании истори-

ко-семантической общности (три первых тома соответствуют этому принципу), однако в дальнейшем авторы отказались от этого принципа в силу спорности, с научной точки зрения, и нецелесообразности, с практической точки зрения, отнесения к одному гнезду тех или иных слов, которые в процессе исторического развития могли потерять близкое сходство во внешней форме или далеко разойтись в семантике. Поэтому последующие тома имели алфавитное строение. В 1975 г. было предпринято переиздание словаря в 20-ти томах, которое не было закончено: до 1994 г. вышло 5 томов. В настоящее время продолжается третье (в 30-ти томах) издание Большого академического словаря, значительно дополненного и переработанного: с 2004 по 2012 гг. был опубликован 21 том словаря [8]. В этом издании авторы целиком отказались от гнездового принципа подачи лексического материала, что оправдано объективными трудностями совмещения в одном словаре как можно более полного представления семантики слова и показа всех его производных, которые, в свою очередь, в большинстве своём обладают не менее разветвлённой семантической структурой. При этом немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что гнёзда наиболее употребительных слов в русском языке представлены довольно большим числом компонентов – от 50 до 1000 и более. В связи с этим оптимальным представляется вариант гнездового словаря без толкования лексического значения слов, за исключением случаев лексической омонимии. Таковыми являются «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова [9] и изданный в Америке «Russian Derivational Dictionary» [10].

Словарь А. Н. Тихонова отражает ступенчатый характер русского словообразования, в нём раскрыта словообразовательная структура 145 000 производных слов: в 12 621 словообразовательном гнезде показано, на базе какого производящего и при помощи каких словообразовательных средств образовано каждое слово. Позднее, на основе разработанных А. Н. Тихоновым теоретических принципов и методики построения гнездового словообразовательного словаря, были изданы многочисленные, так называемые, современные и школьные словообразовательные словари [1; 2; 4; 5 и др.]. В основе построения словаря американских учёных также лежит гнездовой принцип, но в качестве вершин выступают корни – свободные или связанные, поэтому данный словарь является скорее корневым, чем словообразовательным, так как однокоренные лексемы расположе-

ны в гнезде по алфавиту, без учета словообразовательной производности. Тем не менее, словарь предоставляет возможность на фоне однокоренных образований проследить морфемное членение каждого отдельного слова с учётом происшедших в его структуре исторических изменений, так как членение на морфемы осуществляется с учётом данных этимологии о происхождении того или иного слова.

Предлагаемый нами гнездовой словарь представляет собой **диахронический словообразовательный словарь этимологического гнезда**, задачей которого является показ динамики развития лексического состава рефлексов определённого корнеслова от праславянского периода до современного состояния. Проведённые ранее наблюдения за развитием этимологических гнёзд *em- ‘братъ, иметь’, *ber- ‘братъ, взять’, *dō- ‘дать//давать, братъ, нести’ и *nesti ‘нести’ в истории русского языка [7] позволили восстановить этимологические гнёзда с этими общеславянскими корнями, образующими в истории русского языка генетическую парадигму: *давать* → *дать* → *братъ* → *взять* → *иметь* → *нести* → *давать*¹.

В соответствии с принципами построения словаря в состав гнёзд были включены слова, не только зафиксированные в исторических словарях восточ-нославянских языков XI – XIV вв., русского языка XI – XVII, XVIII и XIX вв., но и реконструированные нами лексемы методом «заполнения пустых клеток» в составе параллельных гнёзд, развившихся от синонимичных вершин, а также диалектные лексемы на том их месте в структуре гнезда, где они изначально возникли. Словарь строится с учётом того, что лексика любого языка является открытым множеством, не статичным, а динамичным по своему характеру, постоянно пополняющимся новыми словами – за счёт словообразовательных возможностей, процессов семантиче-

¹ Генетическая парадигма определяется нами как ряд слов, объединяемых последовательностью выражаемых ими значений, содержащих общие семы. Например, семантическая и генетическая общность упомянутых нами глагольных вершин этимологических гнёзд обусловлена синкретизмом значений древних корней, к которым они восходят: и.-е. *dō- имел значения ‘дать//давать; братъ; нести’; и.-е. *bher- – ‘нести’ в праславянском развивает значение ‘братъ’, становясь синонимичным и.-е. *em- ‘братъ, взять’, который позднее приобретает значение ‘иметь’, существующее параллельно с изначальным на всём протяжении истории русского и родственных славянских языков; общеслав. *nesti – из и.-е. *nek’ обладал значением ‘нести, ноша, тяжесть; поднимать’.

ского развития и заимствований – и одновременно утрачивающим часть своих единиц, выходящих из употребления и переходящих в пассивный словарный фонд. Поэтому в состав словаря диахронического словаря включаются и те слова, которые по каким-либо причинам утратились, деэтимологизировались или перешли в пассивный лексический запас.

Итак, в соответствии с нашими наблюдениями, представление всего массива слов, образующих этимологическое гнездо в виде диахронического словообразовательного словаря, даёт возможность проследить функционирование в истории языка всех этимологически родственных слов, ведущих происхождение от одного корня, и объяснить многие факты их современного состояния.

Список литературы

1. Артемьева, Н. А. Большой словообразовательный словарь русского языка. М., 2007.
2. Бакланова, М. В. Словообразовательный словарь современного русского языка. М., 2008.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живаго Великорускаго языка: В 4-х т. / Издание «Общества любителей Российской словесности». М., 1863–1866.
4. Елынцева, И. В. и др. Словообразовательный словарь русского языка / Ин-т яз. и лит. им. Якуба Коласа и Янки Купалы Нац. АН Беларуси. Минск, 2010.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразова-тельный: В 2-х т. М., 2012.
6. Мельчук, И. А. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка / И. А. Мельчук, А. К. Жолковский. Вена, 1984.

Spisok literatury

1. Artem'eva, N. A. Bol'shoj slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka. M., 2007.
2. Baklanova, M. V. Slovoobrazovatel'nyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka. M., 2008.
3. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivago Velikoruskago jazyka: V 4-h t. / Izdanie «Obshhestva ljubitelej Rossijskoj slovesnosti». M., 1863–1866.
4. Elynceva, I. V. i dr. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka / In-t jaz. i lit. im. Jakuba Kolasa i Janki Kupaly Nac. AN Belarusi. Minsk, 2010.
5. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazova-tel'nyj: V 2-h t. M., 2012.
6. Mel'chuk, I. A. Tolkovo-kombinatornyj slovar' sovremennogo russkogo jazyka / I. A. Mel'chuk, A. K. Zholkovskij. Vena, 1984.

7. Пятаева, Н. В. Генетическая парадигма «Давать//дать → брать → взять → иметь → нести → давать» в истории русского языка: В 2-х ч. Стерлитамак, 2009.
8. Словарь современного русского литературного языка (БАС): В 30-ти т. / Институт лингвистических исследований РАН. М., 2004.
9. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2-х т. М., 1985 (и др. издания, последнее 2003 г.).
10. Russian Derivational Dictionary by Dean S. Worth, Andreu S. Kozak, Donald B. Johnson. Inc. New York, 1970.
7. Pjataeva, N. V. Geneticheskaja paradigma «Davat'//dat' → brat' → vzjat' → imet' → nesti → davat'» v istorii russkogo jazyka: V 2-h ch. Sterlitamak, 2009.
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (BAS): V 30-ti t. / Institut lingvisticheskikh issledovanij RAN. M., 2004.
9. Tihonov, A. N. Slovoobrazovatel'nyj slovar' russkogo jazyka: V 2-h t. M., 1985 (i dr. izdanija, poslednee 2003 g.).
10. Russian Derivational Dictionary by Dean S. Worth, Andreu S. Kozak, Donald B. Johnson. Inc. New York, 1970.

УДК

**ОБРАЗНЫЕ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ НОМИНАЦИИ
КАК СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА ЗНАЧЕНИЯ**

В. Ю. Синцов

Статья посвящена образным антропоцентрическим номинациям как средствам выражения национально-культурного компонента значения. Интерпретация национально-культурного компонента значения основывается на лингвокультурологической компетенции языкового коллектива.

Ключевые слова: национально-культурный компонент значения, образные антропоцентрические номинации, лингвокультурологическая компетенция, интерпретация национально-культурного компонента значения.

Механизмы национально-культурной номинации основываются на двух оппозициях: 1) понятийная или фоновая номинация; 2) узуальная (системно-языковая, стандартная) и окказиональная (речевая) номинация [7. С. 12].

Члены первой оппозиции дифференцируются по локализации национально-культурного компонента значения в концептуальном ядре или в семантическом фоне (по терминологии Верещагина, Костомарова [2]), который некоторые исследователи называют культурной коннотацией [8. С. 214]. Соответственно разграничиваются слова-реалии (Newcastle и др.) и фоновые слова и выражения (to be born on the wrong side of the tracks амер.- родиться в семье бедняка, выйти из низов; tracks – железнодорожное полотно на окраине некоторых американских городков, за которыми находятся городские трущобы).

Оппозиция узуальной (клишированной, то есть зафиксированной в соответствующих лексикографических источниках) и окказиональной (речевой, созданной тем или иным автором в определенном контексте) образной антропоцентрической национально-культурной номинации может быть проиллюстрирована следующим образом: to sit above the salt 1) уст. (сидеть) в верхнем конце стола,

на почетном месте, близко от хозяина (по старинному английскому обычаю солонку ставили посредине стола, причем знатных гостей сажали за верхним концом стола, а незнатных гостей, бедных родственников и слуг за нижним); 2) (занимать) высокое положение в обществе [6]. Приведенный выше пример узуальной образной антропоцентрической характеристики может быть противопоставлен индивидуально-авторской номинации: «...when I reached the head of the queue, Aggie Batt had not got up. She lay there with her nose **as sharp as a pen** and the flowers on her chest» [10. С. 96]. Образная номинация части живого объекта (nose) через неодушевленный объект (as sharp as a pen) представляет собой цитату из произведения У. Шекспира «Henry IV», где дается следующее описание смерти Фальстафа: «His nose was as sharp as a pen» .

Следует особо рассмотреть образные национально-культурные фоновые номинации. Проанализируем следующий пример: to cut smb. off with a shilling [6]. План содержания данного фразеологического оборота характеризуется двойной асимметрией, а именно: а) соположением целостного обобщенно-фигурального значения с семантикой прототипа ФЕ; б) соотношением между семантикой отдельных компонентов ФЕ и интегрированным предметно-логическим значением всего прототипа ФЕ на уровне первичной номинации. Прототип ФЕ представляет собой интегрированный предметно-логический денотат, «образно-ситуативную мотивированность» [8. С. 14] фразеологического оборота, которая непосредственно коррелирует с менталитетом лингвосоциума и является сущностью культурной коннотации.

Под культурной коннотацией понимается «интерпретация денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [8. С. 214]. Например, прототипом фразеологической единицы **to cut smb. off with a shilling** служит следующая культурологическая информация: завещатели часто оставляли лишенным наследства один шиллинг в доказательство того, что лишение наследства было преднамеренным.

Для адекватного восприятия национально-культурного компонента значения образных антропоцентрических номинаций реципиенту необходимо оперировать достаточными социокультурными знаниями, культурным тезаурусом [4], «вертикальным контекстом» [1], интертекстом, под которым следует понимать «узнавание текстов предшествующей культуры (диахроническая интертекстуальность)

или текстов окружающей культуры (синхроническая интертекстуальность)» [5. С. 40]. Иными словами, интерпретация культурологически релевантной информации, локализованной в семантике рассматриваемых номинаций, основывается на лингвокультурологической компетенции языкового коллектива. Последняя, как отмечает В. В. Воробьев, представляет собой «знания ... говорящим-слушающим всей системы культурных ценностей, выраженных в языке» [3. С. 74].

При исследовании национально-культурной специфики образных антропоцентрических номинаций, по-видимому, целесообразно исходить из следующего важного в методологическом плане постулата: «Система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода “нишей” для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [8. С. 215]. К процитированному тезису необходимо добавить то, что речь может идти не только об образах, имеющих в фразеологическом фонде языка, но и о таких образных номинациях, которые эксплицированы как одним словом, так и переменным словосочетанием, например: *redcoat n. – a British soldier in former times* [11]; «...it's all much subtler than you can possibly imagine, and the point of it certainly isn't to act **as a cheap weather-vane** for human beings. Anyway... the reindeer were troubled with something deeper than Noah-angst, stranger than storm-nerves; something... long-term» [9. С. 29].

В приведенном фрагменте из произведения Джулиана Барнза, представляющем собой сюжетную параболу, дается описание Ноева ковчега как своеобразной художественной проекции тоталитарного общественно-политического режима. Каждый персонаж произведения – то или иное животное, взятое Ноем в свой ковчег, – социально-психологический типаж. В процитированном отрывке северный олень (*reindeer*) характеризуется через образное сравнение (*as a cheap weather-vane*). Как свидетельствует пример, приведенный выше, для глубинной национально-культурной дешифровки образных антропоцентрических номинаций необходимо привлечение как диахронической (текст Библии в процитированном контексте), так и синхронической интертекстуальности (современная социально-политическая ситуация в Великобритании).

Таким образом, интерпретация национально-культурного компонента значения образных антропоцентрических номинаций должна

основываться на соответствующих источниках информации, то есть на владении прецедентными относительно культурно релевантной информации текстами [4]. Указанные источники отражают духовную и материальную культуру соответствующего лингвосоциума как на современном этапе развития, так и в историческом плане.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. “Вертикальный контекст” как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. 1977. №3. С. 47–55.
2. Верещагин, Е. М., Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М. : Рус. яз., 1983. 369 с.
3. Воробьев, В. В. Лингвокультурология: монография. М. : РУДН, 2008. 336 с.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
5. Кузьмичева, Л. В. Произведение – текст – интертекст (некоторые вопросы понятийного аппарата) // Сб. научных трудов аспирантов Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. Вып. II. Ч. 3. Н. Новгород, 1988. С. 39–42.
6. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь. 4-е изд. М. : Русский язык, 1984. 944 с.
7. Райхштейн, А. Д. Национально-культурный аспект интеркоммуникации // Иностранные языки в школе. 1986. № 5. С. 10–14.

Spisok literatury

1. Ahmanova, O. S. “Vertikal'nyj kontekst” kak filologicheskaja problema / O. S. Ahmanova, I. V. Gjubbenet // Voprosy jazykoznanija. 1977. №3. S. 47–55.
2. Vereshhagin, E. M., Jazyk i kul'tura / E. M. Vereshhagin, V. G. Kostomarov. M. : Rus. jaz., 1983. 369 s.
3. Vorob'ev, V. V. Lingvokul'turologija: monografija. M. : RUDN, 2008. 336 s.
4. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost'. M. : Nauka, 1987. 264 s.
5. Kuz'micheva, L. V. Proizvedenie – tekst – intertekst (nekotorye voprosy ponjatijnogo apparata) // Sb. nauchnyh trudov aspirantov Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobroljubova. Vyp. II. Ch. 3. N. Novgorod, 1988. S. 39–42.
6. Kunin, A. V. Anglo-russkij frazeologicheskij slovar'. 4-e izd. M. : Russkij jazyk, 1984. 944 s.
7. Rajhshtejn, A. D. Nacional'no-kul'turnyj aspekt interkommunikacii // Inostrannye jazyki v shkole. 1986. № 5. S. 10–14.

8. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
9. Barnes, J. The Stowaway // Contemporary British Stories. Perspective Publications Ltd., 1994. P. 19–48.
10. Gardam, J. Groundlings // Contemporary British Stories. Perspective Publications Ltd., 1994. P. 84–98.
11. Longman Dictionary of Contemporary English в 2-х т. М. : Русский язык, 1992. 1229 с.
8. Telija, V. N. Russkaja frazeologija. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokul'turolo-gičeskie aspekty. M. : Jazyki russoj kul'tury, 1996. 288 s.
9. Barnes, J. The Stowaway // Contemporary British Stories. Perspective Publications Ltd., 1994. P. 19–48.
10. Gardam, J. Groundlings // Contemporary British Stories. Perspective Publications Ltd., 1994. P. 84–98.
11. Longman Dictionary of Contemporary English v 2-h t. M. : Russkij jazyk, 1992. 1229 s.

УДК

**ПЕРЕГОВОРЫ И ДРУГИЕ ФОРМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРАКЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

А. Л. Стрёмовская

В статье рассматриваются отличительные характеристики переговорного процесса. Проводится сравнительный анализ понятия «переговоры» с такими терминами как «социальная интеракция», «диалог», «форум по общественно значимой проблеме», «коммуникация» и «социальная коммуникация». Показано, что в отличие от диалога переговоры представляют собой более структуризованный и формализованный процесс. И переговорный процесс, и диалог в социальной сфере оказываются составляющими коммуникации и являются формами коммуникативных отношений.

Ключевые слова: социальная интеракция, переговоры, диалог, форум по общественно значимой проблеме, коммуникация, социальная коммуникация, коммуникативное действие

В настоящее время наблюдается возрастание интереса к проблематике переговорного процесса во всех сферах жизнедеятельности (управление, дипломатия, торговля, быденная сфера жизни, другие социальные сферы). В литературе и на практике можно встретить различные подходы к характеристике понятия «переговорный процесс». Во многих работах проводится идея о повседневном характере участия в переговорах любого человека, отмечается большая распространённость переговорного процесса (Фишер, Юри [11], Мастенбрук [13], Стросс [17] и др.).

Среди характеристик понятия «переговорный процесс», думаю, можно выделить те его характеристики, которые представлены, например, в работе М. М. Лебедевой «Политическое урегулирование конфликтов». Хотя Лебедева рассматривает переговоры применительно к политической жизни общества, представляется, что выделенные этим автором особенности переговорного процесса можно встретить в различных социальных сферах. Итак, с точки зрения Лебедевой, отличительные черты понятия «переговорный процесс» «от других видов взаимодействия» [4. С. 184], вне зависимости от

того, проходят ли они в условиях конфликтной ситуации или в условиях партнёрских отношений, выглядят следующим образом:

- частичное совпадение и одновременно частичное расхождение между интересами сторон;
- взаимозависимость участников переговоров;
- неоднородность переговорного процесса, он включает несколько этапов, каждый из которых отличается по своим задачам и особенностям;
- общение сторон;
- существование проблемы, подлежащей совместному решению [4. С. 187];
- только те переговоры, которые ориентированы «на совместное решение проблемы», действительно считаются переговорами [4. С. 187].

Вместе с тем, важно подчеркнуть, что на практике далеко не всегда целью переговоров является совместное решение проблемы.

На протяжении всей нашей жизни мы ведём переговоры, обмениваемся обязательствами и обещаниями [3] и, в зависимости от области приложения можно наблюдать или участвовать в различных типах переговоров [9. С. 180].

Для более глубокого анализа особенностей понятия «переговорный процесс» представляется целесообразным соотнести данное понятие с такими терминами как «социальная интеракция», «диалог», «взвешенный диалог» («sustained dialogue»), «полилог», «форум по общественно значимой проблеме», «коммуникация», «социальная коммуникация», «коммуникативные отношения».

«Социальная интеракция». Г. Блумер понимает социальную интеракцию как взаимодействие между людьми, как «процесс, который формирует человеческое поведение» [15]. Дж. Г. Мид выделяет две формы или два «уровня социальной интеракции»: «общение жестами» и «использование значимых символов» [15. Р. 8]. В свою очередь, Г. Блумер называет эти две формы несимволической и символической интеракциями [15]. Как далее замечает Г. Блумер, несимволическая интеракция происходит в ситуации, когда один человек отвечает напрямую действию другого, не интерпретируя при этом это действие, в то время как символическая интеракция включает интерпретацию действия [15. Р. 8].

Дж. Хоманс в своём эссе «Социальное поведение как обмен» трактует социальную интеракцию как обмен «товаров», причём под

товарами понимаются не только какие-то материальные блага, но и социальные блага, которые люди предоставляют друг другу [17. Р. 73]. Хоманс анализирует процесс интеракции с точки зрения того, что человек приобретает и что теряет. Согласно Хомансу, каждый человек склонен менять своё поведение, когда существует небольшая выгода, и при этом придерживаться поведения, которое представляется ему выгодным [17. Р. 73].

Итак, как же взаимосвязаны между собой переговорный процесс и интеракция? Очевидно, что переговорный процесс является формой интеракции, причём той интеракции, в которой совмещены как символическая, так и несимволическая её формы.

«Диалог». Существуют разные подходы к характеристике термина «диалог». Диалог можно понимать как «разговор, спор, обмен мыслями между двумя или несколькими индивидами» [9. С. 4]. Диалог может быть представлен в форме «общения человека с человеком, общения с “текстом” и через него со всем миром – миром бытия (М. М. Бахтин), когда само бытие диалогично (общий диалог)» [9. С. 4]. Диалог может быть и в форме «общения ... с самим собой, со своей мыслью в мыслях, как логика мышления – диалогика (В. С. Библер)» [9. С. 4]. М. М. Бахтин сравнивал всю нашу жизнь с участием в диалоге. Он писал: «Жить – значит участвовать в диалоге: вопрошать, внимать, ответствовать, соглашаться и т.д.» [9].

Думается, что близким к сравнению Бахтина нашей жизни с участием в диалоге оказывается видение А. Стросса переговоров как формы фундаментального процесса формирования и изменения общества [17. Р. 68]. Такое сходство черт диалога и переговоров, по-видимому, ещё раз подчеркивает близость этих понятий. И диалог, и переговоры являются формами социального взаимодействия, а взаимодействия служат основой любого общества.

В 1901 году Т. Гард выделял следующие типы диалога:

- диалог, в котором, с одной стороны, выступают подчинённые, а с другой – начальник и, наоборот, диалог равных;
- диалог как борьба и «диалог как обмен»;
- диалог регламентированный (например, церемониальный) и, наоборот, нерегламентированный диалог [2. С. 16].

Думается, что точно такую же типологию можно провести и относительно переговорного процесса. Каждый день множество людей участвует в переговорах между руководителем и подчинённым, очень часто в переговорах можно наблюдать конфронтацию, борьбу

бу. При этом в процессе любых переговоров можно наблюдать обмен информацией, довольно часто проходит обмен обязательствами и обещаниями. Переговоры могут носить регламентированный характер (например, конференциальная форма переговоров) или быть нерегламентированными и носить неформальный характер.

Значение понятия «диалог» оказывается близким к термину «полилог». Как известно, в диалоге всегда участвуют 2 субъекта, в то время как полилог предполагает участие более двух человек. Представляется также, что некоторые формы полилога и диалога в конечном счёте оказываются хорошо структурированным переговорным процессом.

Традиционные характеристики переговорного процесса обычно предполагают, что переговорный процесс – это достаточно формализованный процесс. Однако в реальной практике ежедневных переговоров Г. Сандерс вводит понятие **«sustained dialogue»**, которое буквально можно перевести как **«взвешенный диалог»**. Смысловой же перевод этого термина показывает, что, в отличие от переговоров, **«sustained dialogue»** фактически оказывается менее формализованным процессом, который рассчитан на широкую коммуникацию внутри общества как такового, а это, в свою очередь, является элементом гражданского общества. **«Sustained dialogue»** – более «размытое» понятие, внутрь которого как бы погружается переговорный процесс. Ввиду сложности адекватного перевода понятия **«sustained dialogue»** представляется целесообразным использовать в работе английский вариант данного термина [16].

Некоторые элементы переговорного процесса находят своё отражение не только в **«sustained dialogue»**, но и в интерактивной методике «Форум по общественно значимой проблеме», разрабатываемой Фондом Кеттеринга (Kettering Foundation) в США. В центре данной методики лежит идея политики как общественного диалога. Каждый форум, в общих чертах напоминающий технологию «деловых игр», сопровождается специально разработанным пособием для дискуссии, которое называется **«issue-book»** (буквальный перевод «книга по проблеме») и структура которого формирует и структуру самого форума. В ходе форума участники совместным «мозговым штурмом» прорабатывают многорольевые реакции общества (или местного сообщества) на ту или иную проблему и три – четыре альтернативных подхода к её решению. Таким образом, в структуре форума можно выделить определение и обсуждение проблемы, а также

обсуждение трёх – четырёх подходов к решению этой проблемы, и «взвешивание» «за» и «против» каждого из этих подходов. Идея форума заключается в обсуждении волнующих людей проблем [14].

Сравнительный анализ переговорного процесса с форумами по общественно значимой проблеме показывает, что к их общим чертам можно, в частности, отнести ориентир на решение возникающих проблем. Другое дело, что на форумах обсуждаются только общественно значимые проблемы. И на переговорах, и на форумах большую роль играет умение вести открытую коммуникацию. Что же такое коммуникация?

Под термином «**коммуникация**» можно понимать общение, передачу информации от человека к человеку [7. С. 131]. Типологию коммуникации можно провести по различным основаниям. Так, например, выделяют межличностную, внутригрупповую и массовую коммуникацию; коммуникацию устную и письменную; аудитивную, визуальную и аудитивно-визуальную (в зависимости от канала передачи и восприятия информации) и т. д. [5].

Отдельного внимания, на мой взгляд, заслуживает теория коммуникативного действия выдающегося немецкого учёного Ю. Хабермаса. «Коммуникативными» Хабермас называет «такие интеракции, в которых их участники согласуют и координируют планы своих действий; при этом достигнутое в том или ином случае согласие измеряется интересубъективным притязанием на значимость» [12. С. 91]. Определение коммуникативного действия Ю. Хабермаса показывает, что любые типы и формы переговоров можно рассматривать как коммуникативные интеракции. Ведь, как представляется, в любых переговорах можно наблюдать процесс согласования и координирование планов действий участников переговоров. При этом любое соглашение каждый участник переговоров рассматривает и анализирует с точки зрения значимости для себя и/или группы, которую он представляет.

Коммуникация может принимать разные формы. Одной из таких форм является «социальная коммуникация». За **социальной коммуникацией** скрывается общение и обмен информацией в обществе. В социологической мысли можно встретить разнообразные варианты моделей социальной коммуникации, такие как:

- «линейная модель коммуникации» (автор – Г. Лассуэл). В данной модели «акцент делается на активность коммуникатора, а реципиент оказывается только объектом коммуникационного воздействия» [1. С. 98–99].

- интеракционистская модель коммуникации (автор – Т. Ньюкомб). Данная теория исходит из равноправия как отправителя, так и получателя сообщения, наличия у них взаимных ожиданий и установок, а также общего интереса «к предмету общения» [1. С. 99].

- общая теория коммуникаций канадского социолога Г. Маклуэна. В отличие от моделей Г. Лассуэла и Т. Ньюкомба, в которых акцент делался на социальном и социально-психологическом характере, для автора модели общей теории коммуникации именно уровень используемых технических средств определяет степень развития «коммуникативного процесса» [1. С. 100–101].

- аутопотетическая «модель» коммуникации Н. Лумана. Аутопотетической Н. Луман называл систему, отличающуюся «оперативной закрытостью и» состоящую «из множества коммуникативных элементов, каковыми являются потоки информации, причём каждое коммуникативное событие закрывает и открывает систему» [1. С. 101].

Итак, в чём же связь и различие между представленными коммуникативными моделями и переговорным процессом?

В отличие от модели Лассуэла переговоры являются формой интерактивного взаимодействия, где общение не носит линейный характер и участники переговоров, как правило, не бывают пассивными получателями сообщения. Таким образом, переговорный процесс оказывается близким, фактически вписывается в интеракционистскую модель коммуникации, предложенную Т. Ньюкомбом. Как уже было отмечено, в интеракционистской модели коммуникации приоритет отдаётся достижению согласия между партнёрами по коммуникации. Возникает вопрос: посредством чего партнёры по коммуникации достигают согласия? Очевидно, что таким механизмом оказывается переговорный процесс.

Обратимся теперь к сравнению общей теории коммуникации Г. Маклуэна и переговорного процесса. В переговорах технические средства влияют на характер и форму их ведения (например, телефонные переговоры, переговоры по электронной почте). Вместе с тем, используемые технические средства и уровень их использования не являются определяющими в переговорах и не должны рассматриваться как главные детерминанты развития переговорного процесса. Значительно более важными детерминантами в переговорах оказываются умение вести переговоры, уровень переговорной культуры участников и другие факторы.

Как было уже отмечено, в аутопотетической модели Н. Лумана коммуникация позволяет понять социальную систему (общество). Точно так же можно сказать, что переговорный процесс как форма коммуникации способствует самопознанию самих переговорщиков, пониманию социальных действий, событий, явлений, другими словами, различных элементов социальной системы и, в целом, всего общества.

Думается, что представленные Бабосовым модели коммуникации можно расширить и выделить переговорный процесс в качестве важнейшей модели коммуникации.

Вместе с тем, переговорный процесс является не только одной из форм коммуникации, но и представляет собой форму **коммуникативных отношений**. Что же следует понимать под коммуникативными отношениями? Г. В. Сорина трактует коммуникативные отношения как «отношения, складывающиеся между субъектами по поводу передачи ими друг другу соответствующих текстов» [8. С. 219] и подразделяет данную форму отношений на два вида: критические и некритические [8]. В свою очередь, особенность критических отношений заключается в формировании отношений между субъектами «на базе самостоятельного анализа и оценки представленных текстов» [8. С. 223]. В отличие от критических, некритические отношения между субъектами «исключают самостоятельный анализ и самостоятельную оценку соответствующих текстов» [8. С. 223].

Какую же форму коммуникативных отношений представляют переговоры? Любой переговорный процесс предполагает определённый анализ и интерпретацию получаемой информации. Таким образом, можно утверждать, что переговоры представляют именно критическую форму коммуникативных отношений.

Итак, сравнительный анализ понятия «переговоры» с другими формами социальной интеракции, в частности, показывает, что переговорный процесс представляет собой интеракцию, при этом, в отличие от диалога, или вернее сказать, полилога, переговорный процесс более структурированный и формализованный процесс, в то время как полилог чаще всего не нормирован. И переговорный процесс, и диалог, так же как и полилог в социальной сфере оказываются составляющими коммуникации и являются формами коммуникативных отношений.

Список литературы

1. Бабосов, Е. М. Социология управления: учеб. пособие для студентов вузов. 2-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2001.
2. Демьянков, В. З. Тайна диалога // Диалог: теоретические проблемы и методы исследования (сборник научно-аналитических обзоров). М., 1991.
3. Корнелиус, Х. Выиграть может каждый. Как разрешать конфликты / Х. Корнелиус, Ш. Фэйр. М., 1992.
4. Лебедева, М. М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1997.
5. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации. М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2001.
6. Резник, Ю. М. Введение в социальную теорию. Ч. 1, 2. М., 1999.
7. Современная западная социология. Словарь. М., 1990.
8. Сорина, Г. В. Критическое мышление в системе коммуникативных отношений // Личность. Познание. Культура. М. : МПГУ, 2002.
9. Социокультурное пространство диалога. М. : Наука, 1999.
10. Стрёмовская, А. Л. Структурные особенности переговорного процесса // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сб. науч. тр. кафедры философии МПГУ. Вып. XI. М. : Прометей, 2001.

Spisok literatury

1. Babosov, E. M. Sociologija upravljenja: uceb. posobie dlja studentov vuzov. 2-e izd. Minsk : TetraSistems, 2001.
2. Dem'jankov, V. Z. Tajna dialoga // Dialog: teoreticheskie problemy i metody issledovanija (sbornik nauchno-analiticheskikh obzorov). M., 1991.
3. Kornelius, H. Vyigrat' mozhet kazhdyj. Kak razreshat' konflikty / H. Kornelius, Sh. Fejr. M., 1992.
4. Lebedeva, M. M. Politicheskoe uregulirovanie konfliktov. M., 1997.
5. Pohepcov, G. G. Teorija kommunikacii. M. : Refl-buk ; Kiev : Vakler, 2001.
6. Reznik, Ju. M. Vvedenie v social'nuju teoriju. Ch. 1, 2. M., 1999.
7. Sovremennaja zapadnaja sociologija. Slovar'. M., 1990.
8. Sorina, G. V. Kriticheskoe myshlenie v sisteme kommunikativnyh otnoshenij // Lichnost'. Poznanie. Kul'tura. M. : MPGU, 2002.
9. Sociokul'turnoe prostranstvo dialoga. M. : Nauka, 1999.
10. Stremovskaja, A. L. Strukturnye osobennosti peregovornogo processa // Aktual'nye problemy sociogumanitarnogo znaniya: sb. nauch. tr. kafedry filosofii MPGU. Vyp. XI. M. : Prometej, 2001.

11. Фишер, Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения / Р. Фишер, У. Юри. М. : Наука. 1992.
12. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб. : Наука, 2000.
13. Mastenbroek, W. Negotiate. Great Britain, 1989.
14. Mathews, D. Politics for People. University of Illinois Press. Urbana and Chicago., 1994.
15. Blumer, H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, CA, 1986.
16. Harold, H. Saunders A Public Peace Process: Sustained Dialogue to Transform Racial and Ethnic Conflicts. N. Y. & Houndmills: Palgrave Macmillan, 2001.
17. James, A. Schellenberg Conflict Resolution. Theory, Research, and Practice. State University of New York Press, Albany. 1996.
11. Fisher, R., Juri U. Put' k soglasiju ili peregovory bez porazhenija / R. Fisher, U. Juri. M. : Nauka. 1992.
12. Habermas, Ju. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb. : Nauka, 2000.
13. Mastenbroek, W. Negotiate. Great Britain, 1989.
14. Mathews, D. Politics for People. University of Illinois Press. Urbana and Chicago., 1994.
15. Blumer, H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method, University of California Press, Berkeley & Los Angeles, CA, 1986.
16. Harold, H. Saunders A Public Peace Process: Sustained Dialogue to Transform Racial and Ethnic Conflicts. N. Y. & Houndmills: Palgrave Macmillan, 2001.
17. James, A. Schellenberg Conflict Resolution. Theory, Research, and Practice. State University of New York Press, Albany. 1996.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

УДК

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА ПОЛИТИКА

О. А. Малетина

Данная статья посвящена рассмотрению проблем формирования речевого имиджа политика, поскольку правильная и эмоциональная речь политика является залогом успеха на выборах.

Ключевые слова: политик, имидж, речь, эффективность, коммуникативная стратегия, экспрессивность, прагматическое воздействие.

Специалистам отдела пресс-службы необходимо учитывать тот факт, что красноречие украшает личность политика, эффективно служит имиджу, помогает правильно донести информацию до аудитории. Поэтому при подготовке речей следует уделять огромное внимание богатству лексики и разнообразию художественных приемов, так как без этого не удастся создать блестящий речевой имидж.

Анализируя устные выступления и интервью политиков, мы обнаруживаем два пути создания имиджа. С одной стороны, автор может сделать акцент на специфические особенности своей речи (тяжеловесные интонации Б. Ельцина, южнорусский акцент М. Горбачева, импульсивность В. Жириновского), с другой – политик обычно выбирает для себя определенную роль (или роли) и соответствующую ей речевую «маску». Выбор осуществляется на основе прогнозирования аудитории, ее ожиданий и является коммуникативной стратегией [2].

Специалисты пресс-службы должны учитывать следующие критерии, чтобы речевое общение политика проходило легко, его мысли красиво излагались, а сам диалог был бы непринужденным и гармоничным:

➤ правильный язык, соответствующий общепринятым языковым нормам;

- сферы общения (коллеги, конференция, телестудия);
- краткость и понятность изложения мыслей;
- умение слушать оппонента;
- использование эмоциональных средств воздействия.

Для более успешного речевого воздействия должны учитываться условия, в которых происходят речевое общение, отношения между говорящими, реальная возможность осуществления действия, а также характеристики желаемого объекта воздействия (его возраст, социальный статус, эмоциональное состояние, систему его мотивов) [3].

Феномен речевого воздействия связан, в первую очередь, с целевой установкой говорящего субъекта речевого воздействия. Быть субъектом речевого воздействия – значит воздействовать на деятельность своего собеседника (не только физическую, но и интеллектуальную). При помощи речи возможно побудить своего собеседника начать, изменить, закончить какую-либо деятельность, повлиять на принятие им решений или на его представления о мире.

Выделяются следующие типы речевого воздействия:

- 1) социальное;
- 2) волеизъявление;
- 3) разъяснение, информирование;
- 4) оценочное и эмоциональное [5].

Другой подход к типологии речевого воздействия анализирует реакции со стороны адресата:

- 1) изменение отношения к какому-либо объекту, изменение коннотативного значения объекта для субъекта (выражается в призывах, лозунгах, рекламе);
- 2) формирование общего эмоционального настроения (лирика, гипноз, политическое воззвание);
- 3) перестройка категориальной структуры индивидуального сознания, введение в нее новых категорий [4].

На мотивацию речи произносимой политическим деятелем влияют следующие факторы:

- социальное происхождение избирателей;
- социальная принадлежность тех или иных групп избирателей (их социально-экономический статус);
- социальное окружение (влияние неформальных и формальных групп);
- пол, возраст избирателей;
- национальность избирательного корпуса;

- религиозность;
- внутренняя и внешняя политическая обстановка страны;
- географические условия [1].

Итак, в зависимости от степени важности намерений речевые стратегии могут характеризовать конкретный разговор с конкретными целями (обратиться с просьбой, утешить, подбодрить) и могут быть более общими, направленными на достижение более общих социальных целей (установление и поддержание статуса, проявление власти, подтверждение солидарности с группой).

Наиболее значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом основных стратегий). В связи с этим можно выделить различные типы стратегий: стратегию самопрезентации, статусные и ролевые стратегии, эмоционально настраивающие стратегии и другие. Коммуникативная ситуация диктует и выбор речевого акта, оптимального в данном случае. Рассмотренные типы могут быть объединены в один класс – прагматических стратегий.

Обобщая различные методы и критерии оценки эффективности речевого имиджа политика, мы предлагаем единую схему оценки речевого имиджа:

Содержательность и доказательность	Наличие фактов
Эмоциональность речи	Экспрессивная лексика
Уместность высказывания	Соответствие формы и содержания высказывания уровню собеседника.
Богатство речи	Выражение одной и той же мысли разными способами.
Точность речи	Строгое соответствие слов тем предметам и явлениям действительности, которые они обозначают

Список литературы

1. Иванов, Р. Р. Имиджелогия. М. : Ризограф, 2002.
2. Котов, Р. Г. Оптимизация речевого воздействия. М. : Наука, 1995.

Spisok literatury

1. Ivanov, R. R. Imidzhelogija. M. : Rizograf, 2002.
2. Kotov, R. G. Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M. : Nauka, 1995.

3. Михальская, А. К. О речевом поведении политиков // НГ-сценарии. 1999. №6.
4. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. Киев : Ваклер, 1987.
5. Федорова, Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопр. языкознания. 1991. № 6.
3. Mihal'skaja, A. K. O rechevom povedenii politikov // NG-scenarii. 1999. №6.
4. Počepcov, G. G. Kommunikativnye aspekty semantiki. Kiev : Vakler, 1987.
5. Fedorova, L. L. Tipologija rechevogo vozdejstvija i ego mesto v strukture obshhenija // Vopr. jazykoznanija. 1991. № 6.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

УДК

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОРРЕЛЯЦИИ ЕДИНИЦ ПОЛЯ ВОЗДУХ / POWIETRZE В РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

А. В. Борисова

*В статье рассматривается содержание лексико-семантического поля **воздух** в русском и польском языках. Произведен семантический анализ значений слова **воздух** в русском и польском языках. Установлено, что они обладают большой степенью эквивалентности, однако имеют место и определённые различия, связанные с этнокультурными особенностями русского и польского языков. Составляющие данное поле лексемы также обнаруживают сходства и различия как в семантике, так и в способах её репрезентации.*

Ключевые слова: язык, лексико-семантическая группа, лексема, семантическая близость, репрезентация, актуализация.

Язык как система и структура имеет свои особенности. Так, элементы языка существуют не изолированно, а в тесной связи и противопоставленности друг другу, то есть системе, которая строится на основе определённой структуры. Взаимосвязь элементов языка заключается в том, что изменение или выпадение одного элемента отражается на других элементах языка. Поэтому необходимо отметить, что подсистемы языка – фонетическая, морфологическая и лексическая – также функционируют в тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Лексическая система языка является наиболее подвижной из всех перечисленных подсистем, поскольку она в наибольшей степени отражает национально-культурные особенности конкретных носителей языка. Поэтому именно в ней находят отражение наиболее актуальные языковые процессы. В связи с этим лексическая система представляет особый интерес для лингвокультурологического и сопоставительного исследования языка.

Данная статья посвящена лингвистическому анализу семантического поля *воздуха* / *powietrze*, а именно – лексем, репрезентирующих данную первостихию, поскольку именно в лексической системе языка отражены этнокультурные особенности соответствующих народов.

Лексемы, репрезентирующие воздух, распределены по следующим лексико-семантическим группам.

I. «Состояние воздушной среды». Во-первых, значение данной группы репрезентируют такие лексемы, как *атмосфера*, *atmosfera*, которые являются абсолютными синонимами лексем *воздух* и *powietrze* и обозначают воздушную среду в целом: «газообразная оболочка, окружающая Землю, некоторые другие планеты, Солнце и звёзды». Во-вторых, эту группу составляют лексемы *жара*, *зной*, *пекло*, *upał*, *spiekota*, *skwar*, которые обозначают повышенную температуру воздуха. Так, *жара*, *upał* – «высокая температура воздуха, нагретого солнцем или печью» и «горячий, сильно нагретый солнцем воздух; зной»; *зной*, *spiekota* – «сильный жар в воздухе, нагретом солнцем»; *пекло* – разг. «сильный зной, жар». Таким образом, как мы видим из представления значений данных лексем в словарях, они в большинстве своём соотносятся с рассматриваемой лексемой.

В-третьих, в данную ЛСГ входят лексемы *холод*, *прохлада*, *стужа*, *мороз*, *свежесть*; *заморозки*, *утренник*, *chlód*, *zimno*, *mróz*, *świeżość*, которые акцентируют внимание на низкой температуре воздуха. Так, лексемы *холод*, *chlód*, *zimno* толкуются следующим образом: «холодное состояние воздуха, его температура ниже нуля, *прохлада* («умеренный холод, свежесть воздуха») (в польск. яз. данной лексеме соответствует лексема *chlód*)), *стужа* – «сильный холод, мороз» (в польском языке данной лексеме соответствуют лексемы *mróz*, *zimno*), *мороз*, *mróz* – «сильный холод, стужа», *свежесть*, *świeżość* – «прохлада, умеренный холод», *заморозки*, *przymrozek* – «лёгкий утренний мороз осенью или весной», *утренник* – «утренний мороз до восхода солнца, бывающий весной и осенью» (в польск. яз. данной лексеме соответствует словосочетание *poranny przymrozek*).

В-четвертых, сюда включены лексемы *пар*, *испарение*, *сырость*, *сырь*, *влажность*, *туман*, *мгла*, *дыхание*, *para*, *opar*, *parowanie*, *mgła*, *wilgotność*, *nawilgacanie*. Так, лексемы *пар*, *para* толкуются следующим образом: «газообразное состояние, в которое перешло жидкое или твёрдое вещество при испарении». О соотносённости лексемы *испарение* с анализируемой лексемой свидетельствует её семанти-

ческая близость со словом *par* (испарение – процесс и результат парообразования). В польском языке *parowanie* означает результат действия по глаголу *parować* в значении «zamieniać się w parę, przechodzić ze stanu ciekłego lub stałego w stan lotny, gazowy, ulatniać się w postaci pary (o cieczach)» («о жидкостях: превратиться в пар, переходить из жидкого или твёрдого состояния в газообразное, улечиваться в виде пара») и «wydzielać wodę w postaci pary, wydzielać parę (o powierzchni nasyczonej wodą lub jakąś cieczą, o roślinach itp.)» (о поверхности, насыщенной водой или какой-л. жидкостью, о растениях и т.д.: «выделять воду в виде пара, выделять пар»). Лексема *сырость*, употребляющаяся как синоним слова *влажность*, толкуется через слово *влага*: «влажность, большое содержание влаги в чём-н. (в воздухе, в помещении)» (ср. в польском языке *wilgotność* – «stan nasycenia czegoś wodą, parą wodną lub inną cieczą, ilość wody zawartej w czymś; bycie wilgotnym» («состояние насыщения чего-л. водой, парами воды (или иной жидкости), количество воды, содержащейся в чем-л.; состояние влажности»). Слово *сырь* представляет собой синоним слова *сырость*, однако употребляется оно с пометой «просторечие». Лексема *сырь* эквивалентна польскому *wilgoć* (в значении «сырость»). Лексема *влажность* также толкуется через слово *влага* и обозначает свойство содержания воды в чём-л. Следует отметить, что в польском языке лексемы *влажность* и *сырость* соответствует одно слово – *wilgotność*. Лексема *туман* толкуется в словарях через лексему *атмосфера*: «атмосферное явление: скопление мелких водяных капелек или ледяных кристаллов в приземных слоях атмосферы, делающее воздух непрозрачным»). В польском языке лексема *туман* эквивалентна лексема *mgła*, о которой речь пойдет ниже. Лексема *mgła* в некоторых значениях отождествляется с лексемами *туман* или *снег, дождь*, ср. её значения («непрозрачный воздух, насыщенный водяными парами; туман») и («дождь, снег, иней, скрывающие очертания»). Лексема польского языка *mgła* соотносится с лексемами *туман* и *mgła* (она толкуется следующим образом: «zawiesina mikroskopijnych kropelek pary wodnej unosząca się nisko nad ziemią w postaci lekkiego obłoku, powstała w wyniku skroplenia oziębionej pary wodnej zawartej w atmosferze ziemskiej» («завеса мельчайших капелек водного пара, поднимающаяся низко над землей в виде лёгкого облака, образовавшаяся в результате скопления охлаждённого водного пара, содержащегося в данной атмосфере»). В эту лексико-семантическую группы включается также лексема *дыхание*

в случае её употребления в значении «испарения, жар, пар, исходящие откуда-л.».

Как видим, идентифицирующей семей для этой лексико-семантической группы является сема «воздушная среда, её состояние» (*atmosfera, atmosfera*), дифференцирующими – следующие семы: «повышенная температура» (*жара, зной, пекло, upał, spiekota, skwar*), «пониженная температура» (*холод, прохлада, стужа, мороз, свежесть; заморозки, утренник, chłód, zimno, mróz, świeżość*), «превращение в газообразное состояние из жидкого» (*пар, испарение, дыхание, para, opar, parowanie*), «содержание в воздухе жидкости» (*сырость, сырь, влажность, туман, мгла, mgła, wilgotność, nawilgacanie*).

II. «Движение воздушных масс». К данной группе относятся лексемы *дуновение, бриз, буря, буран, вихрь, вьюга, метель, пурга, пассат, смерч, тайфун, ураган, циклон, шторм, суховей, голубой огонь, муссон, podmich, bryza, dech, monsun, pasat, burza, zamieć, zawieja, śnieżycy, purga, szkwał, wicher, cyklon, sztorm, trąba, tajfun, huragan, tornado, oddychanie, wdech, wydech*. В наиболее общем значении лексем данной группы репрезентирует лексема *ветер*, которая определяется следующим образом: «движение, поток воздуха в горизонтальном направлении» (в польск. *wiatr* – «guch powietrza powstający na skutek nierównomiernego rozkładu ciśnienia atmosferycznego na powierzchni Ziemi») (досл. движение воздуха, возникающее как следствие неравномерного распределения атмосферного давления на поверхности Земли)).

Лексемы *дуновение, бриз, podmich, bryza* характеризуют незначительное движение ветра. Так, *дуновение* толкуется как «лёгкое движение воздуха» (в польск. – «powiew powietrza, często gwałtowny») (досл. «порыв воздуха, часто сильный»), *бриз* – «слабый береговой ветер, дующий днём с моря на сушу, а ночью с суши на море» (в польск. «wiatr wiejący nad morzem») (досл. «ветер, дующий над морем»)).

Семантически близкой к данным лексемам является лексема *дыхание*, которое обозначается через лексему *дуновение*: «порыв, сильное дуновение». В польском языке данной лексеме соответствует лексема *dech* в значении «powiew, podmich» (досл. «порыв, дуновение»).

Ветер умеренной силы актуализируют лексемы *муссон, пассат, monsun, pasat*. Так, *муссон* – «устойчивый сезонный ветер, дующий зимой с суши на море, а летом с моря на сушу» (в польск. *monsun* –

«wiatr o zmieniającym się okresowo kierunku, wiejący latem od oceanu, w zimie od łądu» (досл. «ветер, периодически изменяющий направление, дующий летом с океана, зимой – с суши»), *pasat*, *passat* – «устойчивый ветер в тропических широтах океанов» (в польск. – «stały wiatr o umiarkowanej sile, wiejący regularnie przez cały rok w strefie międzyzwrotnikowej»).

Лексемы *буря*, *буран*, *вьюга*, *метель*, *пурга*, *шквал*, *вихрь*, *циклон*, *шторм* характеризуют сильный ветер (преимущественно – сопровождающийся осадками). Так, *буря* – «сильный, разрушительный ветер, обычно вместе с дождем, градом или снегом» (ср. в польск. *burza* – ««gwałtowne opady deszczu połączone z silnym wiatrem, grzmotami i piorunami» (досл. «сильный дождь, сопровождающийся сильным ветром, громом и молниями»)), *буран* – «снежная буря» (ср.: *zamieć* – «unoszenie tumanów śniegu, piasku lub pyłu z ziemi przez podmuchy silnego wiatru» (досл. «поднимание туманов снега, песка или пыли дуновением сильного ветра»)), *вьюга*, *zawieja* – «сильная метель, снежная буря», *метель* – «сильный, переменного направления ветер со снегом; вьюга» (*śnieżyca* – «duży opad śniegu połączone z silnym wiatrem» (досл. «обильное падение снега, сопровождающееся сильным ветром»)), *пурга* – «сильная вьюга, снежная буря» (*purga* – «gwałtowny wiatr północno-wschodni, z zamiecią śnieżną, występujący na Syberii» (досл. «сильный юго-восточный ветер, с сильным бураном, дующий в Сибири»)), *шквал* – «сильный и резкий порыв ветра, сопровождающийся обычно грозовым ливнем» (*szkwał* – «nagły, silny i krótkotrwały wiatr występujący nad obszarami mórz i oceanów»), *вихрь*, *wicher* – «порывистое, стремительное круговое движение воздуха» и «сильный ветер», *циклон* – «крупномасштабный атмосферный вихрь во внетропических широтах радиусом в несколько сот или тысяч километров, с пониженным давлением в центре и преобладанием облачной погоды и осадков» (*cyklon* – «silny wir powietrzny wokół ośrodka niżowego, któremu towarzyszą gwałtowne wiatry i ulewy» (досл. «сильный круговорот воздуха вокруг низменного центра, сопровождающийся сильным ветром и ливнем»)), *шторм*, *sztorm* – «сильная буря на море».

На разрушительной силе ветра акцентируют внимание такие лексемы, как *смерч*, *тайфун*, *ураган*, *торнадо*, *траба*, *тајфун*, *huragan*, *tornado* Лексема *смерч* толкуется следующим образом: «вихревое движение воздуха в виде воронки или столба, подымающее песок, пыль или воду» (*trąba* – «gwałtowny wir powietrza powstający

w chmurze burzowej, porywający i niszczący wszystko, co spotka na drodze» (досл. «сильный круговорот воздуха, образующийся в грозовой туче, захватывающий и уничтожающий все, что встречается на пути»)), *тайфун* – «вихреобразный ураган огромной разрушительной силы (характерный для Юго-Восточной Азии и западной части Тихого океана) (ср. в польск. *tajfun* – «cyklon tropikalny» (досл. «тропический циклон»)), *ураган* – «ветер большой разрушительной силы» (в польск. *huragan* – ««niezwykle gwałtowny, porywisty wiatr» (досл. необыкновенно сильный, порывистый ветер»)), *торнадо* – «сильный ураган (в Вест-Индии и в западной части тропической Африки)» (*tornado* – «trąba powietrzna występująca nad Zatoką Meksykańską i na Kubie, głównie wiosną i latem» (досл. «смерч, образующийся в районе Мексиканского пролива и на Кубе, преимущественно весной и летом»)). Семантически близкой к данному ряду лексем по такому критерию, как негативные последствия от ветра, является лексема *сухой* (*suchowiej*), которая определяется как «сухой горячий ветер, приносящий продолжительную засуху».

Кроме того, в эту группу можно включить лексемы *дыхание*, *вдох*, *выдох*, *оддыхание*, *wdech*, *wydech*, которые характеризуют движение менее значительного объема воздуха. Так, лексема *дыхание* обозначает действие по глаголу *дышать* в значении «делать вдохи и выдохи, вбирать и испускать воздух легкими» (ср. в польск. *oddychanie* – «oddech», в свою очередь *oddech* – «pobieranie tlenu przez odruchowe, rytmiczne wciąganie powietrza do płuc i wydalanie dwutlenku węgla na zewnątrz» (досл. «рефлекторное получение кислорода, ритмичное втягивание воздуха в лёгкие и выдох двуокиси углерода наружу»)). Лексемы *вдох* и *wdech* характеризуют движение воздуха по направлению в лёгкие человека и толкуются так: «начальная фаза дыхания, в процессе которой воздух поступает в лёгкие» (в польск. «wciągnięcie powietrza do płuc» (досл. «втягивание воздуха в лёгкие»)). Лексемы *выдох* и *wydech* определяют движение воздуха по направлению из лёгких наружу: «каждое отдельное выталкивание воздуха из легких при дыхании».

Таким образом, в качестве идентифицирующей семы для лексем данной ЛСГ выступает сема «движение воздушных масс», в качестве дифференцирующих – «незначительное движение» (*дуновение*, *бриз*, *podmuch*, *бруза*, *дыхание*, *dech*), «умеренный сезонный ветер» (*муссон*, *пассат*, *monsun*, *pasat*), «сильный ветер, преимущественно сопровождающийся осадками» (*буря*, *буран*, *вьюга*, *метель*, *шквал*,

вихрь, циклон, шторм, burza, śnieżycza, zamieć, zawieja, szkwał, wicher, cyklon, sztorm), «очень сильный ветер, имеющий разрушительные последствия» (*смерч, тайфун, ураган, торнадо, trąba, tajfun, huragan, tornado*), «движение незначительных воздушных масс по направлению в лёгкие/из лёгких человека» (*дыхание, вдох, выдох, oddychanie, wdech, wydech*).

III. «Окружающие условия, обстановка». Значение данной лексико-семантической группы репрезентируют лексемы *атмосфера, обстановка, климат, круг, фон*. Данные лексемы актуализируют соответствующее переносное значение лексемы *воздух* (перен. «окружающие условия, обстановка»). В польском языке эквиваленты указанных лексем не выступает в качестве репрезентанта исходной лексемы, поскольку в данном языке отсутствует трактовка воздуха как окружающих условий, обстановки.

IV. «Свойство воздуха, воспринимаемое обонянием». Значение данной ЛСГ в наиболее общем виде актуализирует лексемы *запах, zapach, дыхание, wonność*, которые толкуются следующим образом: «свойство предмета, вещества, воздуха, действующее на чувство обоняния, воспринимаемое обонянием» (в польск. «odczuwana powonieniem właściwość jakiejś substancji» (досл. «ощущаемое обонянием свойство какой-либо субстанции»)). Таким образом, как мы видим, лексема *запах* толкуется через исходную лексему, что нельзя сказать в отношении эквивалентной лексемы польского языка. Кроме того, общее значение данной группы имеет лексема *дыхание* в значении «запах, аромат» и лексема *woń*, имеющая значение «zapach». Через данную лексему определяются лексемы, характеризующие приятный запах: *аромат* – «душистый, приятный запах» (в польск. *aromat* – «przyjemny zapach» (досл. «приятный запах»)), *благовоние, благоухание* – «приятный запах, аромат» (в польск. яз. *wonność* – «substancje silnie i przyjemnie pachnące» (досл. предметы, сильно и приятно пахнувшие)), *амбре* – *устар.* «благовоние, приятный запах», *дух* в значении разг.-сниж. «аромат».

Кроме того, лексема *запах* является смыслообразующей для ряда лексем, имеющих противоположное значение: *смрад, smród* – «вонь, дурной, отвратительный запах, вонючий дым», *вонь* – «дурной, неприятный запах, зловоние» (польск. *fetor* – «odrażająca woń» (досл. «отвратительный запах»)), *зловоние, odór* – «отвратительный, трудно переносимый запах; смрад», *амбре* – *разг., ирон.* «дурной запах, зловоние».

Итак, для лексем данной группы идентифицирующей является сема «свойство воздуха, воспринимаемое обонянием» (*zapach, дышание, zapach, wonność*), «приятный запах» (аромат, *благовоние, амбре, aromat, wonność*), «неприятный запах» (смрад, *вонь, зловоние, амбре, smród, fetor, odór*).

V. «Среда, через которую распространяются болезни». Данную ЛСГ составляют лексемы *эпидемия, поветрие, epidemia, эпидемия, epidemia* – «широкое распространение какой-л. инфекционной болезни», *поветрие* – «эпидемическая болезнь, эпидемия».

С нашей точки зрения, целесообразным является рассмотрение специфики функционирования в языке лексем *дух* и *душа*, которые по своим физическим свойствам (нематериальность) близки к воздуху; кроме того, данные лексемы и исходная лексема являются близкими с этимологической точки зрения.

В русском языке лексемы *дух* и *душа* соотносятся с рассматриваемой лексемой в случае употребления их в следующих значениях: лексемы *дух* – «нематериальное и – по религиозным представлениям – сверхъестественное, божественное начало в человеке; душа» (*duch – «w filozofii idealistycznej: podstawowy pierwiastek niematerialny, początek wszechrzeczy, podporządkowujący sobie materię»* (досл. «в идеалистической философии: нематериальная первооснова, начало всего сущего, подчиняющая себе материю))), *душа* – «нематериальная – по идеалистическим представлениям – субстанция, противопоставляемая телу» и «бессмертное – по религиозным представлениям – начало в человеке, составляющее сущность его жизни и связывающее его с Богом» (в польск. *dusza – «w religii i filozofii: niematerialny i nieśmiertelny pierwiastek w człowieku, ożywiający ciało i opuszczający je w chwili mierci»* (досл. «в религии и философии: нематериальное и бессмертное начало в человеке, оживляющее тело и покидающее его в момент смерти»)).

Таким образом, лексемы семантического поля *воздух / powietrze* распределены по пяти группам и актуализируют следующие свойства воздуха: окружение земной оболочки; способность изменять температуру; способность наделяться жидкостью, становиться непрозрачным; способность к движению; восприятие обонянием; среда, через которую распространяются болезни. Следует отметить, что ЛСГ «Окружающие условия, обстановка» представлены лексемы русского языка, поскольку в польском языке нет отождествления воздуха и окружающей действительности, ситуации.

Список литературы

1. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык, 2000.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 2004. 944 с.
3. Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2005. 1216 с.
4. Słownik języka polskiego, red. M. Szymczak. T. 1–3. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1978–1981.

Spisok literatury

1. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M. : Russkij jazyk, 2000.
2. Ozhegov S. I. Tolkovij slovar' russkogo jazyka / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. M., 2004. 944 s.
3. Tolkovij slovar' russkogo jazyka pod red. D. N. Ushakova. M., 2005. 1216 s.
4. Słownik języka polskiego, red. M. Szymczak. T. 1–3. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa 1978–1981.

УДК

АНГЛИЙСКИЙ КАК МИРОВОЙ ЯЗЫК

К. А. Мельниченко

В данной статье рассматривается процесс распространения английского языка как языка международного общения. Распространение английского языка, на протяжении его исторического развития, способствовало расширению многообразия его языковых контактов и, тем самым увеличению количества его вариантов. На основе анализа системы отношений между вариантами английского языка автором определяются факторы, обуславливающие существование мирового английского языка.

Ключевые слова: глобализация, мировой английский язык, международный язык, языковые контакты, языковое планирование, языковая политика.

В настоящее время в условиях глобализации мы являемся свидетелями стремительного прироста количества носителей английского языка, для которых он не является родным. В разных регионах английский язык представлен вариантами и диалектами, в которых присутствуют как американизмы, так и брителицизмы, а также лексические единицы, характерные для других вариантов и диалектов английского языка или используемые в другом значении. Это обстоятельство позволяет говорить о существовании международного варианта английского языка, опирающегося в своём развитии на британский и американский английский (БА и АА). Данные процессы проходят также в непосредственной связи с иноязычным влиянием, оказываемым на английский в условиях языковых контактов и в рамках становления английского языка как международного. При этом английский язык не только распространяется благодаря глобализации, но и является её проводником. Таким образом, в результате неизбежных языковых контактов английского с другими языками, можно наблюдать существование большого количества его вариантов, диалектов и региолектов. Данные варианты, диалекты и региолекты в условиях глобализации являются компонентами мирового английского языка. Понятие мирового английского языка было

предложено Дэвидом Кристалом специально для обозначения совокупности всех существующих вариантов и диалектов английского языка [4. С. 111]. Характерно, что общие для данных вариантов и диалектов единицы обладают значительной вариативностью. Их выравнивание происходит только в рамках наиболее распространённых вариантов: американском и британском вариантах английского языка и мировом английском в целом.

Всю совокупность вариантов и диалектов английского языка можно разделить на те, которые стремятся к норме и те, которые стремятся отличаться от неё. Причины, лежащие в основе данной дифференциации, имеют разную природу. В первом случае это необходимость для носителей данных вариантов и диалектов интегрироваться в сообщество носителей английского языка, во втором – потребность отличаться от данного сообщества. Необходимость равняться на вариант, представляющий литературную норму, или так называемое выравнивание диалектов, в глобальном масштабе сопоставимо с процессами образования нормы в рамках отдельно взятого государственного языка или языка, имеющего институциональный статус, когда диалект экономического, политического и культурного центра становится нормой для этого государства [2. С. 3–5]. Хотя есть здесь и отличие, которое заключается в том, что в условиях глобализации такое выравнивание диалектов обусловлено не столько централизацией типичной для отдельно взятых государств, сколько необходимостью в едином средстве общения, обусловленной социально-экономическими потребностями отдельных индивидов. Тенденция к экспансии, характерная для английского языка, на протяжении его исторического развития способствовала расширению многообразия его языковых контактов и, тем самым увеличению количества форм его существования. Языки, контактирующие с английским, ассимилируют часть его лексических единиц для расширения своего функционала или же становятся почвой для новых вариантов английского языка, выступая в роли субстрата. Структурные и функциональные изменения, продолжающиеся в настоящее время в локальных вариантах и диалектах английского языка, должны рассматриваться в связи с изменениями, происходящими в мировом английском, так как развитие средств массовой коммуникации и транспорта в условиях глобализации способствует выравниванию различных вариантов и диалектов английского языка и образованию его объединённого варианта. При этом соотношение различных ва-

риантов и диалектов в конкретном регионе определяется историческими, экономическими и социокультурными условиями языковых контактов.

Мировой английский, включая в себя британский и американский варианты, агрегирует в себе те новшества, которые ему приносят контактирующие с ним языки. Данные процессы смешения кодов способствуют развитию мирового английского. Складывается ситуация, характерная для становления национальных языков в отдельно взятых государствах, когда в процессе исторического развития наиболее престижные региональные диалекты становятся литературными языками или языковыми стандартами в данных государствах. Если экстраполировать данную ситуацию на мировой английский язык, учитывая, что одним из следствий глобализации принято считать появление наднациональных институтов государственной власти, то в данной ситуации наиболее престижные региональные варианты английского языка БА и АА, где в настоящее время доминирует АА, выступают для мирового английского языковыми стандартами. По мере существования необходимости в едином средстве коммуникации все остальные варианты и диалекты будут ориентироваться в своём развитии на БА и АА.

Мировой английский в целом является абстракцией, которая, однако, позволяет представить факторы, влияющие на развитие английского языка. Распространение английского языка происходит через средства массовой информации, Интернет, учебные программы и материалы. Важную роль в этом процессе играет социально-экономическое развитие регионов, в которых происходит распространение английского языка. В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития, соответственно, более развиты современные коммуникационные технологии и система образования. Характерно, что процессы глобализации в этих регионах проявляется более интенсивно по сравнению с регионами, где уровень социально-экономического развития низкий. Таким образом, социально-экономические факторы, формируют отношение к языку и его ценность на мировой арене [1. С. 243]. К данным факторам также можно добавить глобальную демографическую и общественно-политическую ситуацию. Демографическая ситуация определяет количественные показатели владения языком, а именно количество носителей английского языка в мире. Общественно-политическая ситуация определяет, вектор языковой политики и языкового пла-

нирования, например, при принятии государственными органами решений о том, какого стандарта придерживаться при изучении английского языка в учебных заведениях или о придании институционального статуса английскому языку [3. С. 79].

Мировой английский, распространяется, прежде всего, в рамках отдельных вариантов английского языка, которые существуют на различных территориях. Это позволяет сделать вывод, что развитие английского языка также происходит благодаря его вариантам и диалектам, существующим в регионах, которые находятся за пределами самой Великобритании. Следствием такого развития является появление в мировом английском языке лексических единиц, заимствованных из языков, контактирующих с ним. Такая заимствованная лексика не только расширяет словарный запас мирового английского языка, но и увеличивает охват его лексико-семантической системой мировых социокультурных реалий. Таким образом, отражая реалии, свойственные другим культурам, лексико-семантическая система английского языка, обуславливает его существование в качестве мирового. Однако это не мешает отдельным вариантам английского языка, составляющим мировой английский, также выступать в качестве родных языков для отдельных языковых сообществ. В таких условиях мировой английский имеет тенденцию к дифференциации, что обусловлено в первую очередь региональной вариативностью. В глобальном плане вариативность английского языка является следствием его контактов с другими языками. Выполнение двух разных функций становится возможным благодаря глобализации, которая способствует расширению спектра языковых контактов мирового английского языка, а также обуславливает всеобщую потребность в средстве интеграции в глобальную социально-экономическую систему. Такое взаимовлияние позволяет существовать системе отношений, в которой БА и АА выступают нормой для всей совокупности вариантов английского языка, представленной мировым английским, что даёт ему новую основу для распространения и одновременно обеспечивает целостность нормы.

Список литературы

1. Гришаева, Е. Б. Типология языковых политик и языкового планирования в полиэтническом и мультикультурном простран-

Spisok literatury

1. Grishaeva, E. B. Tipologija jazykovyh politik i jazykovogo planirovanija v polijetnitcheskom i mul'tikul'turnom prostranstve

- стве (функциональный аспект) : (funkcional'nyj aspekt) : монография. Красноярск : РИО КрасГУ, 2006. 278 с. monografija. Krasnojarsk : RIO KrasGU, 2006. 278 s.
2. Ярцева, В. Н. Развитие национального литературного английского языка. М. : Наука, 1969. 284 с. 2. Jarceva, V. N. Razvitie nacional'nogo literaturnogo anglijskogo jazyka. M. : Nauka, 1969. 284 s.
3. Crystal, D. English as a global language. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. XVI, 212 p. 3. Crystal, D. English as a global language. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. XVI, 212 p.
4. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of the English language. London [etc.] : BCA, 1995. VII, 489 p. 4. Crystal, D. The Cambridge encyclopedia of the English language. London [etc.] : BCA, 1995. VII, 489 p.

УДК

**О СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ**

Т. Ю. Миронова

Рассматриваются смысловые параметры англоязычных авторских текстов (взгляд, голос, тон, динамика и т.д.) относительно того семантического вклада, который они получают от различных лингвистических механизмов. Разные авторы в отличающейся мере предпочитают интересующие нас формы, а рисунок, который подчеркивает их использование имеет специфический вид в каждом тексте, что соотносится с авторскими параметрами; совокупный эффект от присутствия семантики соответствующих лексико-грамматических форм не выглядит случайным: авторы сознательно работали на него. Анализируемые явления отмечены англоязычными культурно-лингвистическими традициями.

Ключевые слова: семантика лингвистических средств, авторские параметры текста, авторский взгляд, голос, тон, динамика и т. д., национально-культурные особенности.

Данная публикация описывает попытку проникнуть в сложные связи, существующие между содержанием авторского текста и языковыми механизмами его воплощения. Многие лингвистические явления активно оформляют определенные стороны национального мышления и отражаются в традициях народа, охватывающих письменное изложение мыслей. В поле нашего зрения находятся как англоязычные аутентичные тексты, так и работы на английском языке, созданные двуязычными авторами, и профессиональные переводы на английский язык некоторых русских и украинских писателей, наряду с переводами на русский и украинский, или на оба эти языка, отдельных англоязычных работ. Сложность работы со смыслом текста, в особенности на стыке культур, не следует считать непреодолимым препятствием на пути к знаниям. Известно, что образованным людям свойственно определять качественно написанные тексты, тем более те, которые заключают в себе общечеловеческие ценности. Если такое явление имеет место в реальности, стало быть,

существуют достаточно надежные показатели свойств текста, среди которых не последнее место занимают материально осязаемые грамматические формы.

Лингвистические качества англоязычного текста, вносящие свой вклад в смысловое наполнение каждого авторского документа, выступают важными ориентирами при определении духовной ценности письменного обращения к другим людям. Однако сам факт, частотности языковых механизмов, преобладания одних над другими на разных участках текста, хотя и обращает на себя внимание и всегда имеет причину, становится еще недостаточным свидетельством «прироста» гуманистического содержания в том или ином тексте. Наши научные поиски пришли к богатому каналу проникновения в смысл текста. Он пролегает через понимание авторской индивидуальности, которая преломляется в тексте и становится притягательным ядром, на котором зиждется смысл авторской работы, и в зависимости от которого, пишущим предпочитаются те или иные грамматические и лексические возможности.

То, что нормативная грамматика по-разному работает на авторское содержание, уже исследовалось нами, и мы убедились, что не авторы, опасаясь правил грамматики, стремятся их соблюдать, а наоборот, грамматика существует как палитра красок для специфического авторского содержания. При этом, разные личности в отличающейся мере нуждаются в определенных лингвистических формах для выражения характерного для них восприятия действительности, что прослеживается через целый ряд текстов каждого.

Нами уже изучались механизмы англоязычной неисчисляемости/исчисляемости, формы нереальной условности, соотношение активных и пассивных грамматических механизмов, равно как и соотношение простого и длительного аспектов вместе с другими возможностями выражать глагольную длительность [2; 3 и др.]. Нередко мы сталкивались с использованием грамматических форм с неожиданным, по сравнению с нормативным, эффектом, который в большей степени соотносился со спецификой авторского содержания и с этапом его представления в пределах всего текста, чем с положениями, описанными в учебниках по лексикологии или грамматике.

В таком исследовании нам помогают авторские параметры смысла, которые становятся единственными возможными каналами проникновения в авторскую семантику, что в свою очередь, отрывает причины неординарного вклада лингвистических возможностей в совокуп-

ный текстовый смысл. Вряд ли стоит считать, что автор, приступая к работе над текстом, готовится заполнить такое-то или такое-то измерение языковым лексико-грамматическим материалом. Такое отношение было бы противно природе человеческого общения и только бы разрушило поистине тонкое образование, называемое смыслом текста. Естественным можно считать такое положение вещей, когда пишущий, обладая уникальным человеческим опытом, охвачен стремлением сполна поделиться им. Он полагает, что его достояние ценно не только для него самого, но может быть таковым и для других. Таким образом, он ищет наилучшие способы сообщить об этом людям посредством языка, который их связывает.

Авторские параметры смысла помогают распознать измерения содержания, на которые работают лексические значения и грамматические связи. Более того, осознав такое взаимное обогащение содержательной и смысловой стороны авторских текстов, становится возможным распознавать присутствие авторской индивидуальности, которая несет заряд гуманистического содержания.

Традиция исследовать авторские тексты по параметрам авторский голос, взгляд, дикция, тон, динамика и некоторые другие проистекает из англоязычной национальной практики обучения творческому письму [13; 17]. При исследовании готовых законченных текстов соответствующие ориентиры направляют поиски уникальности авторских работ и способствуют проникновению в общую смысловую картину определенного текста, заостряя взгляд исследователя на проявления авторской индивидуальности не только в наполнении перечисленных параметров, но и в выборе преобладающих лексико-грамматических механизмов, работающих на данный текст.

Практическую ценность накапливаемых знаний мы связываем с возможностью предвосхищать национально-культурные семантические препятствия при интерпретации англоязычных текстов со стороны русско/ украинско-говорящих переводчиков и филологов. Также важно то, что складывается по-новому внимательное отношение к личности автора, которая нашла преломление в тексте и служит ядром гуманистических ценностей, заложенных в письменном документе.

Данные искания теоретически окрепли через понимание характера и функции текста как коммуникативной единицы [1]. Научные позиции продолжали оформляться под влиянием многих когнитивно-коммуникативных исследований человеческого общения.

Теперь уместно уважительно вспомнить А. Маслоу, который сделал подобные научные разработки реальностью нашего времени и привел к мысли, что авторство текста способно предстать в виде целостного гуманного процесса самопознания, самореализации и воссоединения смыслом с другими [10. С. 290–292].

Цель данной публикации заключается в попытке собрать воедино и осмыслить достигнутые нами результаты (когнитивного) семантико-лингвистического изучения англоязычного авторского текста, в аспекте авторских параметров и работающих на них лингвистических механизмов. Такое обобщение служит очередным подтверждением актуальности данного исследования, корректности избранного подхода и продуктивности методик работы с текстовыми образцами.

Наш опыт изучения семантико-лингвистических особенностей англоязычных авторских текстов постепенно расширяется [2; 3 и др.] и опирается на достигнутые результаты сопоставления авторских смысловых параметров, как-то: взгляд, голос, тон, динамика и т.д., и лексико-семантических каналов их смыслового насыщения. Последние играют роль надежных осязаемых свидетельств вместо зыбких эфемерных впечатлений, которые иногда складываются в результате восприятия целостной авторской работы. Более того, языковые признаки выполняют роль первоначальной содержательной опоры в постижении многих элементов смысла, в частности тех, которые отмечены национально-культурной спецификой. В таком отношении к форме и содержанию авторских текстов, перестают быть загадкой одновременно несколько текстовых явлений, в особенности так называемые «авторский стиль» и «лингвистическое чутье носителя языка» (что зачастую объединялось в бесформенный сгусток «творческой мастерской»). При этом, все уникальное и неповторимое духовное богатство, заложенное в тексте, не отвергается, а наглядно высвечивается и трактуется как присутствие индивидуальности написавшего такой документ человека. Вычленение смысловых элементов, которые свидетельствуют об авторе, который проглядывает между строк, подлежит перепроверке и способно найти материальное и фактическое подтверждение в жизни этого творца.

Материалом для анализа стали рассказы или главы из романов британских (Э. Блайтон, Т. Гарди, Дж. Голсуорси, Ч. Диккенса, Г. Мортон [11] Дж. Оруэлла [14] С. Хилл, и др.), американских писателей (Э. Хемингуэя [8] и И. Шоу [15]), опубликованные переводы

на английский язык рассказов русского писателя К. Г. Паустовского [4] и, наконец, роман в двух языковых вариантах билингвального В. Набокова [12]. В качестве материала для перепроверки выводов о некоторых национально-культурных семантико-лингвистических явлениях предстали русские или украинские, или одновременно на двух языках разными исполнителями, переводы Э. Блайтон, Т. Гарди, Дж. Голсуорси, Ч. Диккенса, Э. Хемингуэя [8] и И. Шоу [15]

Зачастую, когда англоязычные тексты исследовались нами в ракурсе определенных лингвистических средств, воплощаемых в авторских параметрах, как это было с глагольными формами, передающими семантику длительности, то их творцы непременно обозревались как личности, чья жизнь имела много точек соприкосновения по разнообразным измерениям, включая период обучения основам английской грамматики. Сказанное в самой большой степени относится к Э. Хемингуэю [8] и И. Шоу [15]. Разумеется, такое изучение лишней раз подтверждало мнение, которое современные дискурсивные лингвисты неоднократно высказывали на страницах своих работ, о том, что устанавливать прямое соответствие между грамматическими категориями и смыслом целостного текста, задача нереальная и не всегда благодарная [6. С. 648–651; 7. С. 224–225; 9. С. 7, С. 59–62].

Однако массивное использование определенной категории англоязычными авторами сгущает и, далее, излучает семантику, которая витает за пределами отдельного предложения, отражаясь на смысле абзаца и внося свой вклад в общее впечатление от текста. Даже если непродуктивно искать всеобъемлющего прямого соответствия между языковыми формами и аспектами смысла, все же в каждом конкретном качественно написанном тексте тенденции к этому заметны и убеждают, что письменная языковая стихия – это согласованная и разветвленная смысловая система, которая чувствительна к вариациям каждой доли значения и формы что, как изначально, так и в конечном счете, гибко служит потребностям человеческой мысли.

Плодотворность текущего этапа нашего исследования мы связываем с приобретенной уверенностью, что лингвистические средства английского языка, в особенности те, которые отмечены национально-культурной спецификой, активно участвуют в наполнении смысловых текстовых каналов авторский голос, тон, дикция, взгляд, динамика и т.д. Их предпочтение разными авторами во многом

определяется их личностными особенностями, что отражается не на конкретном авторском параметре, а на каждом из них в разной мере, и в их уникальном соединении, которое слагает целостный смысл законченного текста.

Список литературы

1. Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. Москва : Наука, 1984. 175 с.
2. Миронова, Т. Ю. Генезис англоязычного отношения к исчисляемым и неисчисляемым существительным и их функция в авторском тексте // Психологія. Мовознавство. Соціальні комунікації. Збірник наукових праць ДВНЗ «Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Г. Сковороди», випуск 8. Переяслав-Хмельницький : ПП «СКД», 2011. С. 119–126.
3. Миронова, Т. Ю. Возможности сослагательности в осуществлении компонентов творческого письма в англоязычном авторском тексте и учет соответствующих грамматических форм при переводе. Науковий часопис Національного педагогічного університету ім. Драгоманова. Серія №5. Киев : Видавництво НПУ ім. Драгоманова, 2011. С. 140–147.
4. Паустовский, К. Г. Золотой лить // Собрание сочинений в 8-ми т. Т. 6. М : Худ. литература, 1969. С. 432–436.

Spisok literatury

1. Kolshanskij, G. V. Kommunikativnaja funkcija i struktura jazyka. Moskva : Nauka, 1984. 175 s.
2. Mironova, T. Ju. Genezis anglojazychnogo otnoshenija k ischisljaemym i neischisljaemym sushhestvitel'nym i ih funkcija v avtorskom tekste // Psihologija. Movoznavstvo. Social'ni komunikacii. Zbirnik naukovih prac' DVNZ «Perejaslav-Hmel'nic'kij derzhavnij pedagogichnij universitet imeni G. Skovorodi», vipusk 8. Perejaslav-Hmel'nic'kij : PP «SKD», 2011. S. 119–126.
3. Mironova, T. Ju. Vozmozhnosti soslagatel'nosti v osushhestvlenii komponentov tvorcheskogo pis'ma v anglojazychnom avtorskom tekste i uchet sootvetstvujushhijh grammaticeskijh form pri perevode. Naukovij chasopis Nacional'nogo pedagogichnogo universitetu im. Dragomanova. Serija №5. Kiev : Vidavnictvo NPU im. Dragomanova, 2011. S. 140–147.
4. Paustovskij, K. G. Zolotoj lin' // Sobranie sochinenij v 8-mi t. T. 6. M : Hud. literatura, 1969. S. 432–436.

5. Шоу, И. Рассказы // Вечір у Візантії : роман. 1993. 448 с.
6. Celce-Murcia, M. The Grammar Book / M. Celce-Murcia, D. Larsen-Freeman. United States of America : Heinle & Heinle, 1999. 854 p.
7. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of The English Language. Cambridge : University Press, 2000. 489 p.
8. Hemingway, E. Cat in the Rain // The Collected Stories/ Ernest Hemingway. The millennium library: everyman's library. 1995. P. 107–109.
9. McCarthy, M. Discourse Analysis for Language Teachers. Oxford : Oxford Language Teaching Library, 1990. 205 p.
10. Maslow, A. Peak Experiences in Education and Art. // Human Values by Joseph A. Zaitchik and Roger E. Wiehe. N. Y. : Brown and Benchmark, 1993. 525 p.
11. Morton, H. V. H. V. Morton's London. London : Methuen & Co.LTD, 1940. 436 p.
12. Nabokov, V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited // Everyman's library. London : David Campbell Publishers LTD, 1995. 268 p.
13. Norton, S. Canadian Content / S. Norton, N. Waldman. Canada : Hoft, 1988. 371 p.
14. Orwell, G. Hotel Kitchens // Gould E. and others. The Art of Reading. Contexts for Writing
5. Shou, I. Rasskazy // Vechir u Vizantiï : roman. 1993. 448 s.
6. Celce-Murcia, M. The Grammar Book / M. Celce-Murcia, D. Larsen-Freeman. United States of America : Heinle & Heinle, 1999. 854 p.
7. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of The English Language. Cambridge : University Press, 2000. 489 p.
8. Hemingway, E. Cat in the Rain // The Collected Stories/ Ernest Hemingway. The millennium library: everyman's library. 1995. P. 107–109.
9. McCarthy, M. Discourse Analysis for Language Teachers. Oxford : Oxford Language Teaching Library, 1990. 205 p.
10. Maslow, A. Peak Experiences in Education and Art. // Human Values by Joseph A. Zaitchik and Roger E. Wiehe. N. Y. : Brown and Benchmark, 1993. 525 p.
11. Morton, H. V. H. V. Morton's London. London : Methuen & Co.LTD, 1940. 436 p.
12. Nabokov, V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited // Everyman's library. London : David Campbell Publishers LTD, 1995. 268 p.
13. Norton, S. Canadian Content / S. Norton, N. Waldman. Canada : Hoft, 1988. 371 p.
14. Orwell, G. Hotel Kitchens // Gould E. and others. The Art of Reading. Contexts for Writing

- / Gould Eric, Robert Diyanni, William Smith, Judith Stanford. N. Y. : McGraw-Hill, 1990. P. 305–312.
15. Shaw, I. Evening in Byzantium. London : New English Library: Times Mirror. 1977. 285p.
16. Thomson, A. J. A Practical English Grammar / A. J. Thomson, A. V. Martinet. Oxford: Oxford University Press, 2009. 383 p.
17. Trimmer, J. F. Writing with a Purpose / J. F. Trimmer, J. M. McCrimmon. Boston : Houghton Miffling Company, 1988. 524 p.
- / Gould Eric, Robert Diyanni, William Smith, Judith Stanford. N. Y. : McGraw-Hill, 1990. P. 305–312.
15. Shaw, I. Evening in Byzantium. London : New English Library: Times Mirror. 1977. 285p.
16. Thomson, A. J. A Practical English Grammar / A. J. Thomson, A. V. Martinet. Oxford: Oxford University Press, 2009. 383 r.
17. Trimmer, J. F. Writing with a Purpose / J. F. Trimmer, J. M. McCrimmon. Boston : Houghton Miffling Company, 1988. 524 p.

УДК

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В ПЕРЕВОДЕ

О. А. Радчук

В статье рассматриваются гендерные особенности перевода художественных текстов. Примером исследования выступают лирические стихотворения немецких поэтов, проанализированные на лексическом и синтаксическом уровнях.

Ключевые слова: гендерный аспект, перевод, лирическое стихотворение, лексический и синтаксический уровни.

В настоящее время понятие «гендер» не является примитивной категорией рода, гендер рассматривается как социокультурный, дискурсивный и психолингвистический феномен [1. С. 45].

В данной статье анализируются художественные тексты, а именно лирические стихотворения великих немецких поэтов – классиков. Сравнительно – сопоставительный анализ оригиналов и переводов на русский язык поэтами русской литературы дадут нам возможность продемонстрировать гендерные различия в переводах стихотворений. Исходя из этого, перед нами стоит задача выявить основные различия в стихотворениях, переводы которых были выполнены как мужчиной, так и женщиной, а также определить насколько точно удастся переводчику сохранить текст оригинала на лексическом и синтаксическом уровнях.

Перевод художественного произведения является сложным процессом, и переводчики часто прибегают к использованию различных видов трансформаций. Так в некоторых случаях перевод произведений дают возможность определить гендерную принадлежность перевода, и выявит особенности перевода женщин и мужчин. Художественный перевод стихотворения в большинстве случаев колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод. Эти два принципа нашли отражения в двух основных точках зрения: определение перевода с лингвистической и литературоведческой позиций.

Лингвистический принцип перевода, прежде всего, предполагает воссоздание формальной структуры подлинника – этого принципа

придерживался такой видный исследователь как В. Н. Комиссаров. Однако провозглашение лингвистического принципа основным может привести к чрезмерному следованию в переводе тексту оригинала – к дословному, в языковом отношении точному, но в художественном отношении слабому переводу, что явилось бы само по себе одной из разновидностей формализма, когда точно переводятся чуждые языковые формы, происходит стилизация по законам иностранного языка. В тех случаях, когда синтаксическая структура переводимого предложения может быть и в переводе выражена аналогичными средствами, дословный перевод может рассматриваться как окончательный вариант перевода без дальнейшей литературной обработки. Однако совпадение синтаксических средств в двух языках встречается сравнительно редко; чаще всего при дословном переводе возникает то или иное нарушение синтаксических норм русского языка. В таких случаях мы сталкиваемся с известным разрывом между содержанием и формой: мысль автора ясна, но форма ее выражения чужда русскому языку. Дословно точный перевод не всегда воспроизводит эмоциональный эффект подлинника, следовательно, дословная точность и художественность оказываются в постоянном противоречии друг с другом. Бесспорно, что перевод опирается на языковой материал, что вне перевода слов и словосочетаний художественный перевод не может существовать, и сам процесс перевода тоже должен опираться на знание законов обоих языков и на понимании закономерностей их соотношения.

Перевод является важным средством межкультурного общения, так как он служит посредником, связующим звеном, помогая носителям одной языковой культуры знакомиться с фактами другой. Культурологический смысл есть основной аспект при переводе чужого языка. Поэтому о процессе перевода можно говорить как о бесконечной приблизительности и относительности, поскольку нет однозначного соответствия между тем, как различные языки отражают признаки реальной действительности.

Необходимость сохранения гендерно – культурологических особенностей языка перевода усложняет задачу, поставленную перед переводчиком, заставляя постоянно отражать фактуру оригинала и желание создать отличный текст на родном языке [2. С. 5].

Женщины – переводчики в большей степени консервативны в использовании лексики, нормы и определенных клише. Но необходимо отметить, что женщины стараются сохранить язык оригинал.

Мужчины, в свою очередь, больше используют в переводе личные местоимения, которые можно характерны в оригинале стихотворений на немецком языке, но при переводе их можно опустить, а также имена прилагательные, причем качественные прилагательные в положительной степени, что не характерно для женщин. Они же, напротив, используют сравнительную степень.

Но как у мужчин, так и у женщин встречаются прилагательные, которые выступают в роли эпитетов:

Пышная роза «Майской песни» А. Фета, золотая коса «Лорелеи» К. Павловой, горючий утес «На севере диком» М. Ю. Лермонтова.

Синтаксис переведенных предложений раскрывает ряд различий в переводе мужчин и женщин. В переводе, выполненном женщиной, часто встречается прямой порядок слов. Порядок слов строиться по готовому образцу, избегая нарушений в оригинальной конструкции. В некоторых примерах женщины отказываются от использования повелительной формы глагола, в отличие от мужчин, которые охотно демонстрируют данную форму.

Например, в переводе А. Фета «Они любили друг друга» встречается повелительная форма глагола «Торопитесь любить!», «Любите!», а у М. Ю. Лермонтова «Горные вершины» – «Подожди немного, отдохнешь и ты».

В авторском «я» проявляется не только личность автора, будь то женщина или мужчина, в структуре «я» (прежде всего в художественных текстах) могут объединяться личность автора и рассказчика, автора и лирического героя. Автор может прямо выражать свою позицию в тексте – в автосемантических отрезках, «свободных» предложениях; автору могут принадлежать характеристики персонажей, их душевного состояния, возможных реакций на какие – либо явления [3. С. 134].

Список литературы

1. Кириллина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. – 45 с.
2. Халеева, И. И. Гендер как интрига познания // Гендерный фактор в языке и коммуникации. Иваново, 1999. 5 с.
3. Томашевский, Б. Теория литературы. Поэтика. М. ; Л., 1927. 230 с.

Spisok literatury

1. Kirillina, A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M., 1999. – 45 s.
2. Haleeva, I. I. Gender kak intriga poznaniya // Gendernyj faktor v jazyke i kommunikacii. Ivanovo, 1999. 5 s.
3. Tomashevskij, B. Teorija literatury. Pojetika. M. ; L., 1927. 230 s.

УДК

**КОМПОНЕНТЫ ПОЛЯ СУБЪКТНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

Н. В. Хотеева

Оптимальный выбор языковых средств для сообщения непосредственному собеседнику. Три основных типа выражения субъектности в современном немецком языке. Модальные выражения с имплицитированным ego-компонентом.

Ключевые слова: коммуникативное намерение; «категория персональности»; эксплицитный тип; транспонированный; имплицитный; элементы семантических категорий.

Воплощая в языковой оболочке содержание, предназначенное для сообщения непосредственному собеседнику, автору текста или высказывания необходимо решать ономаσιологические задачи, чтобы осуществить оптимальный выбор языковых средств соответственно характеру сообщаемого содержания, своему коммуникативному намерению. Одно и то же коммуникативное намерение можно передать в одной и той же речевой ситуации несколькими способами. Собеседник извлекает из предъявленного текста всю предназначенную ему информацию, то есть решает задачи семасиологического характера.

Поскольку категория лица в широком смысле слова понимается как «категория персональности (субъектности)» или «категория коммуникативных ролей», то при идентификации языковых средств следует учитывать не только морфологические, но также синтаксические, лексические и просодические средства, а иногда контекст. Данный подход позволяет охватить и такие языковые средства, которые остаются вне поля зрения при описании функций противочленов грамматических морфологических категорий. Содержание функций определяется характером того результата, с которым она соотносит языковую единицу. По этому признаку «существуют две различные, хотя и взаимосвязанные сферы означивания: 1) сфера первичного, собственно семиологического способа образования словесных знаков, называющих повторяющиеся представления объективной действительности и субъективного опыта носителей язы-

ка; 2) сфера вторичного означивания, создания высказываний как «полных знаков». Существование и функционирование знаков вторичной номинации объясняется как асимметрией языковых знаков, так и «тенденцией языковой экономии, избегающей при образовании новых наименований увеличения единиц плана выражения» (В. Г. Гак, В. Н. Телия, А. А. Уфимцева). Знаки прямой номинации указывают непосредственно на экстралингвистический объект. То, что один и тот же экстралингвистический элемент может обозначаться разными средствами, свидетельствует о глубинной идентичности значимых элементов языка.

В общей сложности можно выделить три основных типа выражения субъектности: эксплицитный тип, который однозначно ссылается на один из трех базовых функциональных компонентов:

1. Простые номинативные единицы:

Peter ist bekannt.

2. Метафорические и фразеологические номинативные единицы:
Nur ein Esel glaubt das.

3. Вокативные единицы:

Herr Minister, das ist ein Irrtum.

4. Личные местоимения:

Ich schreibe den Brief.

5. Притяжательные местоимения:

Mein Haus ist groß (презентация ego- и aliud- компонента)

6. Другие типы местоимений:

Man sollte nochmals fragen.

7. Единицы замещения (в тексте):

Erna hatte damals einen Unfall. Außerdem verlor sie ihre Arbeit. Und schließlich kam die Scheidung. Das alles war sehr schwer.

8. Личные морфемы финитных форм глагола:

Du rauchst nicht.

9. Директивные выражения в сочетании со специфической интонацией (с выраженной *tu*-функцией):

Ist Sabine zu Hause?

Marsch, an die Arbeit!

10. Комплексные номинативные единицы, содержащие в своей структуре частично «лицо в лице»:

Du mit der Mutze, mach mal Platz!

Транспонированный, при котором вторичные функции наслаиваются на первичные:

1. Личные местоимения и морфемы ego- и tu- компонентов для выражения обобщенноличности:

Hier kommst du nie zur Ruhe.

(Stellen Sie sich vor): Sie warten drei Stunden, und alles vergeblich.

Wie helfe ich mir selbst? (Titel einer Reparatureinleitung)

2. Aliud-компонент в функции ego-/tu-компонента:

Der Autor dieser Zeilen... (= ich)

Hat der Herr (= Sie) schon gefrühstückt?

Das Gericht (= wir) zieht sich zur Beratung zurück.

3. Единицы обобщенноличности в функции ego:

Man (= ich) mußte noch mal zwanzig sein.

4. Личные местоимения ego-компонента в функции tu:

Arzt: Wie fühlen wir (= Sie) uns heute? (псевдосолидарность)

5. В рамках одних и тех же функциональных конститuentов:

Wir (= ich) kommen nun zum 2. Kapitel.

Имплицитный тип, когда собственное значение маркировано также характеристикой лица: модальные выражения с имплицированным ego-компонентом:

Eigentlich ist das schade.

Du weinst ja.

Das durfte teuer werden.

Темпоральные единицы с импликацией ego:

Heute fährt Otto nach Berlin.

Эллиптические формы в разговорной речи:

Hast du Hunger? – Ja.

[5. P. 30].

Так, совокупность языковых средств, служащих для обозначения коммуникативных ролей с позиции функционально-семантического подхода образует определенную систему языковых средств – поле персональности. Функционально-семантическое поле персональности (= ФСП), по определению А. В. Бондарко, базируется на одноименной семантической категории, которая квалифицируется как «категория, характеризующая участников обозначаемой ситуации по отношению к участникам ситуации речи – прежде всего говорящему» [1. С. 125].

Г. Яхнов придерживается мнения, что, определяя элементы семантических категорий как ядерные или периферийные, нужно в любом случае ориентироваться на системные и функциональные моменты: чем определеннее и чаще языковая единица представля-

ет данную семантическую категорию, тем ближе к центру поля она располагается [5. Р. 21].

Квалифицировать номенклатуру поля следует, ссылаясь на конкретные реализаторы. Таким образом, приняв во внимание количество сем лица в каждом конституенте, ядро поля составляют отвлеченные от конкретных форм граммеы (1 и 2 лицо), представленные прономинальными и глагольными формами (Ich schreibe/du schreibst den Brief), то есть имеющий морфологический (флективный) способ актуализации; номинативные единицы (Der Mann ist bekannt) aliud-сферы. А. В. Бондарко оставляет без внимания номинативные единицы, хотя они выступают представителями категории лица в их первичной функции. Их прономинальные эквиваленты – это, прежде всего, анафорические заместители с текстоорганизующими функциями

В центре поля располагаются третье лицо (при референции лиц) и конституенты, предполагающие опосредованное выражение отнесенности действия к лицу: местоимение man – нейтральное местоимение, имеющее четкую семантическую маркировку «лицо» и используемое в качестве эквивалента личных местоимений. А. В. Исаченко указывает на признак «участие в диалоге не сигнализируется» у местоимения man, а наряду с местоимениями 1-го и 2-го лица ед. и мн. числа местоимение man обладает признаком «лицо». Ср.: Man arbeitet. – Er arbeitet (Motor oder Peter) [6. Р. 286]. Так, к центру поля персональности могут относиться только местоимения в именительном падеже, синтаксически и реально соотносимые с личными формами глагола: я, ты, он, она, оно, мы, вы, они, выступающие в роли субъекта-подлежащего при глаголе-сказуемом. Формы личных местоимений в косвенных падежах, выступающие в роли дополнения или объекта, переходят от сферы имени в глагольную сферу и не характеризуются соотносимостью с личными формами глагола и, следовательно, занимают переходную позицию от центра к периферии.

Понимание лица в рамках поля персональности позволяет группировать различные языковые средства, выражающие категорию лица отдельно или в комбинации с другими языковыми уровнями, поэтому структура поля представляет собой сочетание разных содержательных и формальных перспектив, но при этом всегда выделяется центр и периферия.

На периферии поля персональности можно наблюдать модальные выражения с имплицированным ego-компонентом (Eigentlich

ist das schade; Du weinst ja; Das durfte teuer werden); темпоральные единицы с импликацией ego (Heute fährt Otto nach Berlin); эллиптические формы в разговорной речи (Hast du Hunger? – Ja). Своеобразный эллипсис наблюдается в конструкциях с так называемым безличным пассивом: Hier wird getanzt. Немецкий безличный пассив формально только 3-е лицо ед. ч., но он персонально отнесен, то есть это только действие лиц, человека [5. Р. 30].

Таким образом, компоненты функционально-семантического поля личности могут исполнять роль обозначения одного и того же лица, различаясь по своей семантике, грамматическим характеристикам. Однако контекст выражения определенного значения лица предопределяет ситуативный анализ средств выражения лица.

Список литературы

1. Бондарко, А. В. Семантика лица // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб. : Наука, 1991. С. 125–141.
2. Гак, В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М. : Наука, 1977. С. 236–262.
3. Телия, В. Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация. Виды наименования. М. : Наука, 1977. С. 129–221.
4. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков. М. : Наука, 1974. 205 с.
5. Jachnow, H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen // Personalität und Person. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999. B. 9. S. 1–36.
6. Isacenko, A. V. Semantik der Grammatik / A. V. Isacenko, R. Ruzicka // Zeichen und System der Sprache. Berlin : Akademie. Verl., 1966. B. 3. S. 281–287.

Spisok literatury

1. Bondarko, A. V. Semantika lica // Teorija funkcional'noj grammatiki: Personal'nost'. Zalogovost'. SPb. : Nauka, 1991. S. 125–141.
2. Gak, V. G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij // Jazykovaja nominacija. Obshhie voprosy. M. : Nauka, 1977. S. 236–262.
3. Telija, V. N. Vtorichnaja nominacija i ee vidy // Jazykovaja nominacija. Vidy naimenovanija. M. : Nauka, 1977. S. 129–221.
4. Ufimceva, A. A. Tipy slovesnyh znakov. M. : Nauka, 1974. 205 s.
5. Jachnow, H. Die Personalität als sprachliche Universale. Funktionen und Formen // Personalität und Person. Wiesbaden : Harrassowitz Verlag, 1999. B. 9. S. 1–36.
6. Isacenko, A. V. Semantik der Grammatik / A. V. Isacenko, R. Ruzicka // Zeichen und System der Sprache. Berlin : Akademie. Verl., 1966. B. 3. S. 281–287.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК

РАЗВИТИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ОБЩЕНИЮ

Ю. В. Баканова

В статье рассматриваются вопросы изменения в требованиях к уровню владения языком, определение новых подходов к отбору содержания и организации материала. Содержание курса обучения иностранному языку направлено на развитие коммуникативной культуры и социокультурной образованности студентов, позволяющей им быть равными партнерами межкультурного общения на иностранном языке. Сущность коммуникативного общения заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения.

Ключевые слова: общение, компетентность, коммуникативная атмосфера, модель общения, образовательный процесс.

С принятием в 1999 году Болонской декларации ускорился процесс интеграции европейских стран в единое образовательное пространство. В рамках образовательной политики Европейского Совета и руководствуясь положениями Болонского соглашения Европы, образовательное сообщество выдвигает в качестве критериального образовательного результата понятие компетентности как личностного новообразования в изучении иностранных языков. На пороге нового века существенно изменился социокультурный контекст изучения иностранных языков в России. Значительно возросли их образовательная и самообразовательная функции в вузе, профессиональная значимость на рынке труда в целом, что повлекло за собой усиление мотивации в изучении языков международного общения. Соответственно возросли и потребности в использовании иностранных языков. Новые задачи предполагают изменения в требованиях к уровню владения языком, определение новых подходов к отбору содержания и организации материала. Содержание курса обучения иностранному языку определяется коммуникативными целями и за-

дачами на всех этапах обучения. Оно направлено на развитие коммуникативной культуры и социокультурной образованности студентов, позволяющей им быть равными партнерами межкультурного общения на иностранном языке в бытовой, культурной и учебно-профессиональной сферах.

Иностранный язык, таким образом, как инструмент познания в условиях коммуникативно-ориентированного обучения становится также средством социокультурного образования. Коммуникативно-ориентированное обучение иностранным языкам означает формирование у студентов коммуникативной компетенции: языковой, разговорной, практической, социально-лингвистической и мыслительной, когда студент готов использовать иностранный язык как орудие речемыслительной деятельности.

В последнее время, как в зарубежной, так и в отечественной литературе по педагогике и психологии, достижения человека в сфере отношений с другими людьми все чаще отражаются в понятии «коммуникативная компетентность». «Формирование компетентности в образовательном процессе выдвигает на первое место не информированность обучаемого, а умение разрешать проблемы в различных сферах» [5. С. 51].

Коммуникативная компетентность, согласно психолого-педагогическим исследованиям, включает следующие компоненты:

1) эмоциональный (включает эмоциональную отзывчивость, эмпатию, чувствительность к другому, способность к сопереживанию и состраданию, внимание к действиям партнеров);

2) когнитивный (связан с познанием другого человека, включает способность предвидеть поведение другого человека, эффективно решать различные проблемы, возникающие между людьми);

3) поведенческий (отражает способность человека к сотрудничеству, совместной деятельности, инициативность, адекватность в общении, организаторские способности и т.п.).

Коммуникативная компетентность – коммуникативные навыки, позволяющие человеку адекватно выполнять нормы и правила жизни в обществе [2].

В процессе коммуникации перед студентами возникает необходимость договориться, заранее спланировать свою деятельность. Происходит становление субъективного отношения к другим студентам в группе, т.е. умение видеть в них равную себе личность, учитывать их интересы, готовность помогать. Общаясь со сверстни-

ками, студент учится управлять действиями партнера по общению, контролирует их, показывает собственный образец поведения, сравнивает других с собой и себя с другими.

Эмоционально-практическая форма общения побуждает студентов проявлять инициативу, влияет на расширение спектра эмоциональных переживаний.

Ситуативно-деловая форма общения создает благоприятные условия для развития личности, самосознания, оптимизма.

Ситуативно-личностная форма общения развивает умение видеть в партнере по общению самоценную личность, понимать мысли своего партнера, его переживания, позволяет подростку уточнить представление о самом себе. Таким образом, мы полагаем, что общение студента – это не только умение вступать в контакт и вести разговор с собеседником, но и умение внимательно и активно слушать и слышать, а также использовать мимику, жесты для более экспрессивного выражения своих мыслей. Осознание особенностей себя и других людей влияет на конструктивный ход общения.

Основным действием, с помощью которого осваивается иностранный язык, является процесс общения, речевая коммуникация. В процессе коммуникации происходит не только обмен мыслями и чувствами, но и освоение языковых средств, придания им обобщенного характера. Попытки приблизить процесс обучения по характеру к процессу коммуникации предпринимались в нашей стране еще с начала 60-х годов, опередив и Европу, и Америку, по крайней мере, лет на 10. Разработкой коммуникативного направления в той или иной мере занимались многие научные коллективы и методисты. К ним в нашей стране, прежде всего, следует отнести Институт русского языка им. А. С. Пушкина (А. А. Леонтьев, В. Г. Костомаров, О. Д. Митрофанова, А. Н. Щукин, Э. Ю. Сосенко и др.); представителей метода активизации резервных возможностей личности (Г. А. Китайгородская), методистов и психологов Э. П. Шубина, П. Б. Гурвича, И. Л. Бим, Г. В. Рогову, В. Л. Скалкина, И. А. Зимнюю, а среди зарубежных коллег – Г. Лозанова и его школу в Болгарии, Г. Э. Пифо – в ФРГ, Р. Олрайт, Г. Уидсон, У. Литлвуд – в Англии, С. Савиньон – в США и многих других.

Использование коммуникативной методики – объективная необходимость, продиктованная закономерностями любого обучения как такового. Как известно, все, чему обучается человек, он приобретает для того, чтобы использовать в предстоящей деятельности.

Известно также, что использование знаний, навыков, умений основано на переносе, а перенос зависит, прежде всего, насколько адекватны условия обучения тем условиям, в которых эти знания, навыки, умения предполагается использовать.

Следовательно, готовить студента к участию в процессе делового общения нужно в условиях максимально приближенных к реальным, смоделированных на занятиях. Это и определяет сущность коммуникативного общения, которая заключается в том, что процесс обучения является моделью процесса общения. В таком случае коммуникативность рассматривается не как методический принцип, пусть даже и ведущий, а как принцип методологический, который определяет, с одной стороны, методические принципы обучения, а с другой – выбор общенаучных методов познания, исходных для построения процесса обучения.

Соблюдение указанных характеристик позволяет назвать образовательный процесс коммуникативным, если процесс коммуникативного иноязычного образования (занятие) строится как модель реального общения, но организуется так, чтобы студент имел возможность сам познавать и развиваться, овладевать культурой страны изучаемого языка, а не подвергался бы обучению.

Коммуникативность предполагает:

1) не «обучение иностранному языку», а образование и воспитание с помощью иностранного языка. Целью лингвистического (как и любого другого) образования является сам человек, точнее, становление человека, человека духовного. А содержанием образования является культура, в нашем случае – культура страны изучаемого языка, которая имеет четыре аспекта: 1) познавательный (когнитивный) – знания о языке и культуре страны; 2) развивающий (способности), 3) воспитательный (нравственность); 4) и учебный (владение умением общаться).

2) означает наличие у студента личностного смысла его участия в образовательном процессе, в овладении культурой с целью становления его как индивидуальности, как субъекта родной культуры и как участника будущего диалога культур.

3) это мотивированность любого действия обучаемого, совершение действия из внутреннего побуждения, а не внешнего стимулирования (боязнь отметки и т.п.).

4) это речемыслительная активность, т.е. постоянная включенность в процесс решения задач реального (а не учебного) общения.

5) это связь общения со всеми другими видами деятельности студента – общественной, спортивной, художественной и т.п.

6) это общение в ситуациях, понимаемых не как обстоятельства, а как система взаимоотношений между общающимися – преподавателем и студентами.

7) это функциональность, означающая, что любое действие студента, скажем, при овладении терминологией или словосочетаниями в деловом общении производится при наличии у него и при осознании им речевой функции («Подтверди ...», «Спроси ...», «Убеди ...» и т.п.), а не формального задания («Встань ...», «Измени ...» и т.п.).

8) это содержательность всех используемых материалов, их коммуникативная ценность и аутентичность.

9) это проблемная организация материала не так называемая тематическая, а проблемная организация материала (Например, «Деловой этикет зарубежных и отечественных партнеров по бизнесу», «Сколько надо чаевых в ресторане и в гостинице за рубежом?», «Как организовать прием иностранных гостей?» и т.п.).

Каждая из указанных характеристик – не благое пожелание, а обязательное условие. В соответствии с коммуникативной направленностью строится весь образовательный процесс. Большое внимание уделяется созданию коммуникативной атмосферы. Роль преподавателя качественно меняется. Он становится стратегом, реализующим концепцию учебных планов и программ, дополняющим их коммуникативными материалами. Большое значение имеет поведение самого преподавателя, который организует педагогическое взаимодействие и общение, дает время на размышление, не требуя моментального ответа, осуществляет гибкую коррекцию ошибок и т.д. Для успешной реализации идей коммуникативного подхода необходимо соответствующее программно-методическое обеспечение, ТСО, Интернет ресурсы [1].

В соответствии с коммуникативным подходом обучение варьируется в зависимости от уровня развития коммуникативной компетентности студентов. Прежде всего, образовательный процесс нацелен на содержание, которое помогает ориентироваться в мире чужой культуры, развивает собственный мир видения разных культур. Обучаемые выступают как активные партнеры по общению, их побуждают к осознанному и самостоятельному использованию языковых и речевых средств. Занятия имеют социальный характер, фронтальная работа заменяется на партнерскую, интерактивную ин-

дивидуальную и групповую, а активное использование учебников и пособий с коммуникативной направленностью в образовательном процессе дает положительные результаты при обучении деловому общению на иностранном языке.

Список литературы

1. Бароненко, Е. А. Формирование умений дидактического речевого общения у студентов педагогических вузов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1998. 20 с.
2. Белкин, А. С. Компетентность. Профессионализм. Мастерство. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 2004. 176 с.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура : лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. руководство. М. : Рус. яз., 1992. 272 с.
4. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования. Нар. образование. 2003. № 2. С. 58–64.

Spisok literatury

1. Baronenko, E. A. Formirovanie umenij didakticheskogo rechevogo obshhenija u studentov pedagogicheskikh vuzov : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Cheljabinsk, 1998. 20 s.
2. Belkin, A. S. Kompetentnost'. Professionalizm. Masterstvo. Cheljabinsk : Juzh.-Ural. kn. izd-vo, 2004. 176 s.
3. Vereshhagin, E. M. Jazyk i kul'tura : lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo jazyka kak inostrannogo : metod. rukovodstvo. M. : Rus. jaz., 1992. 272 s.
4. Hutorskoj, A. V. Kljuchevye kompetencii kak komponent lichnostno-orientirovannoj paradigmy obrazovanija. Nar. obrazovanie. 2003. № 2. S. 58–64.

УДК

**ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАК МЕДИАТОР В АМЕРИКАНСКОМ
И РУССКОМ ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**

Т. В. Дьякова

В данной статье представлено исследование педагогического дискурса в американской и русской лингвокультурах. Анализируются подходы к осуществлению целей данного вида дискурса представителями обеих культур.

Ключевые слова: медиатор, педагогический дискурс, целостность, педагогическое взаимодействие.

В нашем понимании **педагогический дискурс** – это объективно существующая динамическая система ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса, функционирующая в образовательной среде вуза, включающая участников дискурса, педагогические цели, ценности и содержательную составляющую, обеспечивающая приобретение студентами опережающего опыта в проектировании и оценке любого педагогического или социального явления в соответствии с нормами культуросообразной деятельности. Данный вид личностного опыта можно рассматривать как опыт культурного соавторства в совместной творческой деятельности студента и преподавателя по преобразованию социальной и педагогической реальности.

Общая цель педагогического дискурса заключается в создании условий для становления *целостного* человека во всем многообразии его психофизических, социальных и личностных характеристик.

Преподаватель в педагогическом дискурсе является не только участником дискурса, но и выполняет ведущую роль в образовательном процессе. Он не только осуществляет данный процесс, но и контролирует его, а также всецело несет за него ответственность.

Цель педагогического дискурса носит, как и цель образования в целом, трехкомпонентный характер: в профессиональной области – формирование ключевых компетентностей участников образовательного процесса, в общественной жизни – полноценная социализация личности в обществе, в личностной сфере – становление самоценной личности [1]. Основной ролью преподавателя является роль

медиатора (от лат. *medius* – срединный), то есть роль посредника в образовательном процессе, так как он служит неотъемлемым звеном между знаниями и учениками.

Такого рода медиация в американском педагогическом дискурсе осуществляется несколько иначе, чем в России. Традиционно, обучение в России основано на теоретическом подходе. Русский преподаватель тратит много времени на объяснение теоретического материала, зачастую никак не подкрепленного практикой. В России так же действует принцип «равнения на среднего ученика», что противоречит одной из главных американских ценностей – индивидуализму. Роль американского преподавателя – заинтересовать, заставить студентов самостоятельно находить ответы на интересующие их вопросы, копаться, выискивать, делать открытия, руководствуясь практическими принципами. В данном случае преподаватель не утруждается долгими объяснениями теоретических положений, тем более, что в Америке не принято объяснять одно и то же по несколько раз.

Стоит отметить, что американские преподаватели отличаются от большинства российских тем, что строят все свои уроки по принципу семинара-дискуссии. На занятиях происходит подробный разбор домашнего задания (т.е. самостоятельно прочитанного и изученного материала), его анализ, обсуждение и практическое применение. Преподаватели Америки не видят смысла в проведении лекций – скучном зачитывании материала из литературы, которую можно самостоятельно прочитать дома. Поэтому каждое занятие уникально. Пропустив такое занятие, студент вряд ли сможет найти изложенный материал в интернете или справочной литературе. Западное общество все в большей степени фокусируется на бизнес-ценностях, коммерции, «полезном знании», что почти автоматически приводит «к снижению или даже аннигиляции и гуманитарного, и гуманистического дискурса». Говоря проще, американские студенты приходят в университет для получения «полезных знаний», обеспечивающих наиболее эффективный и скорейший доступ к источникам капитала.

Если проводить сравнение между нашими университетами и американскими, то важно заметить такой факт, что в России со студентами «нянчатся». Тогда как обучение в Америке в большей степени сводится к самостоятельной работе, что хорошо подготавливает студентов к дальнейшей карьере и облегчает их профессиональную адаптацию.

Педагогическое взаимодействие понимается нами как процесс совместной деятельности участников образовательного процесса, имею-

щий педагогическую цель, опирающийся на установленные нормы и ценности, имеющий следствием изменения в ценностях, установках, деятельности, личностном миропонимании, поведении, развитии соответствующих знаний, умений и навыков. Все виды взаимодействия: психологическое, межличностное, социальное, воспитание, воздействие, сотрудничество, влияние, интеракция, общение, поддержка, манипулирование, и конфликт в том числе, являются стимулами развития личности. Стилистическая специфика педагогического взаимодействия опирается на диалоговую позицию субъектов образовательного процесса и находит свое выражение в многообразии стратегий реализации гармонизирующего диалога между всеми участниками дискурса [1].

Разница в педагогическом взаимодействии между русскими и американскими участниками педагогического дискурса все же существует. С одной стороны, американцы более неформальны в педагогическом общении. И это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, это отсутствие четко выраженной разницы в обращениях ТЫ и ВЫ. Во-вторых, опора на диалоговую позицию способствует двустороннему общению. То есть, общение «на равных» помогает ученикам быть равноправными участниками образовательного процесса, самостоятельными исследователями. В-третьих, студенты, получающие американское образование, имеют колоссальную возможность выбора не только курсовых предметов, но и ведущих преподавателей. Несомненно, это позволяет учиться в полное удовольствие, отказавшись от неинтересных и ненужных пар, а также от преподавателей, которые пришлись не по «вкусу».

В русском педагогическом дискурсе роль преподавателя как доминирующего субъекта общения неоспорима. Студенты не имеют права выбирать предметы, оспаривать оценки учителя, но имеют больше внимания преподавателя.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что хотя педагогический дискурс имеет общую цель в обеих культурах, но реализация данной цели происходит по-разному в силу культурных, ментальных и социальных явлений.

Список литературы

1. Ежова, Т. В. Педагогический дискурс и его проектирование [Электронный ресурс] // Эйдос. 2007. URL : <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-5.htm>.

Spisok literatury

1. Ezhova, T. V. Pedagogicheskiy diskurs i ego proektirovanie [Jelektronnyj resurs] // Jejdos. 2007. URL : <http://www.eidos.ru/journal/2007/0930-5.htm>.

УДК

**КОЛЛАЖИРОВАНИЕ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ ПРИЕМ
ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА**

Е. А. Линева, А. И. Российская

В статье рассматривается методический прием коллажирования и его влияние на формирование межкультурной компетенции, вовлечение детей в диалог культур, развитие речи, памяти и мышления младших школьников.

Ключевые слова: коллаж, межкультурная компетенция, коммуникация, культура, начальная школа.

Главной целью обучения иностранному языку в школе на современном этапе является формирование межкультурной компетенции, наличие которой необходимо для успешной коммуникации между носителями разных языков и культур.

Освоение языковых явлений труднее всего дается детям младшего школьного возраста. И порой выполнение однообразных упражнений становится для них скучным и неинтересным заданием. Поэтому на раннем этапе обучения детей иностранному языку одна из основных задач учителя – сделать этот предмет интересным и любимым. Ведь именно на начальном этапе изучения иностранного языка закладываются основы коммуникативной компетенции, необходимые для их дальнейшего развития и совершенствования в курсе изучения этого предмета [1; 3].

В практике учителей существует огромное количество форм и методов работы со страноведческим и лингвострановедческим материалом. Среди них включение в урок квизов (опросников), коллажирование, создание и показ мультимедийных презентаций, метод проектов и многое другое.

Одной из наиболее эффективных форм, по мнению учителей английского языка, является коллажирование. В методическом понятии это слово означает «наглядное вспомогательное средство обучения, методический прием, который предполагает последовательное наращивание лексического фона какого-либо ключевого понятия»

[4]. При использовании данного метода учитель ставит перед собой цель: сформировать у учащихся межкультурную компетенцию, предполагающую интерес к особенностям чужой культуры.

Метод коллажирования позволяет ознакомить учащихся с лингвострановедческой информацией и состоит в создании наглядных смысловых цепочек с четкой структурой, для того, чтобы последовательно раскрыть ключевое понятие осваиваемой темы.

Рассмотрим коллажирование на примере темы – «Winter Holidays in Great Britain». Данная тема входит в программу английского языка младших школьников. В учебнике «Английский язык» И. Н. Верещагиной и О. В. Афанасьевой указанная тема более подробно рассматривается в 4 классе. Составленный по данной теме коллаж поможет учащимся запомнить все отличия и особенности каждого зимнего праздника в Великобритании.

Известно, что коллаж предполагает ключевое понятие (ядро) и понятия-спутники, составляющие фоновое окружение ядра. Ядром является понятие «Winter Holidays», а его спутниками – «Christmas», «Boxing Day», «New Year». Они являются основными, и дальнейшие ответвления пойдут именно от них. Каждое из этих понятий-спутников одновременно является понятием-ядром по отношению к другим, более детальным понятиям-спутникам, составляющим его фоновое окружение.

Каждый спутник будет состоять из одних тех же понятий, но сами спутники будут разными. С помощью этого ученикам сразу будет видна разница между праздниками, их особенности, они смогут сравнить празднования в различных странах. Возьмем спутник «Christmas». Это самый любимый, обширный и важный праздник в Великобритании, и поэтому учащиеся именно здесь, самостоятельно называют большее количество слов. В него целесообразно включить следующие понятия – спутники: «celebration», «food», «features». Далее следует еще более мелкая детализация всех понятий, так, понятию «celebration» соответствуют слова: Christmas tree; Christmas socks; Yuletide; to decorate streets; greeting cards; presents. От понятия «food» отходят следующие слова: plum-pudding, plum porridge, turkey, apple pie, punch. «Features»: sprigs of holly, mistletoe and ivy; to sing carols; to collect money for charity; pantomime; nativity play.

Рассмотрим второй спутник «Boxing Day». Также подробно рассматриваем каждое понятие уже для данного праздника. «Celebration» соответствуют слова: Christmas boxes; gifts of money to

servants; to give alms; to collect things for charities; to help the old and the sick; to take part in various actions of mercy. «Food»: tradition dinner. «Features»: to visit friends and relatives; to open boxes of donations; robin on the greeting cards.

Третий спутник – «New Year». «Celebration»: big beautiful tree; sprigs of holly, mistletoe and ivy, which hung over the door and table lamps; holiday festivals; fireworks; street carnivals. «Food»: fried or stuffed turkey; gooseberry sauce; pudding; punch, which is prepared in a silver pot. «Features»: less popular in Britain than Christmas; to give expensive and great Christmas gifts; to give useful things and souvenirs, candles or beautiful teaspoons; gifts are distributed by lot; to give cards and Christmas decorations; to hide in the pudding silver piece of money.

Так постепенно дополняются все спутники, и после этого мы получаем законченный коллаж, который отражает всю нашу тему.

Коллаж размещается на школьной доске. В ходе урока, учитель поочередно прикрепляет яркие, разноцветные фигуры, на которых по-английски, (в скобках указать русские слова-эквиваленты) написаны слова-понятия.

Под каждым словом целесообразно прикреплять изображения. Первоначально дополняется рисунками материал, связанный с ключевым ядром, а затем и понятия-спутники.

Рассмотрим порядок проведения урока при использовании на нем коллажирования. В начале урока учитель показывает детям яркую фигуру и изображение к ней, и рассказывает об указанном предмете на русском языке. При этом рассказ составляется на основе английского текста. После этого проводится работа по запоминанию новых слов и усвоению ранее изученных: учитель читает слово на английском – ученики повторяют его вслед за ним, отвечают на вопросы, заданные по-русски (вопросы формулируются так, чтобы дети обязательно включили в свой ответ слово-понятие) [3. С. 15].

Далее учитель озвучивает английский текст, который связан с понятиями. Он зачитывается несколько раз для лучшего усвоения учащимися. После этого преподаватель задает по-английски те же вопросы о данном понятии, что он задавал по-русски. Они повторяются несколько с целью лучшего усвоения слов. Затем учитель знакомит детей со словами-спутниками таким же образом, при этом постоянно идет повторение уже освоенного материала с опорой на знакомые детям рисунки и фигуры.

В том момент, когда часть коллажа или весь коллаж уже отработан таким способом, ученикам предлагается составить рассказ о понятии на русском, вставляя в него основные понятия на английском, показывая соответствующие картинки на коллаже. После этого учитель убирает с коллажа все рисунки. Ученик пробует повторить рассказ без них. А затем убирается и весь коллаж, и учащемуся необходимо восстановить свой рассказ по памяти.

В результате данного метода учитель привлекает внимание учащихся, стимулирует их познавательные интересы, создает положительную мотивацию к изучению английского языка, активизируется речевая деятельность учащихся.

Таким образом, коллажирование как методический прием осуществляет формирование межкультурной компетенции, вовлечению детей в диалог культур, помогает развитию речи, памяти и мышления младших школьников.

Список литературы

1. Зимняя, И. А. Психология обучения иностранному языку в школе. М. : Просвещение, 1991. 222 с.
2. Кондратьева, С.Е. Активизация речемыслительной деятельности учащихся на уроках английского языка на основе лингвострановедения [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/518165/>
3. Линева, Е.А., Сахарова, А.В. Формирование грамматических навыков у младших школьников на уроках английского языка посредством игры / Е. А. Линева, А. В. Сахарова // «Человек человеку – человек ...»: сборник воспоминаний и статей памяти Перси Борисовича Гурвича. Владимир : ВГУ. 2011. С 220–224.
4. Пенина, Л.С. Использование приема коллажирования как линг-

Spisok literatury

1. Zimnjaja, I. A. Psihologija obuchenija inostrannomu jazyku v shkole. M. : Prosveshhenie, 1991. 222 s.
2. Kondrat'eva, S.E. Aktivizacija rechemyslitel'noj dejatel'nosti uchashhihsja na urokah anglijskogo jazyka na osnove lingvostranovedenija [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/518165/>
3. Lineva, E.A., Saharova, A.V. Formirovanie grammaticheskikh navykov u mladshih shkol'nikov na urokah anglijskogo jazyka posredstvom igry / E. A. Lineva, A. V. Saharova // «Chelovek cheloveku – chelovek ...»: sbornik vospominanij i statej pamjati Persi Borisovicha Gurvicha. Vladimir : VGU. 2011. S 220–224.
4. Penina, L.S. Ispol'zovanie priema kollazhirovanija kak

вострановедческий подход при обучении иностранному языку // Materiały VIII Międzyna-rodowej naukowi-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2012» Vol. 12. Filologiczne nauki.: Przemysł. Nauka i studia. 2012. C. 15.

lingvostranovedcheskij podhod pri obuchenii inostrannomu jazyku // Materiały VIII Międzynarodowej naukowi-praktycznej konferencji «Perspektywiczne opracowania są nauką i technikami – 2012» Vol. 12. Filologiczne nauki.: Przemysł. Nauka i studia. 2012. S. 15.

УДК

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДОСТОИНСТВА БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. К. Рудась

В статье рассмотрены возможные методики определения сформированности профессионального достоинства будущего учителя. Определены особенности указанных методик, цели и задачи их применения.

Ключевые слова: образовательная практики, подготовка будущего учителя, профессиональное достоинство учителя, сформированность достоинства.

Процесс воспитания в целом и воспитание будущего учителя в частности представляет собой гуманитарную образовательную практику, реализуемую в трех аспектах – социальное явление, процесс и деятельность. Каждый из указанных аспектов отражающих соответствующие стороны бытия человека: его социокультурное, индивидуальное и совместное (сопричастное) существование с окружающими его людьми. Достоинство как цель и категория, таким образом, социально обусловлено и отражает как внутреннее качественное состояние педагога, так и состояние быть необходимым для коммуникативного взаимодействия с другими людьми (как механизма воспитания).

Достоинство в наиболее общем виде выступает категорией этики и означает моральное отношение человека к самому себе и общественное мнение о нем, в котором признается ценность личности, характеристика человека с точки зрения его соответствия своему предназначению. Категория достоинства отражает моральную ценность личности и представляет собой общественную и индивидуальную оценку нравственных качеств человека. Достоинство есть внутренняя уверенность человека в собственной ценности, чувство самоуважения. И только будучи реализовано в личностной сфере, достоинство получает общественное признание. Механизм функционирования достоинства, таким образом, основан на движении изнутри человека к общественному признанию.

Понятие достоинства универсально. Независимо от социальной принадлежности человек обладает достоинством, которое поддерживает он сам и которое должны уважать в нем другие. Достоинство представляет собой понятие морального сознания, выражающее представление о ценности личности; это категория этики, отражающая моральное отношение человека к самому себе, а также общества к индивиду [3].

Сформированное профессиональное достоинство будущего учителя отличают следующие характеристики: а) индивид осознает степень соответствия педагогической профессии своим интересам, склонностям и способностям; б) у индивида сформированы духовно-нравственные ориентиры, идеалы человека; в) индивид ищет собственные смыслы в выполняемой им работе; г) приоритетное место в интересах индивида занимают проблемы педагогической деятельности, человек постоянно занимается самовоспитанием; д) индивид считает занятие педагогической деятельностью эмоционально привлекательным; е) индивид проявляет избирательность в восприятии информации; ж) индивида отличает самостоятельность суждений и оценок; з) индивид стремится к познанию окружающих; и) у индивида присутствует адекватная самооценка; к) внутренние нравственные установки индивида согласованы с морально-этическими требованиями общества и профессии; л) индивид способен принимать собственные решения; м) индивид чувствует и несет ответственность за принимаемые решения; н) индивид отстаивает свои позиции, доказывает их.

Представляется возможным предложить ряд методик, которые могут быть использованы для определения степени сформированности профессионального достоинства будущего учителя:

1. Методика определения степени сформированности профессионального достоинства учителя. Цель такой методики – помочь студенту определить, в какой степени у него сформировано профессиональное достоинство как у будущего учителя; насколько он осознает степень соответствия выбранной педагогической профессии своим интересам; сформированы ли у него духовно-нравственные ориентиры, идеалы человека.

2. Методика определения собственной идентичности и предназначения. Цель данной методики – помочь студенту определить свое предназначение; понять цели получения профессии учителя, а также готовность посвятить себя данной профессии. В процессе применения подобной методики студент должен найти для себя от-

веты на следующие вопросы: почему вы решили получить высшее профессиональное образование, какие факторы способствовали выбору вами именно данного учебного заведения, каким образом вами принималось решение о будущей профессии и дальнейшей учебе (самостоятельно, вместе с родителями, учителями и т.д.).

3. Методика осуществления выбора. Цель методики – выявить отношение студентов к нравственным нормам и соответствующим нравственным качествам (ответственность, коллективизм, самокритичность, принципиальность, принципиальность, чуткость, справедливость).

4. Методика планирования на будущее. Цель методики – изучение профессиональных намерений студентов; определение сформированности у студентов способности планировать на будущее.

5. Методика определения «что такое счастье?». Цель такой методики – изучение нравственных идеалов личности; познание духовных посылок и стремлений, определение главных ценностных характеристик личности. В ходе применения подобной методики обучающийся должен ответить на такие вопросы как «что такое счастье», «счастлив ли ты», «что нужно для счастья» и т.п.

Совокупное применение всех указанных методик позволяет определить нравственные идеалы студента, степень их устойчивости; выявить сочетаемость и противоречивость мотивов поведения, установить какое место в направленности личности студента занимает стремление приносить пользу окружающим, стало ли оно потребностью жизни. О превращении нравственной нормы в идеал личности можно судить по следующим признакам: отсутствие у студента противоречий в разнообразных суждениях (устойчивость идеала); активная защита преимуществ импонирующего ему качества при столкновении с противоположными взглядами (активность идеала).

Разработанность и адекватное применение методик сформированности профессионального достоинства будущего учителя позволяет существенно дополнить процесс подготовки будущего учителя, обучая не просто профессионала в определенной сфере, но воспитывая человека, подготовленного к взаимодействию с окружающими.

Список литературы

1. Бодалев, А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1991. 440 с.

Spisok literatury

1. Bodalev, A. A. *Vosprijatie i ponimanie cheloveka chelovekom*. M., 1991. 440 s.

2. Борытко, Н. М. Пространство воспитания: образ бытия. Волгоград, 2000. 225 с.
3. Шварцман, К. А. Теоретические проблемы этики. М., 1979. 147 с.
2. Borytko, N. M. Prostranstvo vospitaniija: obraz bytija. Volgograd, 2000. 225 s.
3. Shvarcman, K. A. Teoreticheskie problemy jetiki. M., 1979. 147 s.

УДК

**ПОВЫШЕНИЕ МОТИВАЦИИ К ОБУЧЕНИЮ
НА УРОКАХ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
В НАЧАЛЬНЫХ КЛАССАХ**

А. В. Сахарова, Д. С. Семёнова

В данной статье речь идет о разнообразных способах и необходимости повышения мотивации младших школьников на уроках английского языка. Успех обучения и отношение учащихся к предмету во многом зависят от проведения учителем урока.

Ключевые слова: мотивация, технология обучения, игровые приемы, песня, зарядки-релаксации, стихотворения, рифмовки.

Проблема мотивации к изучению иностранных языков стоит особо остро. Мотивация – важнейшая пружина процесса овладения иностранным языком. Формирование мотивации – это, прежде всего, создание условий для появления внутренних побуждений к учению, осознания их самими учащимися и дальнейшего саморазвития мотивационной сферы. Младший школьный возраст является самым благоприятным для формирования и сохранения положительной мотивации к изучению английского языка [3].

Сегодня зафиксирован мотивационный кризис у учащихся, которые не хотят учиться так, как может предложить традиционная школа. Основными причинами этого являются: колоссальная избыточность учебного материала, отсутствие уверенности в сохранении собственной психологической безопасности, все в порядке с «кнутом», западает то, что называется «пряником»; разный уровень развития учащихся. Поэтому учителя вынуждены научиться убеждать ребят в актуальности и полезности предлагаемого учебного содержания, т.е. так подавать эту информацию, чтобы она была востребована и воспринята учащимися [5].

На сегодняшнем этапе для педагога становится важно овладение искусством рекламной упаковки учебной информации. Ведь основные элементы рекламы - привлечь внимание, возбудить интерес. Пробудить желание и побудить к действию – во многом совпадают с ключевыми задачами урока.

Предмет «Иностранный язык» является практико-ориентированным, поэтому все занятия являются практическими [1]. Чтобы создать атмосферу подлинного общения на уроке, учитель должен сам уметь общаться: говорить естественно, а не механически (заученно), обращать внимание на реакцию и уметь учитывать интересы собеседника. Во время общения учитель должен умело использовать и невербальные средства общения (жесты, мимику), делающие его речь более эмоциональной. Он должен уметь правильно передвигаться по классу, стоять у доски, сидеть за рабочим столом.

На уроках иностранного языка должна царить атмосфера благоприятного психологического климата и демократических отношений. Уроки иностранного языка - это всегда уроки общения. Учитель и ученик должны стать равноправными речевыми партнерами. Иноязычное общение будет доставлять радость учащимся, если они чувствуют, что играют важную роль на уроке.

Интерес к предмету, желание овладеть им зависят в большей степени от того, какая технология обучения используется, как учит учитель, и как учатся у него школьники.

Один из главных факторов познавательного интереса - любовь к преподаваемому предмету. Л. Н. Толстой отмечал, что если «хочешь наукой воспитать ученика, люби свою науку и знай ее, и ученики полюбят тебя, а ты воспитаешь их; но ежели ты сам не любишь ее, то сколько бы ни заставлял учить, наука не произведет воспитательного влияния» [6].

На уроках английского языка в начальной школе с целью развития и совершенствования коммуникативных навыков можно применять игровые приемы. Так как известно, что игра – это организованное занятие, требующее напряжения эмоциональных и умственных сил, всегда предполагающая принятие решения – как поступить, что сказать, как выиграть. Желание решить эти вопросы у младших школьников обостряется мыслительная деятельность. Дети над этим не задумываются. Для них игра, прежде всего – увлекательное занятие, в котором все равны. Чувство равенства, атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий – все это благотворно сказывается на результатах обучения [4].

Для развития интеллекта, познавательной активности ребенка применяются предметные игры. Через игрушки – предметы – дети познают форму, цвет, объем, материал и т.п. Так, например, при изучении темы «Food» в 3 классе детям можно предложить картинки продуктов, чтобы описать их.

Для развития познавательной активности детей можно использовать дидактические игры. Они требуют от школьника умения расшифровывать, разгадывать, а главное – знать предмет. Например, такое задание – учитель «прячет» слова в таблице с хаотично расположенными буквами, а учащиеся должны найти спрятанные слова. Подобные задания ребята ждут с нетерпением.

Для выявления уровня подготовленности учащихся и для побуждения их активности применяются игры, основанные на соревновании.

Игры в учебном процессе обладают большими возможностями для дальнейшего формирования и активизации умений и навыков творческой, мыслительной и познавательной деятельности у школьников.

Вместе с тем, для развития коммуникативных способностей и стимулирования познавательной деятельности используются песни. Песни мотивируют деятельность учащихся о чем-либо сообщить, поинтересоваться. Например, разучивая песню «The days of the week» учащиеся знакомятся с названиями дней недели на английском языке, учатся произносить новые слова.

Песни способствуют совершенствованию навыков произношения, позволяют достичь точности в артикуляции, ритмике и интонации, углубляют знания по английскому языку, обогащают словарный запас, развивают навыки и умения чтения и аудирования, стимулируют монологическое и диалогическое высказывание. Более того, песня оказывает существенное влияние на эмоциональную сферу обучаемых. Замечено, что иноязычная деятельность на фоне музыки способствует не только запоминанию материала, но и снимает усталость в процессе обучения.

Несмотря на все разнообразие методов и приемов в преподавании английского языка младшим школьникам необходимо предусматривать такие виды работ, которые снимали бы напряжение и усталость. При проведении уроков стремиться включать зарядки-релаксации. При ее проведении учитель ставит перед учениками цель запомнить языковой материал.

Также нужно стремиться разнообразить материал, способствующий развитию памяти и навыков устной речи. На уроках можно использовать дополнительный материал в виде рифмовок и стихотворений. Этот материал позволяет прочно запомнить основные грамматические модели и использовать их в повседневной практике. Кроме того, процесс обучения превращается в увлекательную игру, что поддерживает интерес к данному предмету.

Таким образом, учитель – это не только педагог, это ещё и актер, художник, скульптор и т.д. Каждый урок для него – это спектакль, где он и главный герой, и постановщик, и режиссер. От его умения, знаний, навыков и, конечно же, творчества зависит, как пройдет урок, как учащиеся усвоят материал, с каким настроением придут на следующий урок.

Список литературы

1. Андреевская, Т. П. Методические рекомендации по преподаванию учебных предметов с учетом примерного учебного плана // *Иностранные языки*. 2012. № 5. С. 22.
2. Верисокин, Ю. И. Видеофильм как средство повышения мотивации школьников при обучении иностранному языку // *Иностранные языки в школе*. 2003. №5. С.31–34.
3. Зайцева, М. В. Мотивация и некоторые пути её повышения // *Первое сентября*. 2003. № 1. С. 2–4.
4. Линева, Е. А. Формирование грамматических навыков у младших школьников на уроках английского языка посредством игры / Е. А. Линева, А. В. Сахарова // «Человек человеку-человек...»: сборник воспоминаний и статей памяти Перси Борисовича Гурвича. Владимир: ВГУ, 2011. С. 220–224.
5. Митрофанова, Т. И. Критерии современного урока [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/604027/>
6. Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения. М., 1953. С. 72.

Spisok literatury

1. Andreevskaja, T. P. Metodicheskie rekomendacii po prepodavaniju uchebnyh predmetov s uchetom primernogo uchebnogo plana // *Inostrannye jazyki*. 2012. № 5. S. 22.
2. Verisokin, Ju. I. Videofil'm kak sredstvo povyshenija motivacii shkol'nikov pri obuchenii inostrannomu jazyku // *Inostrannye jazyki v shkole*. 2003. №5. S.31–34.
3. Zajceva, M. V. Motivacija i nekotorye puti ejo povyshenija // *Pervoe sentjabrja*. 2003. № 1. S. 2–4.
4. Lineva, E. A. Formirovanie grammaticheskikh navykov u mladshih shkol'nikov na urokah anglijskogo jazyka posredstvom igry / E. A. Lineva, A. V. Saharova // «Chelovek cheloveku-chelovek...»: sbornik vospominanij i statej pamjati Persi Borisovicha Gurvicha. Vladimir: VGU, 2011. S. 220–224.
5. Mitrofanova, T. I. Kriterii sovremennogo uroka [Elektronnyj resurs]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/604027/>
6. Tolstoj, L. N. Pedagogicheskie sochinenija. M., 1953. S. 72.

ABSTRACTS

Анохина М. А. Перевод адвербиальных глаголов в романе «Джейн Эйр» на русский и немецкий языки

Статья описывает семантические особенности адвербиальных глаголов в русском, английском и немецком языках. Способность подобных глаголов включать в свой состав компонент Образ действия высока в этих языках. Сложная семантика глаголов ставит проблемы для переводчиков. В данной работе мы рассматриваем способы перевода адвербиальных глаголов в романе «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте на русский и немецкий языки, и указываем на изменение содержательного компонента в результате этого процесса.

Ключевые слова: адвербиальные глаголы, включать в свой состав, компоненты, перевод, роман «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте.

Aphanasjeva V. V. Typical voice form “description”

The article deals with the narrative compositional form “description”. It contains stylistic analysis of emotive prose by English and American writers with the purpose of studying characteristic features of “description” on different levels of the language. The question of the influence of the individual style of a writer on the realization of the typical features of the compositional form is raised.

Keywords: standard speech-forms, composition and verbal forms, description, stylistic analysis, the English artistic text.

Bakanova Yu. V. Development of communicative competence in teaching students to communicate

The article examines the changes in the requirements for language skills, identifying new approaches to the selection of the content and organization of the material. The content of the course of learning a foreign language is aimed at developing communicative culture, and socio-cultural education of students, allowing them to be equal partners in intercultural communication in a foreign language. The essence of communicative dialogue is that the learning process is a model of the communication process.

Keywords: development of communicative competence in teaching students communication.

Borisova A. V. Peculiarities of lexical-semantic correlation of field units air / powietrze in the Russian and Polish languages

The article considers contents of the lexic-semantic field air in Russian and Polish languages. Semantic analysis of the lexems of the field air in Russian and Polish was carried out. In the article has been established, that they have a large degree of equivalence, but certain differences, connected with ethnocultural peculiarities of Russian and Polish languages, are observed. Lexems of this field demonstrated similarities and differences in their semantics and way of their representation.

Keywords: language, lexic-semantic group, lexeme, semantic closeness, representation, actualization.

Djakova T. V. Teacher as a mediator in the American and Russian pedagogical discourse

This article presents the study of pedagogical discourse in American and Russian language cultures. Analyses the approaches to the implementation of the objectives of this kind of discourse representatives of both cultures.

Keywords: the mediator, pedagogical discourse, integrity, educational interaction.

Gamar M. V. Some semantic changes of terminological lexis

The article presents some semantic terminological changes. The correlation of the components of the conceptual core of the term is analyzed. Some cases of the use of terms in their literal sense, complicated by emotional and expressive elements, are identified. Also, an attempt to trace the changes in terminology in her vocabulary figurative understanding is made. The analysis of the structural and semantic terminological transformations while being transferred to the official style is carried out.

Keywords: term, terminology, semantic transformations, semantic structure, lexical items.

Khoteeva N. V. The components of the sphere of the personification in the modern German language

The optimal choice of the language means for communication to the direct interlocutor. The three main variants of expression of the personification in the modern German language. The modal expressions with implicated ego-component.

Keywords: the communicative purpose; the category of personification; explicated; transposed; implicit; the elements of the semantic categories.

Lapshina N. V. The analysis of the functioning of precedent phenomena in a feature film

The article researches the main sources of precedent phenomenon which influence the recipient's perception of the feature film.

Keywords: precedent phenomenon, movie discourse, invariant, linguacultural community, work.

Lineva E. A., Rossiiskaya A. I. Collage as a methodical way of forming cross-cultural competence of pupils in primary school

The article deals with a description of a collage as a methodical way, that helps to form cross-cultural competence and to develop speech, memory and thinking of pupils in primary school.

Keywords: collage, cross-cultural competence, communication, culture, primary school.

Loseva N. S. Advertising texts of gluttonic discourse: the experience of classification

The advertising texts of the gluttonic discourse are classified in this article. The examples of gluttonic communication elements used in the restaurant discourse that purposefully attract attention of consumers of leisure organisations of the multicultural city are examined. The texts of menus, recipes and gastronomical parts of guidebooks that reflect the gluttonic information, which makes one of the most important elements of the national identification and self-identification of polylingual people, are studied and analyzed.

Keywords: discourse, gluttony, gluttonic discourse, advertising discourse, advertising text, multi-culture.

Maletina O. A. Peculiarities of formation of speech image policy

This article is devoted to the analyses of forming speech image. The problem is actual, because nowadays it is very important to speak in a right way especially for politicians. If a politician has a skill to speak emotionally, he has a chance to influence the public, and the victory at elections depends on the public's opinion.

Keywords: policy, image, speech, efficiency, communications strategy, expressiveness, pragmatic impact.

Melnichenko K. A. English as a global language

The paper studies the diffusion of English as a language of international communication. The diffusion of the English language over its historical development increased the diversity of its language contacts and thus multiplied the number of its varieties. The analysis of the relationship system among the varieties of the English language allowed the author to define the factors determining the existence of World English.

Keywords: globalization, World English, international language, language contacts, language planning, language policy.

Myronova T. Y. Linguistic forms in creative writing text: semantic elements in completeness

Text samples in English have been analyzed. Certain paragraphs are abundant of certain language forms, others are free from them and rich in some other language; authors' individual preference for how they use linguistic their opportunities is evident; semantically related grammar forms often create intense semantic effect. Authors' point of view, voice, tone, dynamism etc. are the only reliable routes to clarifying the observed textual tendencies; and otherwise, the focus on the language gives way to better understanding of the author's parameters of the text, whatever is determined by the author's personality that gets reflected in the text.

Keywords: creative writing texts in English, linguistic forms, effect; semantic density; author's textual parameters, author's point of view, voice, tone, dynamism etc.

Pyataeva N. V. The interaction of words and grammar in a breeding diachronic dictionary of a new type

The article considers the history of the compilation and publication in Russia breeding of world-building dictionaries of the Russian language, cohost semantic and grammatical features of a word, as are the principles of construction of the breeding of the dictionary of a new type – diachronic dictionary etymological nest.

Keywords: female dictionary, word-formation dictionary, semantics, grammar, diachronic dictionary etymological nest.

Radchuk O. A. Gender aspect in translation

This article considers gender characteristics of literature translation. The German lyric poems are examples of our research. The poems were analyzed on the lexical and syntax levels.

Keywords: the gender aspect, the translation, the lyric poem, the lexical and syntax levels.

Rudas N. K. Formation of the professional dignity of the future teacher of foreign language

The article deals with the possible methods of identification of the degree of formation of professional dignity of the future teacher. It defines peculiarities of existing methods, goals and aims of their use.

Keywords: educational practices, training of the future teachers, professional dignity teachers, readiness dignity.

Sakharova A. V., Semenova D.S. Increasing the motivation to learning foreign language in primary school

This article devotes to the question of various ways and need to increase the motivation of pupils at the English lessons in primary school. The success of teaching and pupils' attitude to the subject depends on the teacher's conducting of the lesson.

Keywords: motivation, education technology, gaming devices, song, charging relaxation, poem, rhyme.

Sincov B. Yu. Shaped antropocentric nomination as a means of expression of national-cultural component values

The article is devoted to figurative anthropocentric nominations as means of expressing the national-cultural component of meaning. The interpretation of the national-cultural component of meaning is based on the linguaculturological competence of the language community.

Keywords: the national-cultural component of meaning, figurative anthropocentric nominations, linguaculturological competence, the interpretation of the national-cultural component of meaning.

Stremovskaya A. L. Negotiation and other forms of social interaction: comparative analysis

Specific characteristics of negotiation are addressed in this paper. Negotiation is analyzed in comparison with such terms as 'social interaction', 'dialogue', 'National Issues Forum', 'communication' and 'social communication'. It is shown that negotiation is more structuralized and formalized than dialogue. In the social sphere negotiation and dialogue comprise communication and are the forms of communicative relations.

Keywords: social interaction, negotiation, dialogue, National Issues Forum, communication, social communication, communicative action

Ustinova T. V. Modification of lexical meaning of a world in «Language poems» A. Dragomoschenko and L. Khedginyan

The article reveals some peculiar properties of conveying the meaning in the “language poems” by Arkadii Dragomoshchenko and Lyn Hejinian. The author of the article focuses on such means of semantic modifications used by these poets as the syncretic expression of the poetic meaning and nonstandard combination of semantic components in the phrase.

Keywords: language poetry», semantic modification, lexical syncretism, lexico-semantic compatibility.

Vozbrannaya T. V. To the question about the modern trends in word-formation

The article examines the main trends Russian in the derivation associated with the processes of internationalization, expressivization and economy of language.

Keywords: derivation, borrowing, made internationalisms neoplasm, language savings.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Анохина Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Алтайской государственной педагогической академии.

656031, Барнаул, ул. Молодежная, 55.

marisha1980@mail.ru

Афанасьева Виктория Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского.

248023, Калуга, ул. Ст. Разина, 26.

vthappy@mail.ru

Баканова Юлия Валерьевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета.

454080 Челябинск, проспект Ленина, 76.

BakanovaJV@yandex.ru

Борисова Анна Владиславовна – аспирант Башкирского государственного университета.

450076, РБ, Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

Возбранная Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Национального минерально-сырьевого университета «Горный»

Санкт-Петербург, В.О., линия 21-я, 2.

t777777@mail.ru

Гамар Марина Владимировна – аспирант ВГПУ, преподаватель французского языка кафедры теории и практики перевода Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, 107.

marishka5.84@mail.ru

Дьякова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
tatyana_dyakova@yahoo.com

Лапшина Наталья Валентиновна – магистр филологии, преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
Natalya.denisenko.87@mail.ru

Линева Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Московского государственного областного гуманитарного института.

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
ealineva@mail.ru

Лосева Надежда Сергеевна – преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
loseva.nadezhda@list.ru

Малетина Оксана Андреевна – кандидат филологических наук, доцент, зам. зав. кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета.

400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
okmaletina@yandex.ru

Мельниченко Константин Александрович – аспирант кафедры делового иностранного языка Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета, преподаватель кафедры иностранных языков Торгово-экономического института Сибирского федерального университета.

660000, Красноярск, просп. Свободный, 79/10
krk.iniaz@gmail.com

Миронова Татьяна Юрьевна – кандидат педагогических наук, зав. кафедрой иностранных языков Днепропетровской государственной финансовой академии.

49083, Україна, Дніпропетровськ, Аржанова, 12.
kafinyaz@dsfa.dp.ua

Одинцова Любовь Ивановна – доцент кафедры иностранных языков Саровского физико-технического института Национального исследовательского ядерного университета МИФИ.

607186, Россия, Саров, Нижегородская обл., ул. Духова, д. 6.
odintsova-li@mail.ru

Пятаева Наталия Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, стилистики и журналистики Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета

453103, Стерлитамак, ул. Ленина, 47 а.
Pjataeva@yandex.ru

Радчук Ольга Андреевна – преподаватель кафедры филологии Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

10000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

Российская Алёна Игоревна – студентка 5 курса педагогического факультета Московского государственного областного гуманитарного института.

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
rossiiskay_alena@mail.ru

Рудась Надежда Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

400005, Волгоград, пр. им. В. И. Ленина, 27.
new_life@mail.ru

Сахарова Анна Владимировна – старший преподаватель кафедры преподавания иностранных языков Московского государственного областного гуманитарного института.

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
sakharova5@mail.ru

Семёнова Дарья Сергеевна – студентка 5 курса педагогического факультета Московского государственного областного гуманитарного института.

142611, Московская область, г. Орехово-Зуево, ул. Зеленая, д. 22.
darina18109@yandex.ru

Синцов Владислав Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Муромский институт (филиала) Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Стрёмовская Алла Леонидовна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

119991, Москва, Ленинские горы.
astremovskaya@mail.ru

Устинова Татьяна Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Омского государственного педагогического университета.

644077, Омск, проспект Мира 55-а.
utanja@mail.ru

Хотеева Нина Вячеславовна – преподаватель кафедры немецкой филологии Института языка и литературы Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко.

3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, 107.
khoteeva.nina@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2013 году каждый второй месяц, начиная с января, будет выходить очередная номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

У журнала развиты международные контакты: мы сотрудничаем с учеными Албании, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Украины, США, Швейцарии.

В феврале 2008 года журналу “Lingua mobilis” был присвоен ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала “Lingua mobilis” доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru).

Материалы для публикации принимаются до 15 апреля 2013 года в электронном и печатном виде по адресу: 454084, г. Челябинск, пр. Победы 162-в, Лаборатория межкультурных коммуникаций. Или по e-mail: lingua-mobilis@gambler.ru. В заявке просим указать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес с указанием индекса (для рассылки), телефон, e-mail. К заявке необходимо приложить аннотацию статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо прислать сразу после получения подтверждения о принятии материалов к публикации; в письме будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «Lingua mobilis» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

– Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля – 2 см).

– Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.

– Описание использованных источников помещается после статьи под заголовком «Список литературы» в алфавитном порядке. С образцом оформления можно ознакомиться на сайте журнала: <http://linguamobilis.ucoz.ru/>.

Обязательное требование: после текста статьи указывается: «Статья публикуется впервые. Даю согласие на обработку персональных данных», дата отправки статьи в редакцию и сканированная подпись автора.

С уважением, редакция

